ISSN: 3105-0042
e-ISSN: 3105-0050

Тарихшылардың ұлттық конгресі

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

National Congress of Historians

Национальный Конгресс историков

2026 Т.5. №1.

2025 жылдан бастап шығады
Founded in 2025
Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза в год

Астана, 2026
Astana, 2026

Journal of the National Congress of Historians 2026. T.5. No.1. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Бас редактор:
Ерлан Сыдықов, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н. Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан,

Жауапты редактор
Альбина Жанбосынова, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н.Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес:
Дэйв Бхавна, PhD., Шығыс және Африкатану мектебінің профессоры, Лондон университеті, Лондон, Ұлыбритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларуэль, PhD., Джордж Вашингтон университетінің профессоры, Вашингтон, АҚШ
Никколо Пиансиола, PhD, тарих кафедрасының доценті, Падуа университеті, Италия
Цзинчэн Ли, PhD, доцент. профессор, Шэньчжэнь университеті, Шэньчжэнь

Редакциялық алқа
Наталья Аблажей, тарих ғылымдарының докторы, Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесінің тарих институтының профессоры, Жаңасібір, Ресей
Сәулеш Есенова, PhD докторы, Калгари университетінің доценті, Калгари, Канада
Сергей Иванов, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. атындағы Қырғыз ұлттық университетінің профессоры. Баласағұн, Бішкек, Қырғызстан
Йовита Раду, PhD., Нью-Йорк университетінің профессоры, Нью-Йорк, АҚШ
Роберт Киндлер, PhD., Шығыс Еуропа институтының профессоры, Freie университеті, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, саясат ғылымдарының докторы, тарих ғылымдарының кандидаты. Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері. Алматы, Қазақстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., Техас университетінің антропология кафедрасының асс. профессоры, Остин, АҚШ
Юлия Лысенко, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университетінің профессоры, Барнаул, Ресей
Жанна Мажитова, тарих ғылымдарының докторы, Астана медицина университетінің профессоры, Астана, Қазақстан
Вячеслав Менковский, тарих ғылымдарының докторы, Беларусь мемлекеттік университетінің профессоры, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD докторы, Неміс археологиялық институтының профессоры, Берлин, Германия
Жақсылық Сабитов, PhD докторы, Жошы Ұлысын зерттеу институты, Астана, Қазақстан
Жакен Таймагамбетов, тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің профессоры, Астана, Қазақстан
Николай Вуков, PhD, доцент. Болгария ғылым академиясының Этнология және фольклортану институтының профессоры, София, Болгария
Томохико Уяма, тарих ғылымдарының докторы, Хоккайдо университетінің профессоры, Саппоро, Жапония

Техникалық хатшы: Ж. Калиев

Құрылтайшы және баспагер: "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 2025 жылы құрылған.

Журналдың арнайы сайты: https://kazhistorians.kz
Редакцияның мекен жайы: 010008, Астана қ., Қ. Мұнайтпасова көшесі, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат комитетінің республикалық мемлекеттік мекемесі KZ21VPY00107515 нөмірлі мерзімді баспасөз басылымын, ақпарат агенттігін және интернет-басылымды есепке қою туралы куәлік 10.12.2024 ж.

© Тарихшылардың Ұлттық Конгресі
© Journal of the National Congress of Historians

Journal of the National Congress of Historians 2026. T.5. No.1. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Chief Editor:
Erlan Sydykov, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Production editor
Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:
Dave Bhavna, PhD., Professor, School of Oriental and African Studies, University of London, London, UK
Isabelle Ohayon, PhD., Professor, Center for Russian, Caucasian, Eastern European and Central Asian Studies (CERCEC), Paris, France
Marlene Laruelle, PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA
Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Jingcheng Li, PhD, Ass. Professor, Shenzhen University, Shenzhen

Editorial board
Natalya Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
Saulesh Yesenova, PhD., Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada,
Sergey Ivanov, candidate of historical sciences, ass. Professor, Kyrgyz National University named after. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
Jovita Radu, PhD., Professor, New York University, New York, USA
Robert Kindler, PhD., Professor, Institute of East European Studies, Freie University, Berlin, Germany
Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov. Almaty, Kazakhstan
Craig Campbell, PhD., Ass. Professor, Department of Anthropology, University of Texas, Austin, USA
Yulia Lysenko, Doctor of History, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Zhanna Mazhitova, Doctor of History, Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan
Vyacheslav Menkovsky, Doctor of History, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus
Anatoly Nagler, PhD., Professor, German Archaeological Institute, Berlin, Germany
Zhaksylyk Sabitov, PhD., Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan
Zhaken Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Nikolai Vukov, PhD., Ass. Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Tomohiko Uyama, Doctor of History, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Zh. Kaliev

Founder and publisher: National Congress of Historians Public Association
Frequency: 4 times a year. Year established: 2025.

Official website of the journal: https://kazhistorians.kz
Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Munaitpasova str. 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Certificate of registration of a periodical print edition and (or) information agency No. KZ21VPY00107515 dated December 10,2024, issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan.

© National Congress of Historians
© Journal of the National Congress of Historians

Journal of the National Congress of Historians 2026. T.5. No.1. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Главный редактор:
Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Выпускающий редактор
Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Международный консультативный совет:
Дэйв Бхавна, PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США
Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Цзинчэн Ли, PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь

Редакционная коллегия
Наталья Аблажей, д.и.н., профессор, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия
Саулеш Есенова, PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада
Сергей Иванов, к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек Кыргызстан
Йовита Раду, PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Роберт Киндлер, PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, доктор политических наук, кандидат исторических наук. главный научный сотрудник института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова. Алматы, Казахстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., асс. профессор факультета антропологии Университет Техас, Остин, США
Юлия Лысенко, д.ист.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Жанна Мажитова, д.и.н., профессор, НАО Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан
Вячеслав Меньковский, д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия
Жаксылык Сабитов, PhD., Институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан
Жакен Таймагамбетов, д.и.н., профессор, Национальный музей РК, Астана, Казахстан
Nikolai Vukov, PhD., асс. профессор, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Томохико Уяма, д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь: Ж. Калиев.

Учредитель и издатель: Общественное объединение "Национальный Конгресс историков".
Периодичность: 4 раза в год. Год основания: 2025 г.

Официальный сайт журнала: https://kazhistorians.kz
Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Мунайтпасова, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства KZ21VPY00107515 от 10 декабря 2024 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК.

© Национальный конгресс историков
© Journal of the National Congress of Historians

CONTENT

WORLD HISTORY

J. Omurova *(Bishkek, Kyrgyzstan**)***
Abdumanapov R.A. Investment cooperation between Kyrgyzstan and China at the present stage (in English)..... 7

DOMESTIC HISTORY

Akanov K. *(Astana, Kazakhstan)*
Political and administrative changes in Kazakhstan during the first quarter of the 20th century (in Kazakh)..... 21

Zhanbossinova A. *(Astana, Kazakhstan)*
Tribalism as a Mode of Political Adaptation under Soviet Modernization in Kazakhstan (in Russian) 37

Mazhitova Zh. *(Astana, Kazakhstan)*
The Role of Soviet Citizens Arriving from the PRC in the Development of Kazakhstan's Virgin Lands in the 1950s (in Russian)..... 58

Zh. Nurbaev, G. Sultangazy *(Astana, Kazakhstan)*
To the proliferation of Protestant denominations in the territory of Northern Kazakhstan (the second half of the XIX century – the beginning of the XX century) (in Russian)..... 76

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

J. Omurova *(Bishkek, Kyrgyzstan)*
Abdumanapov R.A. Investment cooperation between Kyrgyzstan and China at the present stage 7

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Қ. Ақанов *(Астана, Қазақстан)*
ХХ ғасырдың бірінші ширегіндегі Қазақстандағы саяси және әкімшілік реформалар..... 21

А. Жанбосинова *(Астана, Қазахстан)*
Трайбализм как модус политической адаптации в условиях советской модернизации Казахстана..... 37

Ж. Мажитова *(Астана, Қазахстан)*
Роль советских граждан, прибывших из КНР, в освоении целинных земель Казахстана в 1950-х годах..... 58

Нурбаев Ж., Султангазы Г. *(Астана, Қазахстан)*
Некоторые аспекты институционального структурирования русской православной церкви на территории Степного края..... 76

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Research Article
IRSTI 03.29

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.7.20

Investment cooperation between Kyrgyzstan and China at the present stage

J. Omurova✉
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
✉*jamyikat2012@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of investment cooperation between the Kyrgyz Republic and the People's Republic of China in the period 1995-2025. The relevance of the topic is due to the growing role of Chinese investment in the socio-economic development of Kyrgyzstan, as well as the expansion of bilateral cooperation in the context of modern processes in the Eurasian space. The study is based on a wide range of sources, including materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, regulatory documents of Kyrgyzstan and China, official reports of government agencies, analytical publications and modern scientific research. The aim of the work is a comprehensive analysis of the main stages, directions, features and results of investment cooperation between Kyrgyzstan and China, as well as identifying existing problems and prospects for further interaction. The article uses historical, comparative, systemic and institutional research methods, allowing to trace the dynamics of bilateral relations and determine the impact of investment processes on the development of economic ties between the two states. The author analyzes the investment relationship of the two countries, distinguishing them into three stages, showing their specific impact on bilateral relations. The first stage involved the formation of a legal framework and the establishment of mechanisms for economic cooperation following Kyrgyzstan's independence. The second stage was characterized by intensified investment cooperation and the expansion of Chinese capital in key economic sectors. The third stage began with the launch of the Belt and Road Initiative in 2013 and was marked by a significant increase in investment cooperation, the implementation of major infrastructure projects, and deepening economic interdependence between the two countries. Particular attention is paid to the analysis of Chinese investment in the mining industry, energy sector, transport and logistics infrastructure, the construction of joint ventures, and the development of production capacities. It is shown that investment has contributed to the modernization of certain sectors of the Kyrgyz economy, the creation of new jobs, and the expansion of the country's foreign economic ties. At the same time, problems related to the effectiveness of project implementation, environmental risks, public perception of foreign investment, and the need to improve investment regulation mechanisms were identified. It is concluded that Kyrgyz-Chinese investment cooperation has significant potential for further development. Its effectiveness will depend on the ability of the parties to balance national interests, increase the transparency of investment processes, and create favorable conditions for the implementation of mutually beneficial projects over the long term.
Keywords: Kyrgyz Republic, China, Belt and Road Initiative, economy, investment, energy, transport, infrastructure projects, cooperation, integration

For citation: Omurova J. Investment cooperation between Kyrgyzstan and China at the present stage. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.7-20. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.7.20*

© J. Omurova, 2026

Қазіргі кезеңдегі Қырғызстан мен Қытай арасындағы инвестициялық ынтымақтастық

Ж. Омурова
Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек, Қырғызстан

Аңдатпа. Мақала 1995-2025 жылдар аралығындағы Қырғыз Республикасы мен Қытай Халық Республикасы арасындағы инвестициялық ынтымақтастықты зерттеуге арналған. Тақырыптың өзектілігі Қырғызстанның әлеуметтік-экономикалық дамуындағы Қытай инвестицияларының рөлінің артуымен, сондай-ақ Еуразия кеңістігіндегі қазіргі заманғы процестер аясында екіжақты ынтымақтастықтың кеңеюімен байланысты. Зерттеу Қырғыз Республикасы Ұлттық статистика комитетінің материалдарын, Қырғызстан мен Қытайдың нормативтік құжаттарын, мемлекеттік органдардың ресми есептерін, аналитикалық басылымдарды және заманауи ғылыми зерттеулерді қоса алғанда, көптеген дереккөздерге негізделген. Жұмыстың мақсаты – Қырғызстан мен Қытай арасындағы инвестициялық ынтымақтастықтың негізгі кезеңдерін, бағыттарын, ерекшеліктерін және нәтижелерін кешенді талдау, сондай-ақ одан әрі өзара әрекеттесудің бар мәселелері мен перспективаларын анықтау. Мақалада тарихи, салыстырмалы, жүйелік және институционалдық зерттеу әдістері қолданылады, бұл екіжақты қатынастардың динамикасын бақылауға және инвестициялық процестердің екі мемлекет арасындағы экономикалық байланыстардың дамуына әсерін анықтауға мүмкіндік береді. Автор екі елдің инвестициялық қарым-қатынасын талдап, оларды үш кезеңге бөліп, екіжақты қатынастарға нақты әсерін көрсетеді. Бірінші кезең Қырғызстан тәуелсіздік алғаннан кейін құқықтық базаны қалыптастыруды және экономикалық ынтымақтастық тетіктерін құруды қамтыды. Екінші кезең инвестициялық ынтымақтастықтың күшеюімен және негізгі экономикалық салаларда қытай капиталының кеңеюімен сипатталды. Үшінші кезең 2013 жылы «Бір белдеу, бір жол» бастамасының іске қосылуымен басталды және инвестициялық ынтымақтастықтың айтарлықтай артуымен, ірі инфрақұрылымдық жобалардың іске асырылуымен және екі ел арасындағы экономикалық өзара тәуелділіктің тереңдеуімен ерекшеленді. Қытайдың тау-кен өнеркәсібіне, энергетика секторына, көлік және логистикалық инфрақұрылымға, бірлескен кәсіпорындар құрылысына және өндірістік қуаттарды дамытуға инвестицияларын талдауға ерекше назар аударылады. Инвестициялар Қырғызстан экономикасының жекелеген салаларын жаңғыртуға, жаңа жұмыс орындарын құруға және елдің сыртқы экономикалық байланыстарын кеңейтуге ықпал еткені көрсетілген. Сонымен қатар, жобаларды іске асырудың тиімділігіне, экологиялық тәуекелдерге, шетелдік инвестицияларға қоғамдық көзқарасқа және инвестициялық реттеу тетіктерін жетілдіру қажеттілігіне байланысты мәселелер анықталды. Қырғыз-қытай инвестициялық ынтымақтастығының одан әрі даму үшін айтарлықтай әлеуеті бар деген қорытындыға келді. Оның тиімділігі тараптардың ұлттық мүдделерді теңестіру, инвестициялық процестердің ашықтығын арттыру және ұзақ мерзімді перспективада өзара тиімді жобаларды жүзеге асыру үшін қолайлы жағдайлар жасау мүмкіндігіне байланысты болады.

Түйін сөздер: Қырғыз Республикасы, Қытай, «Бір белдеу, бір жол» бастамасы, экономика, инвестиция, энергетика, көлік, инфрақұрылымдық жобалар, ынтымақтастық, интеграция

Сілтеме жасау үшін: Омурова Ж. Қазіргі кезеңдегі Қырғызстан мен Қытай арасындағы инвестициялық ынтымақтастық. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.7-20. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.7.20*

Инвестиционное сотрудничество Кыргызстана и Китая на современном этапе

Ж. Омурова
Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Статья посвящена исследованию инвестиционного сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой в период 1995-2025 гг. Актуальность темы обусловлена возрастающей роли китайских инвестиций в социально-экономическом развитии Кыргызстана, а также расширением двустороннего взаимодействия в условиях современных процессов на евразийском пространстве. Исследование основано на обширном круге источников, включая материалы Национального статического комитета Кыргызской Республики, нормативно-правовые документы Кыргызстана и Китая, официальные отчеты государственных органов, аналитические публикации и современные научные исследования. Целью работы является комплексный анализ основных этапов, направлений, особенностей и результатов инвестиционного сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем, а также выявление существующих проблем и перспективы дальнейшего взаимодействия. В статье используются исторический, сравнительно -сопоставительный, системный и институциональный методы исследования, позволяющие проследить динамику двусторонних отношений и определить влияние инвестиционных процессов на развитие экономических связей между двумя государствами. Автор анализирует инвестиционную отношению двух стран, выделив их на три этапа, показывают их конкретное влияние на двухсторонние отношения. Первый этап связан с формированием правовой базы и установлением механизмов экономического взаимодействия после обретения Кыргызстана независимости. Второй этап характеризуется активизацией инвестиционного сотрудничества и расширением участие китайского капитала в ключевых секторах экономики. Третий этап начался после выдвижения инициативы “Один пояс, один путь” в 2013 г. и ознаменовался значительным ростом масштабов инвестиционного взаимодействия, реализацией крупных инфраструктурных проектов и углублением экономической взаимозависимости двух стран. Особое внимание уделяется анализу китайских инвестиций в горнодобывающих промышленность, энергетический сектор, транспортно-логистическую инфраструктуру, строительство совместных предприятий и развитие производственных мощностей. Показано, что инвестиционные способствовало модернизации отдельных отраслей экономики Кыргызстана, созданию новых рабочих мест и расширению внешнеэкономических связей страны. Вместе с тем выявлены проблемы, связанные с эффективностью реализации проектов, экологическими рисками, общественным восприятием иностранных инвестиций и необходимостью совершенствования механизмов регулирования инвестиционной деятельности. Сделан вывод о том, что кыргызско-китайское инвестиционное сотрудничество обладает значительным потенциалом дальнейшего развития. Его эффективность будет зависеть от способности сторон обеспечивать баланс национальных интересов, повышать прозрачность инвестиционных процессов и создавать благоприятные условия для реализации взаимовыгодных проектов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, КНР, «Один пояс – один путь», экономика, инвестиция, энергетика, транспорт, инфраструктурные проекты, сотрудничество, интеграция

Introduction

The collapse of the Soviet Union in 1991 led to the emergence of independent states in Central Asia and created a new geopolitical environment along China's western borders. The newly independent countries became important partners for China, both because of their geographic proximity and their growing role in regional economic and political processes. Among hem, Kyrgyzstan occupies a special place due to its strategic location and long-standing economic ties with China. During the 1990s, relations between Kyrgyzstan and China developed gradually. Economic cooperation remained limited, although bilateral trade and investment contacts expanded compared with the initial years of independence. As China's economy continued to grow, its interest in Central Asia increased, creating new opportunities for cooperation with the countries of the region. A new stage in Kyrgyz-Chinese economic relations began in the early 2000s. The establishment of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in 2001 strengthened regional cooperation, while the accession of Kyrgyzstan and China to the World Trade Organization contributed to the expansion of economic ties. After the launch of the Belt and Road Initiative in 2013, investment cooperation became one of the most dynamic areas of bilateral relations, leading to the implementation of a number of large-scale projects in infrastructure, energy, and mining.

Materials and Methods

The article examines the evolution of investment cooperation between Kyrgyzstan and China during the period from 1995 to 2025. The analysis relies on statistical data published by the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, official documents of Kyrgyzstan and China, bilateral agreements, reports of international organizations, and academic studies devoted to Kyrgyz-Chinese relations. The research focuses on changes in the volume and structure of Chinese investment in Kyrgyzstan, as well as on the main sectors attracting Chinese capital. Attention is also given to the influence of regional economic initiatives, particularly the Belt and Road Initiative, on the development of bilateral investment relations. Several research methods were employed in the study. Historical analysis was used to trace the development of investment cooperation from the early years of Kyrgyzstan's independence to the present period. Comparative analysis helped identify differences in investment priorities across various stages of bilateral relations. Statistical data were analyzed to assess investment trends and determine the role of Chinese capital in the Kyrgyz economy. These methods were used to examine both the economic and political dimensions of investment cooperation. The article uses historical, comparative, systemic and institutional research methods to trace the dynamics of bilateral relations and determine the impact of investment processes on the development of economic ties between the two states.

Literature Review

Kyrgyz-Chinese relations have been widely discussed in academic and analytical literature. Researchers have examined issues related to trade, investment, regional security, transport connectivity, and economic integration, reflecting the growing importance of China in Central Asia. The expansion of China's economic presence in the region has been analyzed by a number

ISSN: 3105-0042. e-ISSN: 3105-0050

of scholars, including G. Chufrin (2012), Zhao Qingsong (2016), K.A.Kudayarov (2023), M. Imanaliev, and A. Dzhorobekova (2018), E. Kuzmina, J. Omurova (2019) and other researchers. Their works consider the growth of Chinese investment, the development of economic ties between China and the Central Asian states, and the impact of regional initiatives on economic cooperation. Particular attention has been devoted to the Belt and Road Initiative and its implications for regional development. Studies focusing on Kyrgyzstan examine Chinese participation in infrastructure construction, energy projects, mining, transport development, and cross-border economic cooperation. At the same time, researchers note a number of challenges associated with investment cooperation, including environmental concerns, public perceptions of foreign investors, debt-related issues, and the effectiveness of large investment projects. Although many publications discuss Kyrgyz–Chinese relations, fewer studies focus specifically on the long-term development of bilateral investment cooperation. As a result, the evolution of bilateral investment relations and their changing characteristics over different periods remain insufficiently explored. This article analyzes these developments and assesses their significance for economic cooperation between Kyrgyzstan and China.

Discussion and Findings

Chinese Investment Activity in Central Asia and Kyrgyzstan within the Belt and Road Initiative

Chinese investment activity in Central Asia, including Kyrgyzstan, increased noticeably after President Xi Jinping's visit to the region in 2013. During that visit, Xi introduced the concept of the Silk Road Economic Belt while speaking in Kazakhstan (Xi Jinping's Visit to Astana.Vlast. kz: 7.09.2013). This idea later developed into one of the main components of the Belt and Road Initiative (BRI). In his speech in Astana, Xi Jinping emphasized the common interest of China and the Central Asian countries in economic growth, prosperity, and regional stability. He noted that geographical proximity, political dialogue, and economic complementarity could create favorable conditions for broader cooperation and shared development. The Belt and Road Initiative aims to improve existing trade and transport routes while encouraging the development of new economic corridors linking Asia, Europe, and Africa. More than 60 countries are currently involved in projects connected with the initiative ("One Belt, One Road" – What Does This Idea Mean? 17.09.2019). For China, Central Asia has become an increasingly important direction of economic cooperation, while Kyrgyzstan's geographical position has strengthened its role as a transit and connectivity hub within the region.

By the late 1990s, Chinese foreign direct investment (FDI) in Central Asia remained below USD 1 billion and was concentrated mainly in the oil and gas sector. Over the following decade, investment increased more than 20 fold, making Beijing one of the region's principal sources of external financing (Chufrin 2012: 54). Following the 2008 global financial crisis, China's role in the regional economy became increasingly apparent, as traditional partners of Central Asia, including Russia, the United States, and European countries, faced economic and budgetary difficulties of their own. During the 2010s, cooperation expanded beyond the fuel and energy sector to include infrastructure development, construction, manufacturing, and agriculture. In recent years, China has become the largest source of imports for three Central Asian countries. The Eurasian Development Bank reported in its study China and the Eurasian Region: Analysis of Investment Flows (December 2025) (More Than One Path: 07.03.2017), that the stock of

Chinese foreign direct investment in Central Asia grew from USD 19.6 billion in 2016 to USD 35.9 billion by mid-2025. Nearly 90 percent of these investments were concentrated in Kazakhstan (32 percent), Uzbekistan (30 percent), and Turkmenistan (27 percent). Most Chinese investment continued to flow into extractive industries, which accounted for 46 percent of the total. Meanwhile, manufacturing and energy projects attracted an increasing share of capital and now represent more than one-third of Chinese investment in the region (More Than One Path: 07.03.2017).

The economy of the Kyrgyz Republic remains relatively open to foreign investment and ranks between Switzerland and Norway on the Foreign Direct Investment Restrictiveness Index. The country offers a competitive corporate tax rate of 10 percent, relatively low labor costs, and affordable electricity generated from its substantial hydropower resources. Significant inflows of foreign direct investment began in the 2000s, with much of the investment directed toward the gold-mining industry (Risks or Benefits: 01.24.2026). Mining has remained the main destination for foreign investment and continues to receive the largest share of incoming capital. Kyrgyzstan ranked 80th in the World Bank's Ease of Doing Business assessment in 2024 (Foreign Investments in Kyrgyzstan: 04.10.2021). Reforms in tax administration, licensing procedures, technical regulations, and inspection systems have helped improve the country's regulatory environment. Nevertheless, limited institutional capacity and infrastructure shortcomings continue to affect overall competitiveness. Kyrgyzstan performs particularly well in property registration, ranking 7th globally, and in access to credit, where it holds 15th place. However, access to electricity (143rd place) and contract enforcement (134th place) (Caravan-info.kg:12.06.2026) remain among the weaker aspects of the business environment and continue to present challenges for investors.

China and Kyrgyzstan signed a bilateral investment agreement in May 1992, which entered into force in September 1995. The treaty sets out the main principles governing investment relations between the two countries and offers legal protection to both private investors and companies operating in the host country. Alongside the protections provided under domestic legislation, the agreement grants investors additional guarantees. It also outlines mechanisms for resolving investment disputes, allowing foreign investors to seek independent arbitration or other legal remedies if the host state fails to uphold its obligations concerning the protection of investors' rights (Foreign Investment in Kyrgyzstan:04.10.20218).

In 2019, Chinese investment in Kyrgyzstan amounted to approximately USD 301 million, exceeding the volumes invested by Canada (USD 115 million), Switzerland (USD 103 million), and Türkiye (USD 75.3 million). Chinese-funded projects in Kyrgyzstan have been implemented in a number of sectors, including transport, telecommunications, energy, mineral resource development, and agriculture (Bilateral Investment Treaty: 04.10.2021). These projects have become an important part of broader economic cooperation between the two countries.

In 2021, China accounted for the largest share of foreign direct investment inflows into Kyrgyzstan, representing 33.4 percent of the total. It was followed by Türkiye with 14.7 percent, the Netherlands with 8.0 percent, the United Kingdom with 7.6 percent, and Germany with 4.4 percent [9]. Russian investment also recovered to its pre-pandemic level in 2021 and reached USD 145 million. Nevertheless, the volume of investment from Russia remained lower than that of both China and Türkiye (Economist.kg: 13.07.2022).

According to the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, foreign direct investment inflows reached USD 278 million in January–March 2022, which was 2.5 times higher

than in the corresponding period of 2021. China accounted for the largest share of total FDI inflows at 27.1 percent. Canada ranked second with 11.4 percent, followed by the Netherlands (8.8 percent), the United Kingdom (7.4 percent), and Türkiye (7.2 percent) (Vb.kg:16.06.2022). These figures reflect the prominent position of Chinese investment among the main sources of foreign direct investment in Kyrgyzstan.

Stages of Investment Relations between Kyrgyzstan and China

Over the past 35 years, investment cooperation between Kyrgyzstan and China has gone through three main stages. The first stage (1995-2001) marked the emergence of investment relations between the two countries. The second stage (2002-2012) was characterized by a steady growth in investment activity. The third stage (2013-2021) saw a significant expansion of cooperation following the launch of China's Belt and Road Initiative (BRI).

The First Stage: Initial Investment Cooperation (1995-2001) Chinese investment in Kyrgyzstan remained modest during this period. According to the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the total volume of Chinese investment amounted to USD 89.6 million between 1995 and 2001 (Stat.kg:20.06.2026).

Between 1995 and 2001, Chinese investment in Kyrgyzstan remained relatively modest and Chinese companies played only a limited role in the country's economy. After Kyrgyzstan joined the World Trade Organization (WTO) in 1998, Chinese foreign direct investment reached USD 1.9 million. Investment inflows declined to USD 1.1 million in 1999 and USD 0.9 million in 2000, before exceeding USD 2 million in 2001. Most Chinese investments during this period were made through small enterprises operating in agriculture, light industry, food processing, and related sectors. The number of Chinese companies in Kyrgyzstan also grew steadily. While only 18 Chinese enterprises were registered in the country in 1993, their number had increased to 138 by the beginning of 1996 (Zhao Qingsong, 2016: 69).

The Second Stage: Gradual Growth and Diversification (2002-2012) From 2002 to 2012, Chinese investment in Kyrgyzstan increased steadily. This trend was influenced not only by economic factors but also by the growing political and economic cooperation between the two countries.

The establishment of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in 2001 provided additional opportunities for closer regional cooperation. Chinese foreign direct investment in Kyrgyzstan rose to USD 8.5 million in 2002, an increase of 240 percent compared with the previous year. Growth continued over the following years, and by 2008 investment inflows had reached USD 57.5 million, almost twice the level recorded in 2007. During this period, Chinese investment extended beyond traditional sectors and entered areas such as mining, engineering services, telecommunications, transport, and real estate. Although many projects remained relatively small in scale, individual investments often exceeded USD 1 million. More than ten Chinese companies participated in investment projects across Kyrgyzstan. Projects implemented during these years included a China–Kyrgyzstan paper manufacturing joint venture, the Salken-Wusu brewery, Chuhe Poultry Company, Jiangdes Juice Factory, coal-mining enterprises, and several gold development projects. Kyrgyzstan also promoted a number of larger infrastructure initiatives involving Chinese participation, including the proposed China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway and highway, tailings processing facilities, and agricultural processing projects (Zhao Qingsong, 2016:70).

The Third Stage: Expansion of Investment Cooperation (2013-Present) The third stage began in 2013 and continues to the present day. During this period, Chinese investment in Kyrgyzstan increased significantly, although the volume of investment has fluctuated from year to year. A

major factor behind this growth was the launch of the Silk Road Economic Belt in 2013, which later became part of the Belt and Road Initiative (BRI). The initiative created new opportunities for economic cooperation and encouraged greater Chinese participation in investment projects across Kyrgyzstan. At the same time, external economic conditions have also influenced investment activity. Changes in the global economy, shifts in international markets, and periods of economic uncertainty have affected the scale of Chinese investment. Nevertheless, China has remained one of Kyrgyzstan's leading investment partners throughout this period.

According to data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, China became the second-largest source of foreign direct investment in Kyrgyzstan in 2012, accounting for 23.9 percent of total FDI inflows that year. In 2013, Chinese investment increased to USD 468 million, more than doubling compared to the previous year and representing 48.55 percent of all foreign investment received by Kyrgyzstan (Omurova 2019: 240). As a result, China became the country's largest foreign investor. This period also marked an important shift in the structure of Chinese investment. Whereas earlier investment activity had been dominated by small private enterprises, large Chinese state-owned companies increasingly entered the Kyrgyz market and became involved in major infrastructure and energy projects. One example was the reconstruction of the power system in southern Kyrgyzstan. In 2011, Xinjiang Tebian Electric Apparatus (TBEA) began work on a new substation project financed through a concessional loan provided by the Chinese government (Kudayarov 2023: 65). Another major project followed in 2012 with the construction of the Datka-Kemin power transmission line, one of the largest energy cooperation projects between Kyrgyzstan and China. The project, valued at approximately USD 389 million, strengthened the country's electricity network and improved the connection between the northern and southern parts of the national power system. Chinese companies also expanded their activities in engineering and construction. In 2012, they signed new engineering contracts worth approximately USD 150 million, while the value of completed projects and related business activities reached USD 351 million (Margulis 2019:29).

The increasing presence of Chinese businesses in Kyrgyzstan can also be seen in the number of enterprises operating in the country. Between 2002 and 2019, the number of companies wholly or partially owned by Chinese investors more than doubled, reaching 567 enterprises by 2019. Of these, 170 were joint ventures established with Kyrgyz partners. However, only a small share of these companies-around 10 to 15 enterprises-could be considered large-scale businesses (Kuzmina 2019, Eurasia.expert:15.06.2026).

Priority Sectors for Investment in Kyrgyzstan

Sector	Main Areas of Activity
Mining Industry	Extraction of oil, gold, coal, iron ore, copper ore, bauxite, nickel ore, lead-zinc ore, and other mineral resources.
Agriculture	Cultivation of fruits and vegetables, forestry activities, development of irrigated land, and modernization of irrigation systems.
Manufacturing Industry	Production of textiles and garments, footwear, machinery and equipment, electrical products, transport equipment, chemical products, plastics, rubber goods, pharmaceuticals, metal products, food processing, glass, ceramics, cement, as well as products made from leather, wood, paper, and cardboard.

Services Sector	Trade, telecommunications, transportation, catering, education, construction, healthcare, financial services, information technology, and other business services.

Kyrgyzstan was among the first countries to support and participate in the Belt and Road Initiative (BRI). Since its launch, cooperation between Kyrgyzstan and China has expanded across a range of economic and infrastructure projects. Since 2013, the two countries have worked together on several major initiatives. These include the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan highway, which has strengthened regional transit links, the reconstruction of Bishkek's road network, and the modernization of irrigation systems in four regions of Kyrgyzstan. Another important project is the North-South Alternative Highway, which is expected to become one of the country's main transport corridors. The implementation of these projects reflects the close economic cooperation that has developed between Kyrgyzstan and China in recent years (Omurova 2019: 242). Today, the Belt and Road Initiative serves as an important framework for bilateral cooperation in infrastructure and economic development.

Approximately 97 percent of Chinese foreign direct investment in Kyrgyzstan is concentrated in a limited number of sectors, including manufacturing, geological exploration, mining, financial and insurance services, information and communications, and wholesale and retail trade.

China's economic interests in Kyrgyzstan are closely connected with the country's mineral resources and energy sector. Cooperation in these areas has developed over many years. In 2002, Kyrgyzstan and China signed an agreement on the exploration and development of oil and gas deposits, most of which are located in the southern part of the country.Cooperation expanded further in 2014, when Chinese companies gained access to several major energy projects. These included the Mailuu-Suu-4 oil field, the East Izbaskent and Changyr-Tash oil and gas fields, and the Chyyrchyk gas field. The implementation of these projects illustrates the steady development of economic ties between Kyrgyzstan and China and the growing scale of cooperation in the energy sector (Strategic Partnership between China and Kyrgyzstan: 06.06.2021).

Much of Kyrgyzstan's transport, industrial, and public infrastructure dates back to the Soviet period. Airports, roads, bridges, hospitals, industrial facilities, and water-management systems require significant modernization, as many of them no longer correspond to current economic and social needs. The government has identified infrastructure development as one of its priorities and plans to implement a number of major construction projects. However, limited financial resources and broader economic constraints restrict the scale of investment available for modernization. Consequently, infrastructure development remains a major challenge for the country. In this context, the contribution of the Belt and Road Initiative to infrastructure development in Kyrgyzstan:

1. The Belt and Road Initiative contributes to closer economic integration across the Eurasian region, including cooperation between China and the member states of the Eurasian Economic Union. This creates additional opportunities for the countries of Central Asia, including Kyrgyzstan. The initiative also supports the further development of the strategic partnership between Kyrgyzstan and China. Cooperation has expanded in several areas, including science and technology, agriculture, energy, and infrastructure development, strengthening economic ties between the two countries (Imanaliev 2018: 40).

2. The Silk Road between Asia and Europe includes major transit routes, and Kyrgyzstan plays an important role in connecting these regions. International transport projects give the country an opportunity to improve its transport infrastructure and modernize key transport corridors. As these routes develop, Kyrgyzstan can generate additional revenue and support the economic development of border areas.

3. However, foreign and domestic experts do not all share the same opinion about the Belt and Road Initiative. Some argue that the growing number of Chinese citizens in Central Asia, including Kyrgyzstan, may create competition in the labor market and make it harder for local people to find employment. There are also concerns that closer ties between China and Central Asian countries could expand China's influence in the region. In the future, this may allow China to become the most influential country in Central Asia, while Russia's influence could gradually decline (Sputnik.kg: 14.12.2021).

4. China is interested in Kyrgyzstan's natural resources because the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, which borders Kyrgyzstan, faces energy shortages. The development of mining projects in Kyrgyzstan may help China improve infrastructure in the region and meet its growing energy needs.

Problems in Investment Relations Between the Two Countries

The investment climate in Kyrgyzstan depends on several factors, such as environmental issues, public attitudes, and relations between local communities and foreign investors. Every year, the Investment Promotion Agency of Kyrgyzstan launches new investment projects. These projects help create jobs and generate additional revenue through taxes, pension contributions, and other payments. At the same time, disagreements between investors and local residents can create difficulties and reduce the country's attractiveness to foreign investors.

There have been several cases in China–Kyrgyzstan relations where environmental requirements were not properly followed, resulting in environmental concerns and criticism of Chinese-funded projects.

One notable example is the modernization of the Bishkek Thermal Power Plant, which was completed in 2017 with a Chinese loan of USD 386 million. About a year later, an accident at the plant left the capital without heating during the winter season. The project was later linked to corruption investigations and court proceedings involving senior government officials. In addition, the environmental impact assessment (EIA) report for the modernization project was never made publicly available (Information and analytical report 2017: 20).

It is difficult to consider this project a real modernization because part of the thermal power plant still uses old equipment. In addition, coal remains the main fuel source, which does not help reduce air pollution. For several years, Bishkek has faced serious smog problems during the heating season. According to AirVisual, the city has repeatedly appeared among the most polluted cities in the world. According to the State Agency for Environmental Protection, around 14% of harmful emissions in Kyrgyzstan come from the thermal power plant. The plant burns about one million tons of coal every year, making it one of the country's major sources of air pollution. The report *"Smog in Bishkek: Myths and Reality"* states that coal consumption increased by 22% over the previous six years (Ced.auca.kg: 17.09.2021).

Environmental issues related to Chinese-funded projects are not limited to Bishkek. Similar environmental concerns can be observed in other regions of Kyrgyzstan.

Prospects

Despite these challenges, investment relations between Kyrgyzstan and China continue to expand. According to the Eurasian Development Bank (EDB), accumulated Chinese foreign direct investment in Kyrgyzstan reached USD 2.1 billion by the end of 2025. Chinese interest in the Kyrgyz market has increased over the last five years, with investment activity growing significantly after 2022. In that year, Chinese investments totaled USD 326 million, making China the second-largest investor in the country. In 2024, China became the main source of foreign investment in Kyrgyzstan (Report.kg: 14.01.2026). Chinese companies initiated projects worth more than USD 1 billion, showing the continued growth of economic cooperation between the two countries.

According to the Eurasian Development Bank (EDB), most Chinese investments in Kyrgyzstan focus on infrastructure and industry. About USD 150 million has been allocated to road modernization, while another USD 120 million will be used for the construction and renovation of energy facilities, including 15 small and medium-sized hydropower plants. The mining sector has also received Chinese investment of approximately USD 85 million. The China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway remains one of the most important strategic projects for Kyrgyzstan. China Railway International is participating in the project, and China holds a 51 percent share. Chinese investment is estimated at USD 3.5 billion, with more than USD 2 billion provided through concessional loans (Report.kg: 14.01.2026).

A significant share of Chinese investment is also directed toward the manufacturing sector. One of the key enterprises in the cement industry is the Kant Cement Plant, which is owned by the Chinese company Yatai and produces more than 1.2 million tons of cement each year. Investments in the plant are estimated at around USD 100 million. In the metallurgical sector, one of the largest projects is Alliance Altyn LLC in the Talas Region, where Chinese investment has exceeded USD 200 million (Report.kg: 14.01.2026).

However, analysts from the EDB note that the concentration of Chinese investment in several key sectors may increase dependence on imported equipment and foreign labor. They also warn that such a situation could limit opportunities for local businesses and contribute to the emergence of quasi-monopolies. Recent cooperation between Kyrgyzstan and China shows that the two countries remain important strategic partners. Recent investment projects show continued Chinese participation in infrastructure, energy, manufacturing, and transport development.

Conclusion

Now, an analysis of China's and Kyrgyzstan's investment activities allows us to draw the following conclusions:

– While China was relatively inactive in the region in the 1990s, with expansion occurring through the influx of Chinese goods, we are now seeing a flurry of activity from Chinese companies in Kyrgyzstan. They are showing interest in all areas, including projects of national significance, which will ultimately give China access to many deposits.

– The situation is similar in the investment sphere. China ranks first among investors in the Kyrgyz economy, with a share of approximately 40%. According to official data from the Kyrgyz Ministry of Industry and Trade, Chinese companies are primarily interested in the chemical

industry, as well as in enterprises involved in the mining and processing of rare earth metals. The main investors are large state-owned companies and investment funds, which are purchasing available real estate and also investing in the creation of Kyrgyz-Chinese joint ventures.

Both countries are jointly implementing a number of projects in the Kyrgyz Republic, primarily in infrastructure (mining, transport, and energy). China is contributing the lion's share of both funding and implementation.

In conclusion, it can be said that implementing investment relations is part of China's foreign policy and economic development strategy – the formation of stable states around its borders, for which Beijing is implementing investment projects at the regional level. The length of the border with Kyrgyzstan – one of the most important in the Central Asian region – and the presence of a large Uyghur diaspora in the country, as well as a Muslim Kyrgyz population in general, require significant efforts and various tools from China to establish cooperation and implement joint projects. Furthermore, Kyrgyzstan is one of the main channels for diversifying energy supplies to China. China faces certain difficulties in expanding its political and economic influence in the region due to the protectionist policies of the Eurasian Economic Union and Russia's concerns about its position in the strategically important Central Asian region. However, Russia's war with Ukraine, sanctions imposed by Western countries and the United States against Russia, the decline in global economic growth, and the decline and rise in global energy prices have led to Russia also becoming interested in cooperation with China. It is clear that China's influence in the region as a whole and in Kyrgyzstan in particular will grow, and consequently, investment cooperation between the two countries will also develop.

Acknowledgments

The authors express their sincere gratitude to the staff of Kazakhstan's museums for the materials provided, consultations, and assistance in working with archival and exhibition funds, without which this research would not have been possible.

References

Xi Jinping's Visit to Astana: From the Yuan as a Unit of Mutual Settlements to the Revival of the Silk Road. *Vlast.kz* Available at: https://vlast.kz/novosti/vizit_si_czinpina_v_astanu_ot_juanja_v_kachestve_edinicy_vzaimoraschetov_do_vozrozhdenija_shelkovogo_puti-2822.html 07.09.2013. (date of access 06.06.2026)

"One Belt, One Road" – What Does This Idea Mean? Available at: https://otvet.ya.guru/questions/455919-odin-pojas-odin-put-chto-znachit-eta-ideja.html 17.09.2019. (date of access 13.06.2026)

Chufrin G.I. China's Investment Offensive in Central Asia. *Economic Review.* 2012. No.4, pp. 54-68.

More Than One Path: The Interests of China and Russia in Central Asia. Expert Online, 2017. Available at: http://expert.ru/2017/07/3/kitaj-i-tsentralnaya-aziya 07.03.2017. (date of access 16.06.2026)

China's Investments in Central Asian Countries: *Risks or Benefits*. https://www.dw.com/ru/investicii-kitaa-v-strany-centralnoj-azii-riski-ili-vygoda/a-75632733 01/24/2026 (date of access 21.06.2026)

Foreign Investments in Kyrgyzstan. Available at: https://prc.today/kitaj-i-kyrgyzstan-dvustoronnyaya-torgovlya/ 04.10.2021. (date of access 12.06.2026)

Kyrgyzstan ranks 80th in the world in terms of favorable conditions for doing business. https://caravan-info.kg/ru/economics/853448-po-blagopriyatnym-usloviyam-dlya-vedeniya-biznesa-kyrgyzstan-na-80-meste-v-mire.html (date of access 12.06.2026)

Foreign Investment in Kyrgyzstan. https://prc.today/kitaj-i-kyrgyzstan-dvustoronnyaya-torgovlya/ 04.10.2021 (date of access 19.06.2026)

Bilateral Investment Treaty (BIT) https://prc.today/kitaj-i-kyrgyzstan-dvustoronnyaya-torgovlya/04. 10.2021 (date of access 12.06.2026)

In Kyrgyzstan, the inflow of foreign direct investment in 2021 amounted to more than $698 million. https://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-v-2021-godu-pritok-priamykh-inostrannykh-investitcii-sostavil-bolee-698-mln/ 11/03/22. (date of access 14.06.2026)

The volume of direct investment from Russia to Kyrgyzstan reached $145 million https://economist.kg/novosti/2022/06/13/obem-pryamyh-investicij-iz-rossii-v-kyrgyzstan-dostig-145-mln/13 June 2022. (date of access 20.06.2026)

In the first quarter of 2022, the inflow of foreign direct investment into the Kyrgyz Republic increased. Vb.kg https://www.vb.kg/doc/419384_v_i_kvartale_2022_goda_v_kr_vyros_pritok_priamyh_inostrannyh_investiciy.html June 16, 2022. (date of access 20.06.2026)

Data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. (http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/). (date of access 20.06.2026)

Zhao Qingsong. Economic and Trade Relations between China and Kyrgyzstan: History, Status Quo and Prospects, *Central Asian Economic Research. Xinjiang Finance and Economics.* 2016. Is.1, pp.66-73.

Omurova Zh. Cooperation of the Kyrgyz Republic with the People's Republic of China within the Framework of the "One Belt, One Road" Initiative. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International Relations.* 2019. No.5, pp. 236-249. DOI: 10.15688/ jvolsu4.2019. 5.17.

Kudayarov K.A. Foreign Investment in the Mining Industry of Kyrgyzstan. Social Sciences and Humanities. *Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies.* 2023. No.1, pp.63-73. (In Russ) Available at: https://doi.org/10.31249/rva/2023.01.04

Margulis S.B. Difficult Investor. What is the People's Republic of China Investing In in the Countries of the Former USSR. *Research Center for Integration Problems of the Member States of the Eurasian Economic Union "Union Narrative 2050",* 2019. 29 p. Available at:https://www.sonar2050.org/storage/files/

Kuzmina E. The Struggle for Investments and Gray Imports: Relations between Kyrgyzstan and China. *Eurasia.expert* – https://eurasia.expert/investitsii-i-seryy-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/ (date of access 15.06.2026)

Strategic Partnership between China and Kyrgyzstan. https://ru.journal-neo.org/2021/06/06/strategicheskoe-partnerstvo-kitaya-i-kirgizii/06.06.2021 (date of access 20.06.2026)

Imanaliev M.S., Dzhorobekova A. E. Conceptual foundations of relations between Kyrgyzstan and China in the light of Xi Jinping's initiative on the joint construction of the "Economic Belt of the Silk Road". *Bulletin of Tomsk State University. Story.* 2018. No.52, pp.38-42. DOI:10.17223/19988613/ 52/7

A Chinese Company in the Kyrgyz Republic Illegally Produced Oil, Destroying the Environment. Sputnik Kyrgyzstan. *Sputnik.kg.* Available at: https://ru.sputnik.kg/20151104/1019864893.html 14.12.2021. (date of access 12.06.2026)

Information and analytical report. Agency for the promotion and protection of investments of the Kyrgyz Republic (Ministry of Economy of the Kyrgyz Republic). "The Kyrgyz Republic and the People's Republic of China: The current state of economic and investment cooperation." Bishkek. 2017. 20 p.

AUCA's Bishkek Smog Study: Myths and Reality. http://ced.auca.kg/?p=1354 Friday, September 17, 2021 (date of access 12.06.2026)

By the end of 2025, the volume of Chinese investments in the Kyrgyz economy reached $2.1 billion. *Report.kg.* https://report.kg/ekonomika/94619-po-itogam-2025-goda-obem-investicij-kitaja-v-jekonomiku-kr-dostig-21-milliarda.html 01.14.2026. (date of access 20.06.2026)

Information about author

Jamyikat O. Omurova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies and Kyrgyz Studies, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, 547 Frunze Street, 720033 Bishkek, Kyrgyzstan, https://orcid.org/0000-0002-7104-3708, jamyikat2012@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Жамыйкат Орозбекқызы Омурова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университетінің аймақтану және қырғызтану кафедрасының меңгерушісі, Фрунзе көшесі 547, 720033, Бішкек, Қырғызстан, https://orcid.org/0000-0002-7104-3708. jamyikat2012@gmail.com

Сведения об авторе

Жамыйкат Орозбековна Омурова – доктор исторических наук, профессор, Национальный университет им. Ж. Баласагына, улица Фрунзе 547, 720033 г. Бишкек, Кыргызстан, https://orcid.org/0000-0002-7104-3708, jamyikat2012@gmail.com

Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest ***/ Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 24.12.2025.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами 19.01.2026
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.03.2026

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.21.36

Political and administrative changes in Kazakhstan during the first quarter of the 20th century

K. Akanov✉
Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan
✉*gazizuly85@mail.ru*

Abstract. The first quarter of the 20th century is one of the most important stages in the history of the formation of Kazakh statehood and its institutions of power. This is a period during which a number of important events took place, thanks to which the Kazakh nation and its national leaders received a historical chance to create their own national state and organize its institutions. The transformation and destruction of the imperial colonial system of the Russian Empire, the strengthening of the role of democratic and autonomist movements, and the Civil War led to the emergence of new forms of government and political institutions. Goal and objectives. The purpose of the article is to study the process of transformation of institutions of power in Kazakhstan in the first quarter of the 20th century. Objectives: review of historiography on the research topic; identify problematic issues and main directions; analysis and study of sources; identification of the main institutions of power operating during the period under study and the results of their activities. Results: the study of these issues is very important for many representatives of Kazakh and foreign science specializing in the study of imperial and Soviet topics. The specificity and characteristics of the institutions of power formed during this period are identified. Analysis of the process of transformation of existing institutions of power, their activities during the transition period, as well as the formation of new forms and their institutions is an important result of this study. Conclusion: The issues under study can become the foundation for further research on the history of the formation of institutions of power on the territory of Kazakhstan at the beginning of the 20th century, as well as create a foundation for its further study and determination of further prospects for research.
Keywords: institutions of power, Kazakh bureaucracy, regional congresses, Provisional Government, Kirghiz (Kazakh) Autonomous Soviet Socialist Republic.

For citation: Akanov K. Political and administrative changes in Kazakhstan during the first quarter of the 20th century). *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.21-36. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.21.36*

© K. Akanov, 2026

Политико-административные преобразования на территории Казахстана в первой четверти XX века

К. Аканов
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Первая четверть XX века является одним из важнейших этап в истории формирования казахской государственности и ее институтов власти. Этот период является одним из ключевых этапов в истории становления современной казахской государственности и формирования соответствующих институтов административного управления. Именно в этот период произошли масштабные политические и социальные преобразования, оказавшие определяющее влияние на дальнейшее развитие истории Казахстана в начале XX века. Крушение колониальной системы Российской империи, революционные события 1917 года, активная деятельность национальных элит, усиление автономистских и демократических движений, Гражданская война (1917 – 1922 гг.) и последующее установление советского государства приводили к возникновению на территории Казахстана новых форм государственного устройства и общественно-политических институтов. Цель и задачи. Целью статьи является комплексное исследование процессов развития и эволюционных трансформации институтов власти в Казахстане в первой четверти XX века. Задачи: обзор казахстанской и зарубежной историографии по теме исследования; постановка проблемных вопросов и определение основных направлений научного поиска; анализ и изучение существующего комплекса источников; определение основных институтов власти функционировавших в рассматриваемый период, а также выявление результатов и особенности их деятельности в условиях имперских, революционных и советских политических преобразований. Результаты. Изучение рассматриваемой проблемы представляет значительный научный интерес, как для казахстанских, так и для зарубежных специалистов, занимающихся изучением истории колониального распада Российской империи, становление европейски образованных национальных элит и оформления автономистских национальных движений, революционных преобразований и Гражданской войны, начального этапа советского государственного строительства и формированием Киргизской (Казахской) АССР. В процессе исследования выявляются особенности формирования и функционирования институтов власти в условиях смены политических режимов, определена специфика их деятельности в переходный период, а также проанализированы процессы возникновения новых органов управления и механизмы их взаимодействия с обществом. Полученные результаты позволяют глубже понять особенности развития и трансформации институтов государственной власти в первой четверти XX века. Заключение. Проведенное исследование расширяет научные представления о процессе становления институтов власти на территории Казахстана в первой четверти XX века и создает основу для дальнейшего изучения проблем формирования государственности, развития политических институтов и определения перспектив последующих исторических исследований.
Ключевые слова: институты власти в первой четверти XX века; национальная интеллигенция; Временное Правительство; Гражданская война; Киргизская (Казахская) АССР.

XX ғасырдың бірінші ширегіндегі Қазақстандағы саяси және әкімшілік реформалар

Қ. Ақанов
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Андатпа. XX ғасырдың бірінші ширегі – қазақ мемлекеттілігі мен оның билік институттарының қалыптасу тарихындағы маңызды кезеңдердің бірі. Бұл – бірқатар маңызды оқиғалар орын алған кезең, соның арқасында қазақ елі мен оның ұлттық көшбасшылары өзінің ұлттық мемлекетін құруға және оның институттарын ұйымдастыруға тарихи мүмкіндік алды. Ресей империясының империялық отаршылдық жүйесінің қайта құрылуы мен жойылуы, демократиялық және автономиялық қозғалыстардың рөлінің күшеюі, азамат соғысы басқарудың жаңа нысандары мен саяси институттардың пайда болуына әкелді. Мақсаты мен міндеттері. Мақаланың мақсаты – XX ғасырдың бірінші ширегіндегі Қазақстандағы билік институттарының трансформациялану процесін зерттеу. Міндеттері: зерттеу тақырыбы бойынша тарихнамаға шолу жасау; проблемалық мәселелер мен негізгі бағыттарды анықтау; дереккөздерді талдау және зерттеу; зерттелетін кезеңінің негізгі билік институттарын және олардың қызметінің нәтижелерін анықтау. Нәтижелер: бұл мәселелерді зерттеу империялық және кеңестік тақырыптарды зерттеуге маманданған қазақстандық және шетелдік ғылымның көптеген өкілдері үшін өте маңызды. Осы кезеңде қалыптасқан билік институттарының ерекшеліктері айқындалады. Қазіргі билік институттарының трансформациялану процесін, олардың өтпелі кезеңдегі қызметін, сондай-ақ жаңа нысандар мен олардың институттарының қалыптасуын талдау осы зерттеудің маңызды нәтижесі болып табылады. Қорытынды: Қарастырылған мәселелер XX ғасырдың басындағы Қазақстан аумағында билік институттарының қалыптасу тарихын одан әрі зерттеуге негіз бола алады, сондай-ақ оны одан әрі зерделеу және одан әрі қарай анықтау үшін негіз бола алады.
Түйін сөздер: билік институттары; қазақ бюрократиясы; өлкелік съездер; Уақытша үкімет, Қырғыз (Қазақ) АКСР

Сілтеме жасау үшін: Аканов К XX ғасырдың бірінші ширегіндегі Қазақстандағы саяси және әкімшілік реформалар. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.21-36 *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.21.36*

Кіріспе

XX ғасырдың басында Қазақстан аумағы Ресей империясының әкімшілік-басқару жүйесінің қарамағында болды. Империялық билік өз өкілеттігін негізінен генерал-губернаторлықтар, губерниялар мен облыстар түріндегі әскери-әкімшілік институттар арқылы жүзеге асырды. Олардың қатарына орталығы Ташкент қаласында орналасқан Түркістан генерал-губернаторлығы (оның құрамына Сырдария және Жетісу облыстары кірді), сондай-ақ орталығы Омбы қаласында орналасқан Дала генерал-губернаторлығы (құрамына Ақмола, Семей, Орал және Торғай облыстары енді) жатты. Бұдан бөлек, халқының басым бөлігін қазақтар құраған Ішкі (Бөкей) Ордасы Астрахан губерниясының, ал Маңғышлақ Закаспий облысының құрамында болды (Аяған және т.б. 2017: 14).

Осы кезеңде Түркістан генерал-губернаторлығының әкімшілік басқару жүйесін

реформалауға бағытталған алғашқы қадамдардың бірі жасалды. Атап айтқанда, 1886 жылғы «Түркістан өлкесін басқару туралы ережені» қайта қарау мәселесі көтерілді. Аталған ережеге сәйкес Түркістан өлкесінде генерал-губернатор мен облыстық әскери губернаторлардан өзге лауазымдарды әскери және азаматтық мекемелердің қызметкерлері қатар атқарғандықтан, уезд деңгейінде әкімшілік және әскери биліктің ара-жігі ішінара ажыратылды. Соның нәтижесінде уезд бастығы азаматтық қызметші мәртебесіне ие болып, әскери-полициялық міндеттер учаскелік приставтарға жүктелді. Зерттеушілер XIX ғасырдың соңынан 1917 жылға дейінгі кезеңді жергілікті өзін-өзі басқару органдары мен земство мекемелеріне мемлекеттік бақылаудың күшейген кезеңі ретінде сипаттайды. Жергілікті өзін-өзі басқару органдарының қызметі үкімет шенеуніктерінің қатаң бақылауына алынып, ал земство мекемелерінде дворяндар ықпалы барған сайын арта түсті (Традиционное … 2014: 95; Кемелбеков 2019: 240).

Империялық басқару институттарымен қатар Қазақстан аумағында дәстүрлі қоғамдық-саяси институттардың ықпалы да сақталды. Соның бірі – билер институты. XX ғасырдың басында, 1917 жылғы Қазан төңкерісіне дейін, билер соты қоғамдағы беделі жоғары әрі көшпелі қазақ қауымдарын басқаруда елеулі ықпалға ие саяси тетік ретінде өз қызметін жалғастырды. Қазаққоғамының саяси-құқықтық жүйесі мен әлеуметтік-рухани өміріндегі түбегейлі өзгерістер Кеңес мемлекетінің әміршіл-әкімшіл басқару жүйесі қалыптасқан кезеңде жүзеге асты. Соған қарамастан билер соты өз ықпалын толық жоғалтқан жоқ. Қазан төңкерісінен кейін ол аралық (төрелік) сот түрінде қайта ұйымдастырылып, 1920-1924 жылдарға дейін қызметін жалғастырды.

Зерттеу материалдары мен әдістері

Зерттеудің негізгі дереккөзін «Орынбор облысының Біріккен мемлекеттік архиві» мемлекеттік бюджеттік мекемесінің қорларында сақталған, қалыптасып келе жатқан билік институттарының қызметіне қатысты архивтік құжаттар құрайды. Сонымен қатар құжаттар жинақтары мен тарихнамалық еңбектердің материалдары да кеңінен пайдаланылды. Аталған дереккөздерді кешенді зерделеу зерттеу тақырыбын жан-жақты ашуға, ал оларды ғылыми тұрғыдан талдау бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген тың мәліметтерді анықтап, ғылыми қолданысқа енгізуге мүмкіндік береді.

Зерттеудің әдіснамалық негізін тарихилық қағидаты құрайды. Бұл қағидат зерттеліп отырған құжаттардағы мәліметтерді өз дәуірінің нақты тарихи жағдайымен өзара байланыста қарастыруға мүмкіндік берді. Сонымен қатар жүйелілік қағидаты қолданылды. Оның негізінде дереккөздердегі мәліметтер өзара сабақтас біртұтас жүйе ретінде қарастырылып, билік институттарының қалыптасуы бірізді әрі өзара байланысты тарихи үдеріс ретінде талданды.

Зерттеу барысында салыстырмалы-тарихи және идиографиялық әдістер қолданылды. Салыстырмалы-тарихи әдіс дереккөздерде қамтылған билік институттарының қалыптасуы мен дамуына қатысты мәліметтердің жай-күйін анықтауға және оларды өзара салыстыра талдауға мүмкіндік берді. Ал идиографиялық әдіс нақты билік институттарының қалыптасуына ықпал еткен тарихи оқиғаларды жан-жақты қарастыру барысында пайдаланылды.

Әдеби шолу

XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі Қазақстан тарихы отандық және шетелдік зерттеушілердің ерекше назарындағы өзекті ғылыми бағыттардың бірі болып табылды. Әсіресе осы күрделі өтпелі кезеңде империялық және кеңестік билік институттарының трансформациясы, сондай-ақ дәстүрлі қазақ қоғамының бұл өзгерістерге көзқарасы мен қатынасы ғылыми қызығушылық туғызады. XX ғасырдың басында Қазақстан аумағының саяси және экономикалық тұрғыдан империялық жүйеге кірігуінің салдарын, Ресей империясының ескірген билік институттарының дағдарысы мен күйреуін, жаңа мемлекеттік құрылымдар мен басқару органдарының қалыптасу ерекшеліктері мен қиындықтарын, сондай-ақ дәстүрлі қазақ қоғамындағы билік институттарының жай-күйін зерттеу осы тақырып аясындағы ғылыми ізденістердің негізгі бағыттарының біріне айналды.

Сонымен қатар империялық және ұлттық мемлекеттердің даму мәселелерін, саяси және әкімшілік басқарудың неғұрлым тиімді үлгілерін, көпұлтты мемлекеттердегі ұлттық сананың өсуі мен ұлтаралық қатынастарды реттеу тетіктерінің арақатынасын талдау қазіргі Қазақстан тарих ғылымы үшін ғана емес, шетелдік зерттеулер үшін де маңызды ғылыми міндеттердің бірі саналады. Бұдан бөлек, империялық, Алаш және большевиктік билік жүйелерінің ұлттық саясатының қалыптасуы мен дамуы, олардың ұстанған стратегиялары мен іске асырған тәжірибелері, жекелеген өңірлердегі ерекшеліктері, орталық билік пен жергілікті ұлттық элиталардың өзара қарым-қатынасы, сондай-ақ этноконфессиялық және әлеуметтік-саяси құрылымы әркелкі қоғам жағдайындағы ұлт қалыптастыру саясатының жүзеге асырылуы да ғылыми қауымдастықтың ерекше назарын аударып келеді.

Аталған мәселелердің жекелеген бағыттары кеңестік кезеңнің өзінде-ақ зерттеле бастады. Мысалы, 1943 жылы жарық көрген «Қазақ КСР тарихы» еңбегінде 1917 жылғы революциялық оқиғалар кезеңінде қалыптасқан билік институттарына талдау жасалған. Онда Уақытша үкіметтің Түркістан комитетін құруы, облыстарды басқару ісінің жергілікті ұлттық элита өкілдерінен тағайындалған комиссарларға берілуі қарастырылған (История 1943: 408-409). Сонымен қатар II Николай тақтан бас тартқаннан кейінгі өтпелі кезең де зерттеу нысанына айналды. Бұл уақытта бірқатар өңірлерде империялық басқару жүйесінің жекелеген элементтері сақталғанымен, қатарласа Уақытша үкіметтің басқару органдары, жұмысшы депутаттары кеңестері және Уақытша комитеттер түріндегі кеңестік билік институттары қалыптаса бастады (История 2011: 597-603). 1949 жылғы басылымда Азамат соғысы жылдарында кеңестік билік құрған мемлекеттік институттар мен Қазақ (Қырғыз) АКСР-інің алғашқы қалыптасу кезеңіндегі басқару құрылымдары кеңінен қарастырылды (История 1949: 7-38, 102-106). Ал 1977 жылы жарық көрген еңбекте империялық билік институттарының ыдырауы және олардың революциялық басқару құрылымдарымен алмасу үдерісі жан-жақты талданған. Бұл зерттеуде бір жағынан Уақытша үкіметтің басқару органдары, екінші жағынан жергілікті жерлердегі облыстық кеңестер мен әскери-революциялық комитеттердің (ӘРК) қызметі қарастырылған. Сонымен қатар 1920-жылдары мемлекеттік және партиялық ұйымдардың нығаю үдерісіне де ерекше назар аударылған (История 1977: 11-36, 202-214).

Тәуелсіздік жылдарында кеңестік тоталитарлық жүйенің күйреуі және ұзақ уақыт

бойы тыйым салынған көптеген тарихи мәселелерді зерттеуге қойылған идеологиялық шектеулердің жойылуы нәтижесінде қазақстандық тарихнамада сапалық тұрғыдан жаңа кезең басталды. Соның ішінде қазақтың ұлттық көшбасшылары алғаш рет өздерінің дербес билік институттарын қалыптастыру мүмкіндігіне ие болған Алаш автономиясының тарихын зерттеу жаңа серпін алды. Бұл бағыттың дамуына 1990-жылдар мен 2000-жылдардың басында Д. Аманжолова, М. Қойгелдиев, К. Нұрпейісов, Р. Нұрмағанбетова сынды ғалымдар елеулі үлес қосты (Аманжолова 1993; Аманжолова 1994; Қойгелдиев 1995; Нұрпейісов 1995; Нурмаганбетова 1999; Нурмаганбетова 2003).

Қазіргі кезеңде Қазақстан аумағындағы XX ғасырдың алғашқы ширегінде мемлекеттік билік институттарының трансформациясын әртүрлі қырынан қарастырған отандық және шетелдік зерттеушілердің еңбектері белгілі. Қазақстандық ғалымдардың ішінде Ж. Әбсеметова, М.Ө. Әбсеметов, С.М. Ақымбеков, С. Аққұлы, Б.Ғ. Аяған, А.М. Ауанасова, Г.Б. Бырбаева, А.С. Жанбосынова, Е.К. Нұрпейісов және басқа да зерттеушілердің 2000-жылдары жарық көрген еңбектерін ерекше атауға болады (Абсеметова 2007; Абсеметов 2006; Акимбеков 2018; Акимбеков 2021; Аккулы 2016; Аккулы 2017; Аяган және т.б. 2017; Бырбаева 2005; Жанбосинова 2013).

Шетелдік зерттеушілердің ішінде Д.А. Аманжолова, И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко, И.В. Нам, Е.В. Тарасов, М.В. Стурова, М.В. Шиловский, Г.А. Ноздрин және А.К. Кирилловтың еңбектері ерекше назар аударуға тұрарлық. И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко, Е.В. Тарасов және М.В. Стурованың бірлескен монографиясында XX ғасырдың басында Қазақстан аумағында қызмет еткен империялық билік институттары мен 1917 жылғы Ақпан төңкерісінен кейінгі өтпелі кезеңдегі басқару құрылымдары жан-жақты қарастырылған (Традиционное ... 2014). Ал И.В. Нам, М.В. Шиловский, Г.А. Ноздрин және А.К. Кирилловтың еңбектері негізінен 1917-1920 жылдардағы Азамат соғысы кезеңіндегі билік институттарын зерттеуге арналған. Авторлар бұл үдерістерді негізінен Сібір өңірі аясында талдай отырып, Алаш автономиясын да осы кеңістіктің құрамдас бөлігі ретінде қарастырады (Нам 2009; Общественно-политическое ... 2019). Зерттеу тақырыбы тұрғысынан Д.А. Аманжолованың еңбектері ерекше құнды. Оның зерттеулерінде билік институттарының трансформациясы Алаш үкіметі құрған мемлекеттік құрылымдар, олармен тығыз байланыста болған Сібір облысшыларының ұйымдары, Уақытша үкіметтің басқару органдары, сондай-ақ большевиктік және кеңестік билік құрылымдары қызметімен өзара сабақтастықта қарастырылады (Аманжолова 1993; Аманжолова 1994; Аманжолова 2004; Аманжолова 2009a; Аманжолова 2009b; Аманжолова 2015).

Жоғарыда аталған еңбектерді талдау нәтижесінде зерттеліп отырған мәселе бойынша ауқымды тарихнамалық қор қалыптасқанын байқауға болады. Бұл ғылыми мұра жүргізіліп отырған зерттеудің теориялық және әдіснамалық негізін құрайды. Сонымен бірге, бірқатар мәселелердің әлі де толық зерттелмегенін немесе үстірт қарастырылғанын атап өткен жөн. Атап айтқанда, облыстық басқармалардағы төменгі дәрежелі шенеуніктерден, тілмаштар мен іс жүргізушілерден құралған қазақ шенеуніктерінің қалыптасу ерекшеліктері жеткілікті деңгейде зерттелмеген. Бұл мәселелер Д.А. Аманжолованың кейінгі еңбектерінде қазақтардың Ресей Мемлекеттік думасындағы, Уақытша үкімет органдарындағы және кеңестік саяси құрылымдардағы қызметімен қатар ішінара қарастырылған (Аманжолова 2019). Соған қарамастан, XX ғасырдың басындағы мемлекеттік басқару органдарындағы қазақ қызметкерлерінің

сандық құрамының өзгеру динамикасы, олардың мемлекеттік басқару жүйесіндегі рөлі, сондай-ақ кеңес билігінің алғашқы жылдарында (1920-1925 жж.) этноұлттық бюрократияның қалыптасу ерекшеліктері әлі де терең зерттеуді қажет етеді.

Нәтижелер

1903 жылы Ташкент қаласында арнайы комиссия құрылып, оның жұмысы барысында жергілікті өзін-өзі басқару органдарына сайлау өткізу жүйесі қатаң сынға алынды. Атап айтқанда, Ферғана облысы әкімшілігінің қызметкерлері өз есептерінде сайлау басталмай тұрып-ақ жергілікті халық арасында алаңдаушылық пен тіпті «қозулы көңіл күйдің» байқалғанын атап көрсеткен. Соның салдарынан облыстағы қоғамдық ахуал шиеленісіп, ауылдардағы егіншілік пен өзге де шаруашылық жұмыстары тоқтап қалған. Сонымен қатар уездік және облыстық әкімшілік органдарына сайлаушыларды сатып алу әрекеттері туралы көптеген арыз-шағымдар келіп түскен. Осындай қорытындыларды Сырдария облысы әкімшілігінің қызметкерлері де жасаған. Олардың пікірінше, жергілікті халық қалыптасқан қоғамдық көңіл күйге байланысты сайлау үдерісіне толық дайын болмаған, ал мұндай жағдайды жекелеген адамдар мен саяси топтар өз мүдделеріне тиімді пайдаланып отырған. Осы жағдайларды ескере отырып, комиссия арнайы жоба әзірлеп, ауыл старшындары мен болыс басқарушыларын сайлау тәртібін жоюды ұсынды (Традиционное … 2014: 95).

Билер сотын таратуға бағытталған алғашқы қадам 1920 жылғы 25 желтоқсанда Әділет халық комиссариаты қабылдаған №2 «Аралық соттарды тарату туралы» циркулярдан бастау алды. Дегенмен бұл шешім билер сотының бірден жойылып кетуіне алып келген жоқ. Олар уақыт өте келе «ақсақалдар соты» және «ақсақалдар кеңесі» түрінде өз қызметін жалғастырды. 1924 жылы қабылданған бірқатар циркулярларда мұндай соттардың қызметіне тыйым салынып, олардың шығарған шешімдері заңсыз деп танылды. Сонымен қатар мемлекеттік билік органдарына бұл соттардың қызметіне қатысты сот-процессуалдық шараларды қолдану құқығы берілді. Соған қарамастан, Ж.С. Мәжитованың пікірінше, бұл құқықтық институттың қызметі 1920-жылдардың соңына дейін сақталған (Мажитова 2015: 76-83).

Осы кезеңде жаңа әлеуметтік топ – қазақ шенеуніктері қалыптаса бастады. Олардың қатарын негізінен арнайы басқармалардағы төменгі дәрежелі қызметкерлер, тілмаштар және уездік әрі облыстық мекемелердің іс жүргізушілері құрады. Олар әкімшілік қызметкерлерге берілетін бірқатар артықшылықтарға ие болды. Атап айтқанда, қазына есебінен жалақы алды, офицерлік және генералдық шендерге ие болу мүмкіндігіне қол жеткізді, әскери мундир мен айырым белгілерін тағу құқығына ие болды, жеке немесе мұрагерлік дворяндық атақ, ордендер, медальдар және басқа да марапаттармен марапатталды. Бұл шенеуніктер мемлекеттік билік пен жергілікті халық арасындағы негізгі дәнекер қызметін атқарды. Олар ресми құжаттарды сауатты оқып, мазмұнын өз қандастарына түсіндіре алғандықтан, қазақ қоғамында елеулі бедел мен ықпалға ие болды (Аманжолова 2019: 25-26)

XX ғасырдың алғашқы онжылдықтарында Ресей империясы құрамындағы түркі халықтарының, соның ішінде қазақ халқының ұлттық санасы айтарлықтай өсе бастады (Аманжолова 2009а: 38). Оның жарқын көріністерінің бірі – 1905 жылғы шілде айында

Қарқаралы қаласы маңындағы Қоянды жәрмеңкесінде өткен қазақ съезі болды. Съезд қатысушылары Ресей императоры II Николайдың атына арнайы петиция әзірледі. Құжатқа Семей облысы Қарқаралы уезінің беделді 42 қазағы қол қойды. Петицияның негізгі талабы қазақ халқына жалпыға бірдей сайлау құқығын беру болды. Сонымен қатар Ішкі істер министрінің атына жеке өтініш жолданды. Онда қазақтардың сол кезеңдегі жергілікті басқару жүйесіндегі бірқатар лауазымдарға – болыс басқарушысы, ауыл старшыны және хатшылық қызметтерге жергілікті қазақ зиялыларының тағайындалуы, сондай-ақ жер мәселелерін реттеу үшін білімді қазақтар арасынан бітістіруші судьяларды тағайындау ұсынылды. Сонымен бірге мұндай қызметке тағайындалатын адамдарға бірқатар талаптар қойылуы тиіс екендігі атап көрсетілді: қызметке кіріскен кезде ант қабылдау, қазақ тілін меңгеруі және іс жүргізуді қазақ тілінде жүзеге асыруы. Бұл талаптардың енгізілуі құжат авторларының мемлекеттік құрылыс мәселелерін терең түсінгенін, ұлт тағдыры үшін жауапкершілікті өз мойнына алуға және қазақ қоғамының мүддесін қорғауға ұмтылғанын көрсетеді (Кабульдинов 2013: 42).

Ұлттық сананың өсуі қазақтардың елдің қоғамдық-саяси өміріне белсенді араласуынан да көрініс тапты. Соның ішінде 1905 жылғы революциялық оқиғалардан кейін құрылған Ресей Мемлекеттік думасына сайлауға қатысуы ерекше маңызды болды. Мемлекеттік думаның I және II шақырылымдарына қазақ ұлттық элитасының бірқатар өкілдері депутат болып сайланып, негізінен мұсылман фракциясының құрамында қызмет атқарды. Олар мұсылман съездерін өткізу, мұсылман қауымының баспасөз органын шығару, аграрлық реформаларды талқылау және өзге де қоғамдық-саяси мәселелерді шешуге белсенді қатысты.

1917 жылғы Ақпан төңкерісі мен II Николайдың тақтан бас тартуынан кейін Ресейде Уақытша үкімет билікке келіп, бұрынғы империяның барлық өңірлерінде, соның ішінде Қазақстан аумағында да өз басқару құрылымдарын қалыптастыра бастады. Облыстық деңгейде құрылған Уақытша үкіметтің мекемелеріне комиссарлар қызметіне қазақ зиялылары тағайындалды. Мысалы, Торғай облысына – Ә. Бөкейхан, Жетісу облысына – М. Тынышбаев, Қостанай уезіне – А. Беремжанов тағайындалды. Осылайша Уақытша үкімет өзіне саяси тұрғыдан жақын ұлттық элита өкілдерін Қазақстанда ғана емес, Ресейдің басқа да ұлттық аймақтарындағы басқару органдарына кеңінен тартуға ұмтылды.

Атап айтқанда, Ә. Бөкейхан мен А. Беремжанов Уақытша үкімет құрамында ықпалды орын алған кадет партиясының мүшелері болды. Мұстафа Шоқай да кадеттерге жақын болып, Сырдария губерниялық басқармасының ауыл шаруашылығы бөліміне қызметке тағайындалды. Ал М. Тынышбаев Уақытша үкіметті қолдаған социалист-революционерлер (эсерлер) партиясына ниеттес болды. Сол кезеңде кадеттер мен эсерлер Ресейдің ең ықпалды саяси күштері саналды. Зерттеушілердің пікірінше, жаңа билік бұрынғы империялықәкімшілік аппаратқа сүйене алмады, ал өз басқарушы кадрлары жеткіліксіз еді. С. Ақымбековтің мәліметінше, Петроградтағы Ішкі істер министрлігінде өткен мәжілісте Түркістан комитетінің төрағасы Н. Щепкин бұрынғы басқару аппаратының күйрегенін және патша заманында тағайындалған шенеуніктердің қызметтен шеттетілгенін баяндаған. Нәтижесінде билік өкілеттіктері өздігінен құрылған атқару комитеттері мен жұмысшы және солдат депутаттары кеңестерінің қолына өте бастады. Сондықтан жергілікті жерлерге келген Уақытша үкімет өкілдері

бұрынғы әкімшілік құрылымдардың нақты билік жүргізу мүмкіндігінен айырылғанын көрді. Ал шынайы саяси ықпал жергілікті қоғамдық және саяси күштердің қолында болды. Мысалы, Жетісу облысында мұндай күш ретінде орыс казактары мен қоныс аударушы шаруалардың қауымдары танылды (Акимбеков 2021: 88-89).

Осы кезеңде облыстық қазақ съездерінің саяси маңызы артып, олардың негізінде облыстық қазақ комитеттері құрылды. Соның бірі – 1917 жылғы 27 сәуір мен 7 мамыр аралығында өткен Семей облыстық қазақ съезі. Оған Семей облысының бес уезінен 200 делегат, Бесік уезінен екі өкіл және Ұйымдастыру қазақ комитетінен 15 өкіл қатысты. Съезд төрағасы болып Ж. Ақбаев сайланды. Оның орынбасарлары болып Х. Ғаббасов, Р. Мәрсеков, М. Боштаев және Б. Сәрсенов бекітілді. Хатшылық қызметін Ә. Ермеков, Е. Оразалин, М. Малдыбаев және Ш. Ақпанов атқарды. Сонымен қатар съезге Ш. Құдайбердин, Н. Құлжанова, М. Малдыбаев және басқа да қоғам қайраткерлері қатысты. Жиында мемлекеттік билік институттарын ұйымдастыруға қатысты бірқатар маңызды мәселелер қаралды. Атап айтқанда, Ресей халықтарының барлығы қатысуы тиіс Құрылтай жиналығын шақыру, мемлекетті федеративтік демократиялық республика түрінде ұйымдастыру, ұлттық автономия мен жергілікті өзін-өзі басқару жүйесін енгізу мәселелері талқыланды. Сондай-ақ облыстық, уездік, болыстық және ауылдық комитеттер құру жөнінде ұсыныстар қабылданды (Протокол … 2010: 135).

1917 жылғы 5-13 желтоқсан аралығында Орынбор қаласында II Жалпықазақ съезі өтті. Осы съезде орталығы уақытша Семей қаласы болып белгіленген «Алаш» атты қазақ автономиясының құрылғаны жарияланды. Съезд құжаттарына сәйкес, оған жеті облыстан, Бөкей Ордасынан және бір губерниядан келген өкілдер қатысты. Сонымен қатар түрлі қазақ ұйымдарының делегаттары мен арнайы шақырылған тұлғалар да болды. Съезд барысында Сібір мен Түркістан автономияларының құрылуы, қазақ тілінде білім беру жүйесін ұйымдастыру, бағдарламалық құжат әзірлеу, салық жинау және басқа да маңызды мәселелер қарастырылды (Протокол … 2004: 472).

Мемлекеттік билік институттарын қалыптастыру мәселесінде Алаш автономиясында үкіметтік орган ретінде 25 мүшеден тұратын Уақытша Халық Кеңесі – Алашорда құрылды. Оның құрамындағы 10 орын қазақтармен бірге өмір сүрген орыс және басқа ұлт өкілдеріне бөлінді. Кеңестің уақытша орналасатын орны ретінде Семей қаласы белгіленді. Атқарушы билік толығымен осы Кеңестің қолына шоғырландырылды. Мемлекеттің қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін халық милициясын құру көзделді. Заң шығарушы билікті жүзеге асыру мақсатында Ресей Республикасының сайлау заңнамасы негізінде сайланатын Құрылтай жиналығын шақыру жоспарланды. Сонымен бірге Алашордаға қаржы саласында қарыз алу, дипломатиялық салада басқа саяси қозғалыстармен, оның ішінде автономиялық құрылымдармен келіссөздер жүргізу өкілеттігі берілді. Уақытша Халық Кеңесі ұлттық азшылықтарға арнайы орын бөлінген парламент қызметін атқаруы тиіс болды. Оның міндеттерінің бірі автономия Конституциясының жобасын әзірлеп, Құрылтай жиналысының қарауына ұсыну еді. Муфтият, халық соты және ауылдық басқару мәселелері автономия ресми жарияланғаннан кейін және Құрылтай жиналысы шақырылған соң қарастырылатын болып шешілді. Халық Кеңесінің төрағасы болып баламалы дауыс беру нәтижесінде Әлихан Бөкейхан сайланды (Алаш-Орда … 1992: 69-70).

1918 жылғы 11 қыркүйекте Уфа қаласында өткен Алашорда мәжілісінде Алашорда

автономия аумағындағы жалғыз заңды басқару органы ретінде танылды. Жергілікті жерлердегі басқару земство және қалалық өзін-өзі басқару органдары, сондай-ақ Алашорда комиссарлары арқылы жүзеге асырылды. Облыстық және уездік комиссарларды Алашорда өзі тағайындады. Осы жиында Алашорданың Батыс бөлімшесі құрылып, оның құрамына Бөкей Ордасы, Ойыл уәлаяты, Закаспий облысындағы Маңғышлақ, Торғай облысының Ақтөбе және Қырғыз уездері енгізілді. Бұл бөлімше маңызды әрі қағидатты мәселелер бойынша Алашорданың нұсқауларын басшылыққа алғанымен, өз қызметін дербес жүргізді (Бочагов 1927: 50).

Алайда көп ұзамай, 1918 жылғы 8-23 қыркүйекте өткен Уфа мемлекеттік кеңесінде Уақытша Сібір үкіметінің делегациясы арнайы нұсқаулық қабылдап, онда: «Алашорда үкіметін де, түркі-татар үкіметін де мойындамау, тек мәдени автономияны ғана тану қажет» деп көрсетілді (Инструкция … 1926: 232). Бұдан кейін 1918 жылғы 22 қазан (4 қараша) күні құрылған Уақытша Бүкілресейлік үкімет арнайы грамотасымен: «Алаш үкіметі – Алашорда өз қызметін тоқтатты деп есептелсін» деген шешім қабылдады (Приказ … 2004: 274-275). Соған қарамастан, Д.А. Аманжоловаңың пікірінше, Алашорда билік институты ретінде 1920 жылдың басына дейін өмір сүріп, Уфа кеңесінің барлық облыстық үкіметтерді тарату туралы шешіміне қарамастан, жергілікті жерлердегі өз құрылымдарын сақтап қалды (Аманжолова 2015: 9).

Кеңестік мемлекеттік басқару органдарының қалыптасуына келсек, бұл үдерісті Орынбор облысының Біріккен мемлекеттік архивінің Р-454-қоры, 1-тізім, 18-А ісінде сақталған «Қазақстанның құрылу тарихы және оның табиғи байлықтары» атты энциклопедиялық материалдар айқын сипаттайды. Онда Бірінші Жалпықырғыз құрылтай съезінің өткізілу орны, делегаттарының саны мен ұлттық құрамы, президиум мүшелері, Қазақ (Қырғыз) Автономиялық Кеңестік Социалистік Республикасының мемлекеттік басқару органдарының атауы, олардың мүшелері мен кандидаттарының саны туралы мәліметтер келтірілген. Съезге барлығы 273 делегат қатысты. Оның ішінде 197-сі коммунист, 4-і коммунистерді жақтаушылар, 72-сі партиясыз болды. Ұлттық құрамына қарай 126 қазақ, 129 орыс, 14 татар, 2 башқұрт, 1 латыш және 1 еврей қатысты. Президиум құрамына Қырревком төрағасы В. Радус-Зеньковичтен басқа С. Меңдешев, А. Авдеев, А. Досов, И. Акулов, П. Струппе, А. Байтұрсынов және И. Мартынов енді. Ұлттық құрамы бойынша олардың қатарында бір поляк, бір латыш, үш орыс және төрт қазақ болды. Съезд қабылдаған ережеге сәйкес республикадағы жоғары мемлекеттік билік органы Жалпықырғыз Кеңестер съезі болып белгіленді. Бірінші ҚазОАК-тің 75 мүшесінің шамамен жартысын қазақтар құрады, ал 24 кандидаттың 46 пайызға жуығы қазақтар болды. ҚазОАК Президиумының 15 мүшесі мен кандидатының сегізі қазақ еді. Қырғыз (Қазақ) Халық Комиссарлары Кеңесінің 14 халық комиссарының төртеуі қазақ болды: М. Мұрзағалиев – Ішкі істер халық комиссары әрі Пошта және телеграф басқармасының жетекшісі, Ғ. Әлібеков – Әділет халық комиссары, А. Байтұрсынов – Ағарту халық комиссары, С. Арғаншеев – Әлеуметтік қамсыздандыру халық комиссары. Халық Комиссарлары Кеңесінің төрағасы болып поляк ұлтынан шыққан В. Радус-Зенькович тағайындалды. Осылайша Қазақ АКСР-інің мемлекеттік басқару жүйесі қалыптасты. Республикадағы жоғарғы мемлекеттік билік органы қалалық кеңестердің делегаттарынан құралған Жалпықырғыз Кеңестер съезі болып бекітілді[1].

Қорытынды

Осылайша, жоғарыда баяндалған мәселелерді қорытындылай келе, мынадай тұжырымдар жасауға болады:

– XX ғасырдың алғашқы ширегі Қазақстан тарихындағы аса күрделі өтпелі кезең болды. Бұл уақытта Ресейде қалыптасқан жаңа билік институттарымен қатар, қазақ қоғамының қоғамдық-саяси өмірінде маңызды орын алған дәстүрлі басқару институттары да қатар қызмет атқарды. Солардың бірі – билер институты. Кеңес билігінің оны жоюға бағытталған шараларына қарамастан, билер соты XX ғасырдың 20-жылдарының соңына дейін өз қызметін сақтап қалды.

– Қазақстан аумағындағы саяси билік институттарын жаңғыртуға және олардың қызметіне қазақ қоғамы өкілдерін тартуға бағытталған алғашқы қадамдар Ресей империясының әкімшілік басқару жүйесі кезеңінде-ақ жүзеге асырыла бастады.

1917 жылғы революциялық оқиғалар қоғамдық-саяси өмірдің барлық саласына елеулі өзгерістер әкеліп, жаңа саяси билік институттарының қалыптасуына негіз қалады. Осы кезеңде бұрынғы басқару құрылымдарының ықпалы әлсіреп, олардың өкілеттіктері біртіндеп жергілікті қауымдарға немесе стихиялы түрде қалыптасқан атқарушы билік органдарына өте бастады.

XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі саяси билік институттарының трансформациясын кешенді тұрғыдан зерттеу бүгінгі күні тарих ғылымындағы жеткілікті деңгейде қарастырылмаған бағыттардың бірі болып табылады. Сондықтан бұл мәселенің жекелеген қырлары әлі де терең ғылыми зерттеуді қажет етеді.

Ескерту

1. «Қазақстанның құрылу тарихы». Орынбор облысының Біріккен мемлекеттік архиві (ары қарай ООБМА). Р-454-қор, 1-тізбе, 18-А-іс, 1-4, 11-13 пп.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

Абсеметова Ж. *Большевистский режим в Казахстане: Становление и укрепление (1920-1933 гг.).* Алматы: Казақ университеті. 2007. 204 с.

Абсеметов М.О. *Сакен Сейфуллин – Председатель Совета народных комиссаров Казахстана (г. Оренбург, 1922-1924 гг.).* Астана. 2006. 416 с.

Акимбеков С. *Казахстан в Российской империи.* Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований». 2018. 562 с.

Акимбеков С. *Казахи между революцией и голодом.* Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований». 2021. 584 с.

Аккулы С. *Алихан Букейхан. Исследования, статьи, интервью.* Алматы: Международный фонд «Ер Жанибека» . 2016. 528 с.

Аккулы С. *Алихан Букейхан. Собиратель казахских земель.* Астана: Общественный фонд «Алашорда». 2017. Том 1. 636 с.

Алаш-Орда: сборник документов. Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: Малое издательство «Айкап». 1992 г. 192 с.

Аманжолова Д.А. *Партия Алаш: история и историография: учебное пособие.* Семипалатинск.

1993. 137 с.
Аманжолова Д.А. *Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш.* Москва. 1994. 216 с.
Аманжолова Д.А. *Казахская автономия: от замысла националов к самоопределению по-советски.* Acta Slavica Iaponica. 2004. Т. 21. P. 115-143.
Аманжолова Д.А. *На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана.* Алматы: Таймас. 2009a. 410 с.
Аманжолова Д.А. *Советское нациестроительство и казахская элита. В: Матер. междунар. науч. – практ. конф. «Роль национальной интеллигенции в истории в начале XX века».* Уральск. 2009b. С. 12-17.
Аманжолова Д.А. *Алаш: исторический смысл демократического выбора:* монография. Алматы: Таймас. 2013. 400 с.
Аманжолова Д.А. *Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды. Русская старина.* – 2015. Том 13, Выпуск 1, с. 5-18.
Аманжолова Д.А. *Проблемы формирования советской этнобюрократии. В: Азиатская Россия: Люди и структуры империи: сб. науч. трудов.* Омск: Изд-во: ООО «Полиграфический центр КАН». 2016. С. 63-72.
Аманжолова Д.А. *Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920-1930-е гг.* Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив. 2019. 480 с.
Аяган Б., Ауанасова А., Нурпеисов Е. *Смутное время. Неизвестные страницы известной истории.* Алматы: ТОО «Литера-М». 2017. 320 с.
Бочагов А.К. Алаш-Орда. *Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казакстане периода 1917-19 гг.* Кзыл-Орда: Государственное издательство КССР. 1927. 57 с.
Бырбаева Г.Б. *Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии.* Алматы: Дайк-Пресс. 2005. 484 с.
Жанбосинова А.С. *Краткая энциклопедия истории Алаш и Алашорда.* Усть-Каменогорск. 2013. 204 с.
Инструкция делегации Временного Сибирского Правительства на Государственном совещании в городе Уфе. В: Максаков В. Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917-1918. Ленинград. 1926. С. 232
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней под редакцией М. Абдыкалыковой и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ. 1943. 672 с.
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Второе издание исправленное и дополненное. Алма-Ата. 1949. 451 с.
История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. Том 4. Алма-Ата: «Наука» КазССР. 1977. 640 с.
Кабульдинов З.Е. *Чаяния Алашской интеллигенции и петиционное движение казахов в начале XX века. В: XXI-ғасырдағы Алаштың Ақ жолы.* Алматы: Экономика, 2013. С. 42-49.
Кемелбеков А.А. *Истоки местного самоуправления Казахстана в дореволюционный период (на примере территорий Младшего и Среднего Жуза)*. Современный ученый. 2019, № 5. С. 238-241.
Қойгелдиев М. *Алаш қозғалысы: көмекші оқу құралы.* Алматы: Санат, 1995. 368 б.
Мажитова Ж.С. *Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти. Вестник Московского университета*. Серия 8: история. 2015. № 4. С. 74-84.
Нам И.В. *Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе* (1917-1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.
Нурмаганбетова Р.К. *Проблема Алаш и Алашорды в казахстанской историографии 20-90-х годов:*

автореф. … канд. истор. наук: 07.00.09. Алматы, 1999. 28 с.

Нурмаганбетова Р.К. *Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920-1990-е годы XX века.* Алматы, 2003. 153 с.

Нұрпеиісов К. *Алаш һәм Алашорда.* Алматы: Ататек. 1995. 256 б.

Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в.: Энциклопедический словарь. М.В. Шиловский, Г.А. Ноздрин, А.К. Кириллов и др.; под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск: Параллель, 2019. 398 с.

Протокол Семипалатинского областного киргизского съезда. 27 апреля – 7 мая 1917 года г. Семипалатинск. В: *Город Алаш. Сборник документов.* Е. Сыдыков, В. Кашляк (Составители). Семей, 2010. С.131-135

Протокол заседания Общекиргизского съезда г. Оренбург, 5-13 декабря . *В: Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1901 ж. – желтоқсан 1917 ж. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. – декабрь 1917 г.* Алматы: «Алаш». 2004. Том 1. С.472-482.

Приказ уполномоченного командира 2-го степного сибирского корпуса по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Семипалатинской обл. о ликвидации правительства Алаш-Орда. г. Семипалатинск. 24 декабря 1918 г. В: *Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. декабрь 1917 г.* – Алматы: «Алаш», 2004. Том 1. С.274-275

Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Коллектив авторов. Барнаул: АЗБУКА. 2014. 272 с.

References

Absemetova Zh.*Bolshevistskii rezhim v Kazakhstane: Stanovlenie i ukreplenie (1920-1933 gg.)*. Almaty: Kazakh University. 2007. 204 p. (In Russian)

Absemetov M.O. *Saken Seifullin – Predsedatel Soveta narodnykh komissarov Kazakhstana* (g. Orenburg, 1922-1924 gg.). Astana. 2006. 416 p. (In Russian)

Akimbekov S. *Kazakhstan v Rossiiskoi imperii*. Almaty: Institute of Asian Studies LLP. 2018. 562 pp. (In Russian)

Akimbekov S. *Kazakhi mezhdu revoliutsiei i golodom.* Almaty: Institute of Asian Studies LLP. 2021. 584 p. (In Russian)

Akkuly S. *Alikhan Bukeikhan. Issledovaniia, stati, interviu.* Almaty: Almaty: "Er Zhanibek" International Foundation. 2016. 528 p. (In Russian).

Akkuly S. *Alikhan Bukeikhan. Sobiratel kazakhskikh zemel*. Astana: "Alashorda" Public Foundation. 2017. Volume 1. 636 p. (In Russian).

Alash-Orda: sbornik dokumentov. Compiled by N. Martynenko. Alma-Ata: "Aikap" Small Publishing House. 1992. 192 p. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Partiia Alash: istoriia i istoriografiia: uchebnoe posobie.* Semipalatinsk. 1993. 137 p. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Kazakhskii avtonomizm i Rossiia. Istoriia dvizheniia Alash.* Moscow. 1994. 216 p. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Kazakhskaia avtonomiia: ot zamysla natsionalov k samoopredeleniiu po-sovetski. Acta Slavica Iaponica.* 2004. Vol. 21. Pp. 115-143. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Na izlome. Alash v etnopoliticheskoi istorii Kazakhstana.* Almaty: Taimas. 2009. 410 p.

(In Russian).

Amanzholova D.A. *Sovetskoe natsiestroitelstvo i kazakhskaia elita. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Role of the National Intelligentsia in History at the Beginning of the 20th Century".* Uralsk, 2009. Pp. 12-17. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Alash: istoricheskii smysl demokraticheskogo vybora: monografiia*. Almaty: Taimas. 2013. 400 p. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Iz istorii vzaimodeistviia Vremennogo Sibirskogo pravitelstva i Alash-Ordy*. Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, No. 1, pp. 5-18. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Problemy formirovaniia sovetskoi etnobiurokratii. In: Asian Russia: People and Structures of the Empire: A Collection of Scholarly Papers.* Omsk: Published by: "Polygraphic Centre KAN" LLC. 2016. pp. 63-72. (In Russian).

Amanzholova D.A. *Sovetskii proekt v Kazakhstane: vlast i etnichnost, 1920-1930-e gg..* Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences: Centre for Humanities Initiatives. 2019. 480 p. (In Russian).

Ayagan B., Auanasova A., Nurpeisov E. *Smutnoe vremia. Neizvestnye stranitsy izvestnoi istorii.* Almaty: Almaty: "Liter-M" LLP. 2017. 320 p. (In Russian).

Bochagov A.K. *Alash-Orda. Kratkii istoricheskii ocherk o natsionalno-burzhuaznom dvizhenii v Kazakstane perioda 1917-19 gg.* Kyzyl-Orda: State Publishing House of the Kazakh SSR. 1927. 57 p. (In Russian).

Byrbaeva G.B. *Tsentralnaia Aziia i sovetizm: kontseptualnyi poisk evro-amerikanskoi istoriografii.* Almaty: Dyke-Press. 2005. 484 p. (In Russian).

Zhanbosinova A.S. *Kratkaia entsiklopediia istorii Alash i Alashorda.* Ust-Kamenogorsk. 2013. 204 p. (In Russian).

Instruktsiia delegatsii Vremennogo Sibirskogo Pravitelstva na Gosudarstvennom soveshchanii v gorode Ufe. In: Maksakov V. Turunov A. Chronicle of the Civil War in Siberia. 1917-1918. Leningrad. 1926. P. 232 (In Russian).

Istoriia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Edited by M. Abdykalykova and A. Pankratova. Alma-Ata: KazOGIZ. 1943. 672 p. (In Russian).

Istoriia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Second edition, revised and expanded. Alma-Ata. 1949. 451 p. (In Russian).

Istoriia Kazakhskoi SSR (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). In 5 Volumes. Vol. 4. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. 1977. 640 p. (In Russian).

Kabuldinov Z.E. *Chaianiia Alashskoi intelligentsii i petitsionnoe dvizhenie kazakhov v nachale XX veka.* In: In: The White Path of Alash in the 21st Century. Almaty: Ekonomika, 2013. Pp. 42-49. (In Russian).

Kemelbekov A.A. *Istoki mestnogo samoupravleniia Kazakhstana v dorevoliutsionnyi period (na primere territorii Mladshego i Srednego Zhuza).* The Modern Scholar. 2019, No. 5. pp. 238-241. (In Russian).

Koigeldiev M. *Alash қozgalysy: komekshi oku kuraly.* Almaty: Sanat. 1995. 368 b. (In Kazakh)

Mazhitova Zh.S. *Institut biev v kazakhskom obshchestve v pervoe desiatiletie sovetskoi vlasti. Bulletin of Moscow University.* Series 8: History. 2015. No. 4. pp. 74-84. (In Russian).

Nam I.V. *Natsionalnye menshinstva Sibiri i Dalnego Vostoka na istoricheskom perelome* (1917-1922 gg.). Tomsk. 2009. 500 p. (In Russian).

Nurmaganbetova R.K. *Problema Alash i Alashordy v kazakhstanskoi istoriografii 20-90-kh godov: Abstract of a thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences:* 07.00.09. Almaty, 1999. 28 pp. (In Russian).

Nurmaganbetova R.K. *Dvizhenie Alash i Alash-Orda. Istoriografiia problemy. 1920-1990-e gody XX veka.*

Almaty. 2003. 153 p. (In Russian).

Nurpeisov K. *Alash ham Alashorda*. Almaty: Atatek. 1995. 256 b. (In Kazakh)

Obshchestvenno-politicheskaia zhizn Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: Encyclopaedic Dictionary. M.V. Shilovsky, G.A. Nozdrin, A.K. Kirillov et al.; edited by M.V. Shilovsky. Novosibirsk: Parallel, 2019. 398 pp. (In Russian).

Protokol Semipalatinskogo oblastnogo kirgizskogo sieezda. 27 aprelia – 7 maia 1917 goda g. Semipalatinsk. In: *The City of Alash. A Collection of Documents.* E. Sydykov, V. Kashlyak (Editors). Semey, 2010. Pp. 131-135. (In Russian).

Protokol zasedaniia Obshchekirgizskogo sieezda g. Orenburg, 5-13 dekabria. In: *The Alash Movement. A collection of documents and materials. April 1901 – December 1917. In: The Alash Movement. A collection of documents and materials. April 1901 – December 1917.* Almaty: "Alash". 2004. Volume 1. Pp. 472-482. (In Russian)

Prikaz upolnomochennogo komandira 2-go stepnogo sibirskogo korpusa po okhraneniiu gosudarstvennogo poriadka i obshchestvennogo spokoistviia v Semipalatinskoi obl. o likvidatsii pravitelstva Alash-Orda. g. Semipalatinsk. 24 dekabria 1918 g. In: *The Alash Movement. Collection of documents and materials. April 1901 – December 1917.* Almaty: "Alash", 2004. Volume 1. Pp. 274-275 (In Russian)

Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsionalnoi politike Rossiiskoi imperii: kontseptualnye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). Documents and Extracts. Collective authorship. Barnaul: AZBUKA. 2014. 272 p. (In Russian)

Information about authors

Kuanysh G. Akanov – PhD, academic secretary at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Aleksandr Pushkin Street, 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-5169-1388, gazizuly85@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Қуаныш Ғазизұлы Ақанов – PhD, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК ғылыми хатшысы, А. Пушкин көшесі, 15Б, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-5169-1388, gazizuly85@mail.ru

Сведения об авторах

Куаныш Газизович Аканов – ученый секретарь РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, Александра Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Казахстан Научного института изучения Улуса Джучи, ул. Туркестан 2, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-5169-1388, gazizuly85@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 15.12.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.01.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.03.20236

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57

Tribalism as a Mode of Political Adaptation under Soviet Modernization in Kazakhstan

A. Zhanbossinova✉
L.N. Gumilyov National University, Astana, Kazakhstan
✉*sovetuk@rambler.ru*

Abstract. This article examines tribalism as a specific mode of political adaptation within Kazakh society during the period of Soviet modernization in the late 1920s and 1930s. Drawing on an extensive corpus of archival materials – many of which are introduced into scholarly circulation for the first time – the study analyzes the transformation of clan-based structures, their responses to coercive Soviet policies, and the mechanisms through which traditional hierarchies sought to adjust to the emerging political order. The research demonstrates that the encounter between the Soviet project of socialist modernization and the traditional Kazakh zhuz and clan system generated profound social tensions, leading to the disintegration of established forms of self-governance and to widespread resistance, both overt and covert. Particular attention is devoted to the 1928 confiscation campaign, which marked the first major blow against the tribal aristocracy, as well as to subsequent waves of repression that further undermined the authority of traditional elites. Archival evidence reveals that tribalism did not disappear under Soviet pressure; instead, it adapted, penetrating local administrative structures, collective farms, and cooperative organizations, thereby creating alternative channels of influence and partially reproducing pre-existing social hierarchies. The article argues that Sovietization of the Kazakh aul involved not only the destruction of traditional institutions but also their reconfiguration within new political frameworks, making tribalism an important instrument of political adaptation. The study concludes that, despite the scale and intensity of Soviet modernization, clan-based mechanisms of social organization persisted and continued to shape the political and social dynamics of Kazakh society throughout the 1930s.

Keywords: tribalism; Kazakh aul; clan relations; adaptive practices; patrilineal leadership; clan authorities

For citation: Zhanbossinova A. Tribalism as a Mode of Political Adaptation under Soviet Modernization in Kazakhstan. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.37-57. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57*

© A. Zhanbossinova, 2026

Кеңестік модернизация жағдайында трайбализмнің саяси бейімделу модусы

А. Жанбосинова
Ұлттық университет. Л. Гумилева, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада 1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардағы кеңестік модернизация жағдайында қазақ қоғамындағы трайбализмнің саяси бейімделу модусы ретінде көрініс табуы талданады. Ғылыми айналымға алғаш рет енгізіліп отырған мұрағаттық деректердің кең ауқымына сүйене отырып, автор дәстүрлі ру-тайпалық құрылымдардың трансформациясын, кеңестік зорлықшыл саясатқа берген реакцияларын және жаңа саяси жүйеге бейімделу тетіктерін қарастырады. Кеңестік социалистік жобаның қазақтың жуздық-рулық жүйесімен қақтығысы терең әлеуметтік дағдарыс туғызып, бұрынғы өзін-өзі ұйымдастыру формаларының күйреуіне және ашық әрі жасырын қарсылықтың әртүрлі түрлерінің пайда болуына алып келгені көрсетіледі. Зерттеуде 1928 жылғы байларды тәркілеу науқанына ерекше назар аударылады, ол дәстүрлі элиталарға жасалған алғашқы соққы болды. Одан кейінгі қуғын-сүргін толқындары ру басыларының әлеуметтік негізін одан әрі әлсіретті. Мұрағат материалдары трайбализмнің кеңестік қысымға қарамастан жойылмағанын, керісінше жаңа жағдайға бейімделіп, ауылдық кеңестерге, колхоздар мен кооперативтерге еніп, ықпалдың балама арналары мен бұрынғы әлеуметтік иерархия элементтерін қайта өндіруге мүмкіндік бергенін дәлелдейді. Автор кеңестендіру үдерісі дәстүрлі институттарды жоюмен қатар, олардың жаңа саяси формада қайта қалыптасуына да жағдай жасағанын атап өтеді. Мақала кеңестік модернизацияның ауқымдылығы мен қатаңдығына қарамастан, ру-иерархиялық құрылымдардың толық жойылмай, 1930-жылдардағы қазақ қоғамының әлеуметтік-саяси динамикасын айқындауды жалғастырғанын тұжырымдайды.
Түйін сөздер: трайбализм; қазақ ауылы; рулық қатынастар; бейімделу тәжірибелері; ру басы; рулық бедел иелері

Трайбализм как модус политической адаптации в условиях советской модернизации Казахстана

А. Жанбосинова
Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу трайбализма как особого модуса политической адаптации казахского общества в условиях советской модернизации конца 1920 х – 1930 х годов. На основе широкого круга архивных материалов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, автор рассматривает трансформацию родо клановых структур, их реакцию на насильственные практики советизации и коллективизации, а также механизмы приспособления традиционных иерархий к новым политическим реалиям. Показано, что столкновение советского проекта модернизации с традиционной жузово клановой системой привело к глубокому социальному кризису, разрушению прежних форм самоорганизации и массовому сопротивлению, проявлявшемуся как в открытых, так и в скрытых формах. Особое внимание уделено политике конфискации 1928 года, ставшей первым ударом по родовой аристократии, а также последующим волнам репрессий, которые окончательно

подорвали социальную базу традиционных элит. Архивные документы демонстрируют, что трайбализм не исчез под давлением советской власти, но трансформировался, адаптируясь к новым условиям: родовые сети проникали в низовые органы власти, колхозы и кооперативы, формируя альтернативные каналы влияния и воспроизводя элементы прежней социальной структуры. Автор показывает, что советизация аула сопровождалась не только разрушением традиционных институтов, но и их частичным воспроизводством в новых формах, что делало трайбализм важным ресурсом политической адаптации. В статье обосновывается вывод о том, что советская модернизация, несмотря на масштабность и жесткость, не смогла полностью уничтожить родо иерархические механизмы, которые продолжали определять социально политическую динамику казахского общества в 1930 е годы.
Ключевые слова: трайбализм; казахский аул; родовые отношения; адаптивные практики; родоначалие; родовые авторитеты

Для цитирования: Жанбосинова А. Трайбализм как модус политической адаптации в условиях советской модернизации Казахстана. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.37-57. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57*

Введение

На рубеже 1917-1918 года в обширные области Казахстана пришла советская власть, положив начало экономической модернизации и политической унификации казахского кочевого общества. Плодами масштабной трансформации стали массовые протесты, казахстанская катастрофа и тотальная перезагрузка казахского социума. Указанные явления стали результатом столкновения двух прямо противоположных общественных систем, с одной стороны была советская (сталинская) модель построения социализма, с другой стороны традиционное родоплеменное казахское общество, состоявшее из жузовых сегментов, иерархических институтов. Сильные родовые отношения, иерархическая структура, способствующая продвижению рода, клановость являли собой некую корпорацию, обеспечивающую социальную защиту любому представителю казахского рода.

Статья направлена на то, чтобы показать, как с одной стороны, казахский трайбализм, родоначалие с целью самосохранения пыталось адаптироваться, влиться в систему новых социальных отношений. С другой стороны, как советская власть стремилась уничтожить традиционные иерархические институты, лишая их кроны и уничтожая корень, подвисшие в воздухе казахские кочевники потеряли в итоге собственное ‘Я’, родовую память и идентичность.

Как она боролась с казахским трайбализмом? Какое влияние оказывал казахский трайбализма на социально-политические процессы советизации аула и сплошной коллективизации в Казахстане? Как происходил процесс политической адаптации казахского трайбализма к условиям советской модернизации?

Материалы и методы

Проблема политической адаптации индивидуума к большевистскому эксперименту, является одной из наиболее актуальных проблем историографии на постсоветском

пространстве. На сегодняшний день вполне сформировались два главных объясняющих подхода. Согласно первому, преобладающим типом адаптации советского населения являлась мимикрия, главной целью которой было выживание в условиях жесткой системы диктаторского типа. Мимикрии соответствовала специфическая идентичность, которой были свойственны двоемыслие и конформизм, выливавшиеся в повседневной жизни в пассивные адаптационные практики, такие как систематическое уклонение от работы, работа 'спустя рукава', безынициативность, хищение 'социалистического имущества' и т.п. (Фицпатрик 2011)

Второй вариант адаптации заключался в искреннем стремлении идентифицировать себя с ценностями большевистского проекта, когда индивидуум воспринимал себя как истинно советскую личность (Kuromiya 2003, 35). Для большинства 'простого' населения, далекого от власти и связанных с ней привилегий, в основе формирования настоящей 'советской идентичности' лежала активная деятельность на благо государства, в первую очередь «ударный» труд. Еще одной важной составляющей было усвоение языка власти, которое Стив Коткин назвал умением 'говорить по-большевистски'. Данный вариант адаптации открывал его адептам широкие возможности, совершить восхождение по советской социальной лестнице в качестве 'лучших людей' Советского Союза, 'самого высокого типа людей, созданного социализмом' (Hellbeck 2017). Эти два основных варианта политической адаптации массово практиковались вплоть до развала СССР. Недавние исследования брежневского периода показали, что в 'позднем' советском государстве получил распространение еще один, весьма специфический вариант адаптации, когда часть населения, преимущественно молодежь, «по-своему» прочитывала политические ритуалы власти, наполняя их смысловым содержанием, далеким от интенций партии-государства (Yurchak 2017).

Совершенно очевидно, что все эти модели политической адаптации бытуют в историографии главным образом применительно к коллизиям взаимоотношений советского, в первую очередь сталинского, государства и русскоязычной (эмансипированной) части населения СССР. Вопрос же о том, насколько адаптационные практики русскоязычного (эмансипированного) населения являлись универсальными, в какой степени они были восприняты, отвергнуты или трансформированы на периферии советской империи, в том числе традиционными обществами, по-прежнему требует ответа. При этом следует учитывать, что степень модерности советского государства по-разному оценивается исследователями, а соотношение (технического) модерна и (социальной) архаики в большевистском проекте еще долго будет являться предметом научных дискуссий (Plaggenborg 2006).

Источниковой базой статьи послужили материалы фондов Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центра документации новейшей истории ВКО (ЦДНИ ВКО г. Семей), Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Государственный архив Актюбинской области (ГА АО), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также архивно-следственные материалы Специального государственного архива Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГАДП ВКО), Департамента полиции г. Алматы (СГА ДП), Департамента полиции Мангистауской области (СГА ДП). Указанные архивные источники, большая часть которых вводится впервые в научный оборот, раскрывают

атомизацию казахского общества, распад традиционных иерархических институтов и демонстрируют модели адаптационных практик казахского трайбализма.

Обсуждение

Идеи строительства нового социалистического государства в Казахстане прошли под лозунгом под лозунгом принудительной коллективизации и «советизации». В результате советской модернизации традиционный уклад и способ жизни казахского аула, его повседневные практики жизнедеятельности были разрушены. Привнесенная в казахскую степь новая советско-экономическая модель, обусловила различные виды адаптивной стратегии социально-родовых коммуникаций, жизненных тактик открытого и скрытого противостояния, поведенческие реакции короткого и длительного времени действия. Прямо или косвенно вопросы, предложенные в статье, рассматривались в отдельных публикациях, монографических изданиях. Считаем необходимым отметить, что большинство авторов рассматривало модернизацию казахского аула во взаимосвязи с самыми трагическими страницами – казахским голодомором. С. Камерон искала ответы на вопросы о причинах голода и о влиянии знаний о голоде на оценку советской модернизации в Казахстане. Она же отметила, что казахские кланы исчезли вместе с появлением казахской нации (Cameron 2018.). Современная казахская нация, как пишет И. Охайон с апатией относится к своему кочевому прошлому, испытывая проблемы идентичности, поиска себя (Ohayon 2013)

Возможно M.Payne прав, говоря, что 'The regime sought not only to make Kazakh nomads "legible" to the state (the Soviet phrase was to "seize" [okhvatyvat'] them—which turned out to be rather literal) but also to impose order on a disorderly nature and its savage (dikie), nomadic children'(Payne 2011), ведь действительно вечно кочующие казахи вносили сумятицу в советский режим правления, они стремились их трансформировать в свое подобие.

Термином 'советизация' в Казахстане обозначают насильственное включение казахских кочевников в пространство нового государственного устройства. Р. Киндлер придерживаясь термина 'советизация' полагает, что власть достигла своей цели спровоцировав кризис и голод. Взамен ранее доминировавших социальных родовых структур пришли советские ТОЗы, колхозы и прочие 'новые социальные формы общности' (Киндлер 2014: 8-13, 42).

Н. Пьянчола использует термин «этатизация», полагая, что '…campaign to eliminate traditional authority: the decisive step in the process of etatization, of incorporating the Kazaks within the state governed from Moscow'(Pianciola 2007).

Вопросы, обсуждаемые вышеуказанными авторами, перекликаются с материалами и рассуждениями авторов. Приоритетным для нас являются рассуждения Р. Киндлера о советизации и формировании новых социальных структур. Полагаем, что тема трайбализма, и его попытка политической адаптации в предложенном авторском фокусе может вызвать интерес научной общественности.

Результаты

В историю вопроса. Казахское кочевое общество и до вхождения в состав России, и в имперский период было в первую очередь адаптировано к окружающей природно-

климатической, а не к политической среде. Основой потестарно-политической системы являлись родоплеменные иерархические связи. Так называемая жузовая система разделяла казахов на Старший, Средний и Младший жузы. Клановая принадлежность и клановая лояльность играли важнейшую роль в социальном взаимодействии казахов. Корни мифической генеалогии казахской ментальности уходили в далекое прошлое кочевой цивилизации. Семейно-родственные, клановые и культурно-генеалогические связи казахского социума составляли антропологический фрейм исторической памяти. Фактически все социальные страты казахского аула, как зажиточные, так и бедные слои, были связаны между собой прямыми или косвенными родственными отношениями.

Важнейшую роль в жузовой системе играли кочевые вожди в лице баев (родоправителей). Традиционность кочевой корпорации обуславливала признание их авторитета при наличии определенных качественных показателей, таких как жизненный опыт, лидерские навыки, коммуникативность, справедливость, заслуги, образование и пр. 'Класс' баев, богатых скотовладельцев, составлял всего от 2 до 11% от всех кочевников-скотоводов, большинство кочевого населения казахов (66-91%) формировало класс производителей (Масанов 2000: 48, 112). Низшую ступень казахского социума занимала индивидуальная семья, средний состав которой варьировался от пяти до десяти человек и более при условии, что семьи взрослых детей не выделились в самостоятельные хозяйства, т.е. структурно включала поколений.

Начало советизации и уничтожение родовых авторитетов

Обширные географические пространства Казахстана детерминировали кочевой тип хозяйственных отношений, однако они же не позволяли большевикам говорить о полномасштабном контроле над казахскими кочевниками. Учитывая, что советизация нэповского периода фактически не затронула основ казахского трайбализма, Ф. Голощекин понимал необходимость решения вопроса с номинальностью советской власти в Казахстане. Его фразы из выступления накануне коллективизации '…аул… не почувствовал дыхания октября', 'в ауле не было октября', отражали существование социальной организации казахов, связанных внутри родоплеменными отношениями. Социальное противостояние, как правило, отсутствовало или было сведено к минимуму благодаря наличию родственных связей, что отмечалось в одном из обзоров Казкрайкома в 1928 году. Два-три десятка аулов, объединявшихся по родовым и территориальным признакам, входившие в административный аул представляли собою первичную родовую группу, носящую название по имени ближайшего живого или умершего предка). Живучесть старых традиций, обычного права, почет старших и богатых и их авторитетность указывалось в Обзоре 'тормозило развитие классового самосознания, оформлению классовой борьбы в ауле, вообще представляет огромное препятствие на пути социалистического переустройства аула'[1]. Естественные взаимоадаптивные процессы власти и кочевников наблюдались в следующем, как партийно-советский аппарат в ауле был представлен коммунистами, в большинстве своем ставленниками баев; аульные советские работники активно участвовали в родовых распрях; в волисполкомах сидели представители большого богатого рода; а представители мелких родов редко решались жаловаться на неправильные их действия; союзы Кошчи в результате родовой борьбы и становились орудием в руках родовых главарей баев[2].

Отсутствие повиновения в казахской степи, потребовало более радикальных мер, как совершенно верно отметил Р. Киндлер 'Власть может реализоваться лишь там, где указания сверху не пропускаются мимо ушей… '. Главное нужно было победить 'влияние традиционных казахских элит', начать 'репрессии против влиятельных казахов' (Киндлер 2017, 9, 41-42). Руководство Казахстана развязало борьбу за власть в казахских аулах, подвергнув высылке родовых авторитетов, родовых лидеров, как главное звено в иерархии родовой структуры аула. С. Камерон считает, что конфискация была направлена на борьбу с культурной отсталостью казахов, понимая под ней экономические основы кочевого скотоводства. Вряд ли сопоставимы понятия 'культурная отсталость' и 'кочевое скотоводство', напоминающие марксистский подход оценки истории кочевых народов. Вместе с тем, у нее же прозвучала фраза, чтобы избавиться от баев, нужно лишить их скота, что и было сделано в перспективе и в процессе советской модернизации, итог мы знаем – голод (Cameron 2018.).

9 августа 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б)[3] предложило Казкрайкому не позднее 1 сентября 1928 г. провести негласный учет крупных скотоводов из коренного населения, экономическая мощь которых, общественные и патриархально-родовые связи препятствовали советизации аула. Инструкция[4] по применению постановления ЦИК и Совнаркома КАССР от 27 августа 1928 года[5] определила маркеры потенциальных жертв конфискации. На основе этого отбора требовалось разослать на места списки хозяйств, подлежащих конфискации и выселению[6]. Вместе с тем, совершенно верно отметил N Pianciola 'The purpose of the campaign was to wage war against the feudal overlords, the bai, the Alaš-Orda, anti-Soviet elements, and the nationalist intelligentsia in Kazakstan' (Pianciola '2007).

Реализация декрета «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов» вызвала серьезные трудности у членов комиссии по конфискации имущества баев, с одной стороны, очень сложно было подобрать по людей на конфискацию по указанным признаками пятой статьи, с другой стороны родовое начало аула обусловило защиту бая бедняками.

Выселение и раскулачивание байских хозяйств стало серьезным ударом по родоплеменным структурам и трайбалистской ментальности, однако потенциал трайбализма был далеко не исчерпан.

Еще задолго до издания декрета о конфискации, благодаря 'узун кулак'казахская степь уже знала о предстоящей кампании. Источником преждевременного осведомления населения, а главным образом байства, являлась та часть городской интеллигенции, служащих советского аппарата, которые идеологически и родовым образом были связаны с байством. Имея общение с партийными и советскими работниками краевого и окружных центров, эта часть интеллигенции и служащих использовала эти связи в целях соответственного информирования байства о предстоящей опасности. Само собой разумеется, что к этой информации подключались и «советы», и родовая программа действий.

Байство очень быстро стремилось избавиться от лишнего скота, с одной стороны распродавая, с другой переписывая на сородичей. Одновременно шла мобилизация 'байского актива', усиливалось влияние на массы аула, для создания противодействия проведению декрета, использовались свои люди из советского аппарата. Уполномоченных Окружных комитетов Каз. АССР, разъезжавших по казахским аулам во время

разъяснения постановления «О конфискации байских хозяйств», имевших на руках заранее составленные списки на выселение и конфискацию, встретил ‘единый фронт‘ противников декрета. В его ‘оппозиционном’ составе оказались не только потенциальные жертвы конфискации, но и те, кто выступил в их защиту, даже те, кого советская власть хотела освободить от эксплуатации этих баев.

Уполномоченные вместо радостных возгласов освобождения бедных аульных жителей от беспощадных баев, наблюдали диаметрально противоположную картину, где на авансцене трайбализм исполнял главную роль – защищал ‘своих’ баев.

Отметим, первое направление, когда в защиту были втянуты не только простые граждане аула, в ней участвовали представители власти. Так, при проведении общего собрания в третьем ауле Большенарымского района секретарь комсомольской ячейки Конкашбай Абауов заявил, что у них в районе нет крупных баев, а также бывших волостных управителей и судей, когда-то получавших награду от царского правительства. Порой выступавшие на собраниях члены партийных и комсомольских ячеек, говорили о совершенной безвредности своих баев. Некоторые, по мнению Крайкома КазАССР перешли грань разумного, как например, Бегеневский волостной исполнительный комитет РКП(б) Семипалатинского округа потребовал оправдания бая, попавшего в суд. N. Pianciola отмечал участие местной власти в конфискации в пользу конфискуемого бая, ‘…50 % of the animals confiscated were “temporarily left” with the owners …’, поскольку родственные связи были превыше декрета (Pianciola 2007).

Подобного рода помощь и ситуация была характерна для большинства казахских аулов. В партийных документах она отражалась фразами ‘состав работников… слаб..’, ‘заражены между собой родовой группировкой…’, ‘… союз Кошчи в районе не имеет своей физиономии…’, ‘… отдельные члены противодействуют, укрывают байское имущество и скот…’, ‘…отдельные члены комсомола, Кошчи, дают письменные отзывы выселяемым баям…’[7]. И это еще не все, родовые связи выселенцев, конфискуемых казахов растягивались не только по горизонтали, но и вытягивались по вертикали. ‘Все табуктинцы, намеченные к выселению, при участии бая Турагула Кунанбаева решали между собою вопрос о посылке в Кзыл-Орду и Москву к Букейханову и Дулатову своего представителя, т. к. Букейханов хороший друг Сталина. Киселевская комиссия не приехала бы, если бы не было Букейханова’, посылку представителя некоторые работники не рекомендовали, объясняя: ‘Вследствие отъезда Токтабаева в Кзыл-Орду, т. к. пока он будет сидеть в Казправительстве, табуктинцам не будет никакой пощады’[8]. Сидящие во власти пытались спасти своих сородичей, вычеркивая из списков, предупреждая о событии, составляя новые конфискационные списки и пр.

Второе направление родовое противостояние и родовое соперничество вместо классовой борьбы, так ожидаемой советской властью. В Зайсанском районе одна часть партийцев стала за бая Богусова, а другая – за бая Тулусова. Были отмечены неоднократны случаи, когда штрафы, конфискации применялись из родовой вражды[9]. Для участия в конфискации имущества в аул Богусова пришло около 800-900 человек. В обращении Богусова к прибывшим в его аул, как сторонникам, так и противникам прозвучало признание в том, что его отец – ‘…Богус был волуправителем, эксплуатировал ваши труды, получал подарки от царского правительства, но меня считать полуфеодалом нельзя. Скажите сами, когда был волуправителем и господствовал. Я никем не был,

съездил в Мекку, вы сами же дали почетное звание «ходжи» и теперь думаете трогать. Я никого не эксплуатировал, не гонял вас на работу, когда вы нуждались в чем-либо, то всегда шел на уступки, пусть судит Бог, ағайындар. Заканчивая свое слово, скажу делайте обдуманно, умоляю и настойчиво прошу об исключении меня из числа выселяемых, ведь я не вреден, жду помилования бога и вас'[10]. Призыв к сородичам остался без ответа.

Политика конфискации превратилась в арену родового альянса и ожесточенного родового соперничества, когда старые обиды из сундука родовой памяти, заставляли одни рода объединятся с другими с целью уничтожения своих противников. Именно поэтому кампания по конфискации 'оказалась самой разрушительной, потому что ее проводили сами казахи' (Cameron 2018.). И в этой борьбе не было ни одного оттенка классового противостояния. На собрании в ауле №2, созванном уполномоченным Ибатулиным, беднота до сего времени не решалась выступать и указывать на баев. Однако после выступления члена ВКП(б) Камаева, беднота начала вносить в список конфискуемых без разбора экономической мощности и антисоветской деятельности представителей противоположного рода баймурзинцев (беднота из родового отделения «Джангара»). В результате в список попало 45 человек баймурзинцев, из которых 5 баев, остальные бедняки, батраки и середняки. Крайком лишь констатировал, что 'налицо попытка использования родовых противоречий при проведении конфискации'[11].

Коллизии трайбализма приводили также к тому, что активисты-бедняки не очень-то желали помогать подобным себе, но из другого рода, находясь в одном ауле в результате административно-территориальной реформы. Аул урочища Айгыз был поделен между двумя родами Барлыбай и Байчузак. Разногласия между ними переходили в открытые конфликты, оба рода не хотели иметь ничего общего с друг другом, в том числе и следовать друг за другом в условиях советского строительства. При конфискации имущества влиятельного бая Берикбола Малдыбаева из рода Байчузак, часть скота досталась беднякам рода Барлыбай. Однако, когда один из выходцев рода, родственник конфискованного бая Малдыбаев Нурахмет стал следователем, бедняки были вынуждены возвратить взятый скот или возместить его стоимость. Естественно, никакой партийно-классовой линии в аульно-родовом столкновении не соблюдалось. Вместе с тем, наблюдалось как активно один род уничтожает авторитета другого рода, не без помощи советской власти. Подобных примеров, произошедших при рассмотрении вопроса о выселении байской семьи Малдыбаевых, род Барлыбай весь без исключения проголосовал за выселение родоначальника рода Байчузак, бая Берикбола Малдыбаева, достаточно много. На собраниях аулсовета разыгрывались политические баталии, где представители родов не чурались обвинять друг друга в том, что они 'не мусульмане, даже не казахи и не сохраняют солидарность казахского аула, так как выдают своего бая на конфискацию и выселение'[12], забывая о своем участии в столь трагическом событии.

Удивительным явлением, сопровождавшем практическую политику конфискации в ауле и победу одной из сторон родового противостояния, стали праздничные мероприятия, как например проведение байги, тоя и т.д. Осенью 1928 г., в честь конфискации имущества бывшего влиятельного волостного управителя Х. Богусова провели байгу.

Порой подобные празднества, победу в родовом противостоянии использовала местная власть, придавая ей красно-политический ореол, адаптируясь под родовую

ментальность. Родовые группы косчинцев, комса и остальные аульные граждане в день изъятия скота с красными знаменами, революционными песнями явились в аулы конфискуемых баев. Изъятия конфискуемого имущества баев и их отправка в Уланском районе превратилась в грандиозную демонстрацию, митинг, постановка большевистского спектакля, устройство тоя и проведение национальных игр: байга-бегунцов, кунан иноходцев, борьба мужчин и женщин, бега женщин и подростков. По информации местного руководства на той съехалось 800-900 человек, даже присутствовали русские было около 200 человек из поселка Никитинского. Той закончился постановкой спектакля[13].

Третье направление поиски спасения и помощь рода, конфискованные баи пытались апеллировать в вышестоящие органы, многие из них вынужденно уничижали статус своего рода: '…я никогда не был, не претендовал, и было бы безумием претендовать быть родоначальником, ибо я принадлежу к незначительному роду…', '…тогда, как все остальное большинство населения состоит из рода 'Жагалбайлы', поэтому было бы для меня честью, если бы я сумел играть какую либо роль в Актюбинском районе в качестве родоначальника…, …род 'Тама', из которого я происхожу, есть в Актюбинском р-не маленькое пятно на фоне громадного рода 'Жагалбайлы...'[14]. Подобные ситуации были типичны для всего Казахстана, если на западе указывали на 'громадный род Жагалбайлы', то на востоке упоминали о роде 'Жумагул' самом сильном среди тоуктинцев, в сравнении с 'Жаман Тобукты', проживавших совместно в Кзыл-Адыровской волости, где первый составлял 1300 дворов, второй 200. Естественно, что все решения, как при прошлой власти, так и при советской принимали представители рода 'Жумагул', один из них 'Бендебай Арыстатбаев в 18 летнем возрасте начал управлять волостью при царе Николае, … был председателем Волисполкома …до 1924 г.'[15].

Авторы писем во власть пытались доказать, что 'социально неопасны', в прошлом, при царском режиме не занимали никаких должностей, начиная с деда и заканчивая им персонально, соответственно 'родовыми группировками' руководить не могли, т.к. не обладали влиянием на родовые группы[16].

Во время учета имущества баи пытались скрывать скот у бедноты, одновременно обещая оставить им часть, раздавали имущество, скрывали в пределах другого района через своих родственников. Триггер социальной модернизации уже был запущен, т.к. большинство попыток баев не увенчались успехом, что подтверждает мнение С. Камерон о зарождении советской нации казахов. Когда все попытки не увенчались успехом, баи пошли по линии собирания подписей бедноты и батрачества и по линии использования служебного положения своих ставленников и приспешников, составляя вместе с ними фиктивные одобрительные приговоры от имени бедноты и батрачества за спиной этой массы. Баи стали искать законы в целях обойти реальность декрета выселения и начали почти везде подавать заявление в ЗАГСы о разводе с женами по обоюдному согласию. Жены мотивировали развод нежеланием продолжать совместную жизнь в дальнейшем. Среди разводящихся были даже старухи 65 лет, желающие развестись от старика 80 лет и молодые женщины, желающие развестись от 25-летнего мужа. Последних еще можно было понять, когда молодая женщина была отдана замуж третьей или четвертой женой. За распадом родовых связей следовал распад байских семьи. Сначала инициаторами распада семей выступали сами баи, пытаясь приспособиться и, самое главное, выжить

в условиях угрозы выселения и конфискации. В итоге выселению подвергалась только мужская половина семьи, а женщины с детьми и частью имущества оставались на местах проживания[13].

Даже изгнание не лишало родовую элиту ее статуса, поддержки и уважения. Высланным родовым авторитетам оказывали помощь, не только ближайшие родственники, но даже члены аулсовета. Содержание материальной помощи включало не только финансовую, но и продуктовую, как например: '…пять туш мяса, несколько коров, …золото и серебро'. Некотрые роды и подроды, как например 'Жашибек', своему баю Бекембаеву при отправлении на выселение вручили некоторые подарки. Кто преподнес деньги, некоторые подарили лошадей, якобы расходы для дороги. Даже один мугаллим названного выше подрода передал Бекембаеву 10 руб. Можно отметить документально-процессуальную помощь, как например отдельные баи получали одобрительный отзыв (характеристику), подписанный населением аула и заверенный аулсоветом, баям искали адвокатов, через совего человека в РИКе казывали государственную поддержку. Сочувствие и поддержка баев имела массовый характер, даже в местах их ссылки. Казкрайком приводил отрицательные примеры эмоционального сочуствия и соучастия районного актива по отношению к баям. Руководство раскритиковало поведение секретаря Бадамского районного комитета, который поехал лично поздравить бая и порадоваться вместе с нем об освобождении его КазЦИКом от конфискации. Жесткому партийному прессингу подверглись секретарь Меркенского райкома Чекушин, имевший связь с баями, секретарь Туркестанского РИКа за то, что пускал подлежащего конфискации бая к себе на квартиру, нарсудья Чаяновского 23-го участка, который плакал вместе с семьей бая, критиковал правительство, что оно поступает неправильно, наказывая семью бая[17].

Советкость по-казахски: трайбализм как инструмент политической адаптации.

Командно-административный стиль стал главным стимулом советизации казахского аула. Процесс перехода к колхозам в Казахстане начинался с простейших производственных форм кооперации – коммуны, артели, тозы. Организация кооперативов в пределах аульного пространства лишь способствовала усилению родового начала. Байская верхушка, родоначальники обладали экономическими рычагами в ауле, соответственно разрешая внутренние вопросы в нужном русле. Особую роль в аулах играли аткаминеры[3] (антисоветский общественно-посреднический элемент в ауле). Аткаминер, он и байский шпион, и главноуговаривающий. С помощью аткаминеров байство поддерживало в ауле так называемый «интымак» (договоренность соблюдать обычаи и традиции).

О характерной особенности 'антисоветской активности байства', а именно об использовании байством родовых группировок и родовой вражды, сообщали низовые партийные, комсомольские руководители. Клановая верхушка, писали они, т.е. баи, берут под полное свое влияние низовой аппарат, заставляя его 'больше нажимать на бедноту, середняка'. Очень точно высказался начальник уголовного розыска Аулие-Атинского района: '…Казахов разделять на бедняков, середняков и баев нечего, они все заодно, даже не исключая некоторых коммунистов, все за бая…' (Из истории депортаций 2012, 248). Управление на местах напоминало политический театральный спекталь с названием 'Советская власть в Казахстане', внутреннее содержание которой демонстрировало кочевой традиционализм казахской повседневности. Казкрайкомом периодически устраивались проверки деятельности низовых партийных организаций. Например

результаты проверки Бостандыкского, Сузакского районов показали, что пленумы райкомов партии и пленумы риков не собирались в течение целого года, партийные ячейки не собирались, аульные и кишлачные советы не заседали, председатели аульных и кишлачных советов работали так, как работали в былое время старшины. Руководство партийными ячейками со стороны райкомов и аульными и кишлачными советами со стороны риков ограничивалось посылкой письменных директив, перепечатанных без изменения с директив окружкома партии или окрисполкома. Уполномоченные, которые посылались из района в аул и кишлак, подменяли совет и партийную ячейку, проводя всю работу не через них, а помимо них, через родовых старейшин[18]. Такая ситуация была характерна для отдаленных районов.

В сформированных колхозах по-казахски заготовка хлеба, хлопка, скота и пр. проводилась так, что батрачество и беднота не были участниками этой работы и не только не боролись против бая, а в некоторых местах принимали на себя твердые задания, которые давались баям и продавали последнее имущество или нанимались батраками, чтобы купить хлеба, хлопка и пр. и внести их для покрытия того задания, которое получил бай, т.е. тяжесть обложения с бая перекладывалась на бедняка и середняка. Документы зафиксировали, что местная власть: в Енбекши-Казахском районе в ряде аулов распределяла выполнение планов по родовым признакам, оказывая давление присутствием родовых авторитетов в соваппарате. ‘В ауле № 7 на 31 хозяйство слабого рода план доведен 5331 пуд, а на 140 хозяйств сильного рода – 500 пудов. Биен-Аксуском районе принуждали сдавать скот бедняков, совершенно не имеющих такового, чем вызывалось среди бедноты недовольство. В Октябрьском районе отмечены массовые случаи переобложений бедноты и середняков и недообложение байства. Бедняк Алма-Атинского аула Сембаев имеет 7 едоков, урожая собрал 17 пудов, а положено 23 пуда. Корбаев урожая по случаю засухи не собрал, и сдавать ему нечего, уполномоченный за несдачу грозил ему арестом, после чего Корбаев сбежал в Китай. В Малай-Сарийском районе в ауле № 2 уполномоченный по хлебозаготовкам Нуренов бедняку Маптыбекову для 100% выполнения хлебозаготовок предложил продать свою дочь, грозя последствиями ареста и пр. В аулах Ново-Чуйском и Калабаевском, контрольные цифры на хозяйства раскладываются поровну, без учета социального-имущественного положения’[19]. Аналогичные явления отмечаются и в других аулах.

В районах Западного Казахстана повсеместно в колхозах наблюдалось родовое деление, самыми главными считались ‘Шалбар’ из рода Адай, остальные адайцы рода ‘Кете’ и пришлые мелкие роды. Вся работа в колхозах подчинялась групповым – родовым интересам: подбор и выдвижение работников, смещение и гонение на «нежелательную» часть работников, дача клеветнических заявлений, вовлечение в партию, даже без осведомления и желания принимаемых, заочное принятие в кандидаты партии родственников – руководителей райкомов партии. Постоянное переложение тяжести самообложения, сельхозналога на бедноту, подбор аппаратов из байских элементов[20].

По образному выражению С. Камерон трансформация казахов в новую советскую нацию происходила не без помощи самих казахов, при их прямом участии. Некоторые ссопротивлялись, некоторые приспосабливались, а некоторые делали карьеру, поднимаясь наверх к властному олимпу (Cameron 2018.). Родовая борьба в казахских колхозах сопровождалась доносами, жалобами. Последние акцентировали внимание

советской власти на наличие в казахском обществе родовых группировок. 'Результатом наличия родового быта – среди Казакского населения является непрерывная борьба родовых главарей между собой за экономическое и политическое господство над казакским народом, которые в силу событий сам вольно или невольно, сознательно или несознательно втягивается в эту борьбу'. Известный деятель Алаш Халел Габбасов оказался в эпицентре жалоб, направленных в Кирцик по обвинению в родовой вражде, набегах на аул совместно с братьями Адилевыми, Турагулом Ибрагимовым (сыном Абая Кунанбаева). В сущности шла борьбы между Ике Адилевым и Мусатаем Молдыбаевым, о чем писал Р. Киндлер, применение 'мимикрийных стратегий', инсценировка 'классовых противоречий' (Киндлер 2014, 35). Представитель партийной организации Мендешевской волости Оспанов констатировал, что '… население волости не совсем понимает советское строительство, совершенно не понимает лозунг "Лицом к аулу". С состав сельсовета не из среды батраков, которые работают у баев…Причина к этому в волости имеется казакская партийная вражда, начавшаяся с 1918 года во главе которой стоит Ике Адилев и Мусатай Молдыбаев'. Далее идут жалобы сына Мусатая Кабжана Молдыбаева с перечислением лиц, связанных с байством и алаш-ордынцами[21].

Как ни парадоксально, но трайбализм оказался 'палкой о двух концах'. Власть также использовала родовое противостояние и противоречия кочевых казахов, не гнушаясь искусственным разжиганием межродовой розни. Излюбленным методом стало назначение председателей колхозов из других мест и родов, в попытке уничтожить родоначалие. Колхозники, руководимые своими кланами, в ответ объединялись против председателя 'со стороны'. Представителю другого рода, новоназначенцу никто в ауле не доверял.

Власть провоцировала своими действиями казахское население, объединяя несколько административных аулов, помимо того, что они находились на достаточно большом расстоянии, имели различное родовое происхождение. В результате насильственного обобществления, оказавшись в одном колхозе аулы соперничали за место под солнцем. В результате родовой вражды страдали невинные люди, которые в результате клеветы и доносов внезапно становились баями. Председатель Энбекшильдерского РИКа в ноябре 1930 г., обратился с жалобой о незаконной высылке его отца, полагая, что это '…неоспоримая ошибка, произошедшая в результате введения в заблуждение местной организации родовой враждой' (Из истории депортаций 2012, 307).

Родовая конфронтация обострялась в период избирательных кампаний в низовые органы советского аппарата. Каждый клан выдвигал своего человека, который в случае избрания выполнял его задания. В Нуринском районе борьбы за власть шла между тремя родами 'Кулумбет', 'Жайлы' и 'Айкорек' (Советская деревня 2003, 672-678). Аналогичная ситуация наблюдалась в местных организациях коммунистической партии. '…Ни о какой сплоченности организации говорить не приходится, наоборот – она делится на всякие рода, группы, подгруппы и т.д.' сообщал инструктор московского ЦК в сентябре 1926 г. Вышестоящие партийные органы осуждали пиетет аульных коммунистов, проявляемый к родоначальнику, получение ими благодарности за поддержку (Киндлер 2014, 51, 127).

Кочевая авторитетная элита нередко избиралась соплеменниками в составы аулсоветов и волисполкомов, т.е. в низовой советский аппарат власти. Один из крупных баев Семипалатинского округа Магавия Токпаев в первые годы существования Советской власти, воспользовавшись авторитетом родоначальника, а также как

сын влиятельного аксакала стал председателем волисполкома, получив активную поддержку аула. Скрыв байскую принадлежность, проникает в 1929 году в колхоз 'Жана-Тугам' и становится аульным активистом. Он принимал активное участие в проведении хлебозаготовительной кампании, не выполняя при этом план задание по хлебу, что возмутило бедняков и привело к изгнанию его из колхоза[22].

Клевета и доносы активно использовались в период избирательных кампаний. Во время предвыборных кампаний в колхозах руководители родов проводили негласные собрания по подготовке компрометирующих материалов на советских активистов из другого рода. Подача изобличающих доносов позволяла убрать неугодную креатуру, выставив своих сторонников[23]. До 1928 года на всех ответственных должностях в Колбинской и Карабуржской волостях Семипалатинского округа сидели ставленники баев из влиятельных родов 'Калматай', 'Крыкбай'. В период очередной избирательной кампании они решили провалить кандидатуры аульных бедняков путем передачи уполномоченному избиркома ложного компрометирующего материала на них[23.]

В Кзыл-Ординском районе глава рода 'Козы' Сутенев Шагдарбек до 1924 года был председателем Кугалинского волисполкома, когда его сняли за антисоветскую деятельность, он остался негласным руководителем всех общественно-политических и социально-экономических процессов в районе. Он подчинил себе байство не только своего рода, но и других родов: Доссан, Абыз Арган, Алтабас и возглавил байскую группу, организованно боровшуюся на перевыборах советов за выдвижение своих людей на руководящие должности. Группа Сутенова обеспечив себе пост председателя ВИКа, своим ставленником получила возможность полного захвата власти в руки байства, сохраняв 'эксплуататорские и хозяйственные' преимущества за собой.

Через аксакальских авторитетов он брал под свое влияние население, проводя в аулсоветы, волисполкомы, уездные исполкомы на руководящие посты своих ставленников, руководил их работой, убирал неугодных ему людей в период выборов и пр.[24].

В 1930 г. перед выборами в аулсовет, братья Кутамбаевы (крупные баи) устроили официальное собрание с беднотой аула, где вынесли решение об освобождении их от индивидуального обложения и возвращения им права голоса. Решение собрания аулсовета засвидетельствовал председатель КОШЧИ и направили в РИК[25].

Ергазин Джанибек, Исагулов Сыздык и Исагулов Зияда проживали в ауле №8 Кзылтавского района были крупными баями, лишенными избирательных прав. Как активные участники родовой вражды использовали группировки как орудие для захвата власти в свои руки. При этом в ауле существовало несколько группировок, объединяемых разными крупными родовитыми баями. Последние входили в группировку Минкеева Карима, которой удалось в 1924 году избрать его председателем аулсовета, а в 1926 году председателем Айнинржанского волисполкома Джанибека Ергазина. В 1928 году эта группа стремилась захватить низовую кооперативную сеть, с этой целью повели активную агитацию за создание самостоятельного потребобщества 'Кзынан'. Постановление райисполкома не только разрешило деятельность указанной организации, но и сбор членских взносов[26].

Баи, избранные в председатели колхоза, аулсовета и волисполкома, еще более усиливали статус рода при советской власти. В условиях разочарования колхозом, несбывшихся райских обещаний большевиков, казахи отнюдь не стремились вырваться из уз родовых отношений.

При очередных кампаниях наступления на ‘байско-кулацкие элементы’, последние все глубже проникали в колхозы, становились колхозными активистами, проявляя лояльность и приспосабливаясь к чуждым для себя условиям[22]. Как аульные активисты, бывшие баи принимали участие в хлебозаготовительных кампаниях, однако личный план, как правило, не выполняли. Дуальность такого поведения вызывала негативное отношение со стороны идейных советских патриотов, знавших о «байском» происхождении новоиспеченных активистов. В период чистки советского аппарата их ‘вычищали’ из колхозов, привлекали к ответственности и штрафовали. В этих случаях они стремились использовать свои статусно-родовые возможности в низовом советском аппарате, чтобы получить от аульного совета справку о бедняцком происхождении и затеряться на степных просторах Казахстана.

В колхозах по-казахски трайбалистские сети выстраивали статус рода во власти, подчиняя остальных соплеменников по ранжиру. Так, колхоз ‘Караш’, созданный в Божугурском аульном совете в начале 1932 г., состоял из восьми казахских родов, где сильными и влиятельными были рода ‘Конокай’, ‘Чоке’, ‘Садыбек’, ‘Калыбай’. Соответственно весь административный штат был сформирован из вышеуказанных четырех родов, ‘а граждане из остальных родов всегда и во всем им покорялись’. В архивно-следственном деле Бесимова К., последние получили статус ‘пассивных родов’: ‘Сақу’, «’Акымбект-Сыбан’, ‘Сексень’, ‘Сапақ’, а первые фигурировали как представители авторитетного рода. Председателем колхоза стал Караханов Азимхан из сильного байского рода ‘Конокай’, его брат Сеилхан Жапарханов, крупный бай, четырежды подвергался конфискации. В силу того, что колхоз ‘Караш’ находился в руках байских элементов, штат также подбирался исключительно из байских прослоек, в особенности из тех четырех влиятельных родов. Габдулла Торегельдинов был Айталак Сергазинов бригадиром по сеноуборочной и старшим по сдаче хлеба в заготовку (род «’Конокай’), Абылгазы Лукпанов доставщик хлеба на склад (род ‘Чоке’) и пр. По делу байско-вредительской группы прошло 16 человек, их обвинили в расхищении хлеба и причинении материального ущерба колхозу[27].

Процессы проникновения в колхозы байской элиты являлись пролонгированными на всю первую половину 1930-х годов. Документы, датируемые 1933-1934 гг., позволяют утверждать, что как сами баи, так и их потомки и родственники, использовали любую возможность получения административного статуса. Бывшие баи, волостные управители, их потомки, ближайшие родственники являлись членами большевистской партии, занимали должности председателей горкомхоза, городского оседлого комитета, ответственных секретарей, сотрудников ОГПУ и пр., создавали, по классификации чекистов, ‘лжеколхозы’ и ‘лжеТОЗы’. А. Итпаев в Маканчинском районе Алма-Атинской области в 1935 году создал лже колхоз из баев и контрабандистов, назвав его ‘15-летие Казахстана’[28].

Ярким примером альянса большевиков с родовыми авторитетами стал Адаевский ревком, породивший ‘советского хана’ Алниязова Тобонияза. Он единолично управлял уездом, взяв себе в помощь патриархов – аксакалов из отдельных родов и племен Адая. Суды не существовали, а всякие дела, невзирая на наличие декретов правительства и подсудности захвата судейских функций, разбирались самим Алниязовым или по его поручению по шариату или адату. Им даже был разработан проект о проведении

советизации аула Адая при помощи ‘Шариата’. Проект был написан на русском и казакском языках, представлен в КазЦик, для утверждения на 3-м Всеказакском съезде советов[29].

В 1921 году Т. Алниязов, как указано в материалах архивно-следственного дела), с целью административного подчинения, идеологического расширения своего «ханства», как он именовал уезд, мобилизовал до 3000 человек джигитов, вооружил, имеющимся у населения оружием, повел свой отряд на завоевание Каракалпакской области. Захваченный им город Конград был захвачен, разграблен, на почве дележа награбленного произошел родовой конфликт между Т. Алниязовым и С. Кудайбергеновым, последний был убит[29]. Уездный комитет, сформировавшийся в Форте-Александровский из молодых идейных коммунистов, выступал против безобразий, творимых Т. Алниязовым. Однако, род Адай, состоявший из более 200000 человек поддерживала единственного ‘советского работника’, придерживающегося старых патриархальных обычаев и традиций. ‘Советский хан’ настраивал народ против коммунистов, облагал кочевое население Адая единолично налогами, расходуя их по своему усмотрению. Вместе соратниками Т. Алниязов держал всю власть в Адае в своих руках, даже после его ухода они проводили на высшие выборные должности ‘универсальных» кандидатов’, не допуская на ответственные посты работников, присылаемых из центра, а в крайнем случае добивались путем их подкупа согласованности в работе или удаления из округа, путем сбора ложных компрометирующих материалов на них. Ключевые посты во власти занимали Садык Жубаев был заместителем председателя Уревкома, затем председателем КК ОК ВКП(б), бывший царский служащий, крупный бай, Калым Кожиков был начальником Окрмилиции, Нарсудьей потомственный волуправитель и т.д.[29]

Отметим, что если предыдущие ответработники центра, присланные на ключевые посты, как жертвы кляузы и доносов отзывались Крайкомом Каз. АССР, то Ш. Иралиев стал жертвой родовой политики Адая[29]. Согласимся с мнением Р. Киндлера (Киндлер 2014, 49), что ОГПУ извлекло максимальную выгоду от его смерти, материалы архивно-следственного дела по адаевской родовой группировке содержат несколько томов, а обвинительное заключение более 200 листов.

В 1928 году центр Адаевского округа из г. Форт-Александровска постановлением Правительства Казакстана был переведен в г. Уил, а также в краевой печати стал обсуждаться вопрос о ликвидации Адаевского округа, как не имеющего самостоятельного экономического и политического значения и в целях советизации аулов Адая и ликвидации существующих бытовых пережитков. К тому времени Крайком ВКП(б) вынес определение о идеологическом разложении Адаевской организации, существования группировочной борьбы, засоренности рядов организации чуждо-байским элементом с намеком на наличие даже контрреволюционной деятельности[30].

Большевики в рамках марксистского нарратива объясняли союз бедноты и баев отсталостью, неграмотностью и некультурностью казахов, придавленных нищетой. О характерной особенности ‘антисоветской активности байства’, а именно об использовании байством родовых группировок и родовой вражды, сообщали низовые партийные, комсомольские руководители. Клановая верхушка, писали они, т.е. баи, берут под полное свое влияние низовой аппарат, заставляя его «больше нажимать на бедноту, середняка’[31].

Заключение

Социальная система казахского аула с ее родо-клановыми отношениями не вписывалась в большевистский эксперимент. Принудительная коллективизация породила конфликт казахского социума, родовые ценности вошли в противоречие с идеологией власти. Казахский трайбализм оказал сильное влияние на социально-политические процессы советизации аула и сплошной коллективизации. Повсеместно наблюдалась родовая борьба кланов, возглавляемая бывшими родоначальниками-баями и волостными управителями-биями, завуалированная под социальное противостояние. Адаптация казахского трайбализма к условиям советской модернизации происходила в результате эксплуатации родо-иерархических связей, использования представителей клана, оказавшихся во власти. Прямые и косвенные родственные отношения, родовые коммуникативные индикаторы, авторитет трайбалистского сегмента оказался на какое-то время сильнее партийных директив. Традиционная казахско-кочевая ментальность обуславливала родо-иерархическую соподчиненность, однако «воображаемое сообщество» номадов поглотило родовое соперничество, следствием чего стали клевета и доносы. На кону стояло не только конфискованное богатство, обладание материальными ресурсами, но и возможность стать всесильным в новой власти. Произвольность выбора жертв конфискации местными органами в отсутствие регламентированных критериев, позволяла сводить счеты. Молекулярная структура казахского трайбализма была вычищена не без помощи ее непосредственных участников.

Казахский аул пережил три волны репрессий, первая волна связана с конфискацией баев в 1928 году, когда под удар попали богатые баи, родовая аристократия, с колоссальным авторитетом и весом, образованно-интеллигентные, имевшие политико-управленческие корни с дореволюционного периода, прямо или косвенно связанные с партией Алаш и правительством Алаш-Ордой. В большинстве своем их дети получили высшее образование, и даже судя по фамильному содержанию Большого террора, оказались втянуты в политическую структуру Казахской автономии. Вторая волна относится к 1930 году, когда процесс колхозного строительства обусловил вторичность изгнания оставшихся баев. Если в первом случае и в большей степени маркером выступала структурная принадлежность к категории т.е. незримая связь с прошлым, и условная численность скота, то во втором случае, оба маркера оказались важны байско-родовая значимость и скот. Первые два этапа преследовали уничтожение родового начала, родо-персонального пиетета. Третья волна годы Большого террора 1937-1938 гг., на этом этапе репрессиям подверглись прямые потомки первого и второго поколения родовой аристократии в рамках кулацкой и национальной операций.

Родо-иерархическая структура полностью включилась в процесс советизации, приспособилась и адаптировалась, обретя новые социальные формы, приобрела новое политическое звучание советская нация – советский народ, новая идентичность советско-казахский этнос.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру
Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности
Автор благодарит за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Из обзора Казкрайкома ВКП(б)о социально-экономическом и политическом положении республики// АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2106. Л. 1-3
2. Доклад уполномоченного Казалинского УК ВКП(б) по Актюбинской волости ‘Об итогах кампании по сбору сельхозналога, недоимок прошлых лет, семссуды, водсбора, организации и проведения самообложения и реализации крестьянского займа’//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1933. Л. 38-42
3. Заседание Политбюро от 30 апреля 1931 г. Протокол №37 п. 10//Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 3. Д. 699.
4. Инструкция по применению постановления ЦИК и Совнаркома КАССР от 27 августа 1928 года// ГА АО. Ф. 9. Оп.1. Д. 106. Л. 27-32.
5. Конфискации и выселению подлежали хозяйства, имевшие: в кочевых районах свыше 400 голов скота (КРС), в полукочевых более 300 голов скота, в оседлых 150 и выше. Вместе с тем в Докладной записке Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) от 15 мая 1928 г. предполагались другие нормы, для хозяйств кочевых районов предельный минимум составлял 200, максимальный 300 КРС, полукочевых 100 и 200, для оседлых 50 и 100 соответственно. ГА АО. Ф. 9. Оп.1. Д. 106. Л. 7-8.
6. Материалы о конфискации байства сентябрь 1928 г. Семипалатинский округ // АП РК. Ф.141.Оп.1.Д. 2067.Л.1,40 6 Дословно длинное ухо, образное выражение о человеке, распространяющем информацию
7. Из протокола № 38 заседания президиума Семипалатинского окрисполкома – о проведении декрета КЦИК И СНК от 27 августа 1928 г. ‘О выселении и конфискации скота и имущества крупных баев-полуфеодалов’ и о подготовительных мероприятиях к этой кампании»//ЦГА РК Ф. 135. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–76.
8. Спецсводка Семипалатинского ОО ОГПУ о ходе конфискации//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2058. Л. 58-67
9. Телеграфное сообщение комиссии по проверке соблюдения законности при проведении налоговой кампании в Каркаралинском уезде//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1689. Л. 188
10. Сведения о количестве конфискованного у баев имущества и скота. Сентябрь, 1928 г. Семипалатинская область. // ЦДНИ Ф. 3. Оп. 1 Св. 2. Д. 209. Л. 91.
11. Стенограмма заседания бюро Казкрайкома ВКП(б) по обсуждению доклада комиссии ЦК ВКП(б) о нарушениях революционной законности в период проведения хлебозаготовительной и налоговой кампаний в Семипалатинской губернии//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 165. Л. 157–165
12. Архивно-следственное дело по обвинению граждан Чубартаусского района//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 1. Д. 5119.

13. Из доклада секретаря окружной комиссии по конфискации об итогах изъятия имущества крупных баев в Уланском районе//ЦДНИ ВКО Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л.1-4
14. Постановление ЦИК и СНК КАССР об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодального байства//ЦГА РК Ф. 5. Оп. 21. Д. 15. Л. 42-63
15. Дело о конфискации имущества и выселении гражданина Адилева Асылхана// ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 47. Л. 30, 37.
16. Дело о конфискации имущества и выселении гражданина Сергазина Идриса//ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 66. Л. 2, 11, 62, 73.
17. О конфискации байских хозяйств (выступление на партконференции Сырдарьинского ОКР ВКП(б))//Государственный архив общественно-политической истории Туркестанской области (ГАОПИТО) Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л.145-148, 149а
18. Инструкция уполномоченным окружкомов 'Порядок проведения конфискации и выселения кулаков'//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2922. Л. 1-4
19. Спецсводка об укочевках казахского населения в Казахстане по материалам Инфо ПП ОГПУ по КАССР на 24 ноября 1930 г.//АП РК Ф. 719. Оп. 2. Д. 126. Л. 149-159.
20. Резолюция по состоянию Уильской партийной организации//Государственный архив Мангышлакской области (далее ГАМО) Ф. 2П. Оп. 1. Д. 74. Л. 15–17.
21. Архивно-следственное дело по обвинению граждан Чингиставского района//СГА ДП ВКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 5049.
22. Архивно-следственное дело Токпаева М.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2481. Л. 35.
23. Архивно-следственное дело на Сулейменова С.// СГА ДП Ф. 19. Оп. 2. Д. 2433. Л. 162
24. Протоколы тройки ПП ОГПУ// СГА ДП г. Алматы Ф. 20. Оп. 1. Д. 331. Спецсводка уполномоченного ПП ОГПУ о ситуации в Соло-Тюбинском подрайоне//ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 4. Д. 24. Л. 32.
25. Архивно-следственное дело Кутамбаева К. и др.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2680.
26. Архивно-следственное дело Исагулова З.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2510.
27. Архивно-следственное дело Бесимова К. и 13 человек // СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2682.
28. Архивно-следственное дело Итпаева А.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 3030.
29. Архивно-следственное дело контрреволюционной группы Адаевского уезда//СГА ДП г. Алматы Ф. 1. Оп. 1. Д. 4506. Л. 36-39
30. Доклад о положении в округе и задачах по советскому строительству//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1694. Л. 32-40
31. Материалы о довыявлении скота и имущества после конфискации у кулаков и баев Семипалатинского округа//Центр документации новейшей истории (ЦДНИ) Ф. 3. Оп. 1. Св. 15. Д. 209.

Список литературы

Cameron S. The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Cornell University Press. 2018.

Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. 448 p.

Kuromiya H. How Do We Know What the People Thought under Stalin? Soviet power - people's power? Essays on the history of popular perception of Soviet power in the USSR. Ed. T. Vihavainen. St. Petersburg. 2003

Payne M.J. Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928-1934. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds) Writing the Stalin Era. Palgrave Macmillan, New York. 2011. https://doi.org/10.1057/9780230116429_5

Pianciola N. 'Famine in the steppe", Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45/1-2. Online since 01 January, connection on 11 March 2022. URL: http://journals.openedition.org/monderusse/8681;DOI: https://doi.org/10.4000/monderusse.8681

Ohayon I. The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. Mass Violence & Résistance 2013. [online], published on: 28 September. accessed 17/05/2021, http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-

Из истории депортаций 1930-1935., 2012. Сборник документов. Алматы: Lem. 772 с.

История Казахстана. Т.4. Алматы: Атамура.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане». Пер. с нем. Л. Пантиной. Москва: Политическая энциклопедия. 2017.

Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Социнвест-Москва: Горизонт. 1995.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939., 2003. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930-1934 гг. Кн. 1. 1930-1931 гг. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ РФ, Ин-т истории новейшего времени (Франция), Центр по изучению России (Франция), Рос. гос. архив экономики, Ин-т по эконом. истории (Швеция), под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.:РОССПЭН. 864 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛО. 2017.

Фитцпатрик С. Сорвите маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. Москва: РОССПЭН. 2011.

References

Cameron S. The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Cornell University Press. 2018. (In English)

Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. 448 p. (In English)

Kuromiya H. How Do We Know What the People Thought under Stalin? Soviet power - people's power? Essays on the history of popular perception of Soviet power in the USSR. Ed. T. Vihavainen. St. Petersburg. 2003. (In English)

Payne M.J. Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928–1934. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds) Writing the Stalin Era. Palgrave Macmillan, New York. 2011. https://doi.org/10.1057/9780230116429_5 (In English)

Pianciola N. 'Famine in the steppe", Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45/1-2. Online since 01 January, connection on 11 March 2022. https://doi.org/10.4000/monderusse.8681 (In English)

Ohayon I. The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. Mass Violence & Resistance 2013. [online], published on: 28 September. accessed 17/05/2021, http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre (In English)

From the history of deportations 1930-1935. Collection of documents. Almaty: Lem. 2012. 772 p.
The history of Kazakhstan. Vol. 4. Almaty: Atamura. (In Russian)
Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan." Translated from German by L. Pantina. Moscow: Political Encyclopedia. 2017. (In Russian)
Masanov N. The nomadic civilization of the Kazakhs. Almaty: Socinvest-Moscow: Horizon. 1995. (In Russian)
The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939., 2003. Documents and materials. In 4 volumes. Vol. 3. 1930-1934. Book 1. 1930-1931 / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, House of Human Sciences (France), Center. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation, Institute of Modern History (France), Center for the Study of Russia (France), Russian State Archive of Economics, Institute of Economics. History (Sweden), edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN. 864 p. (In Russian)
Yurchak A. It was forever, until it was over. The last Soviet generation. Moscow: UFO. 2017. (In Russian)
Fitzpatrick S. Rip off the masks! Identity and imposture in Russia in the 20th century. Moscow: ROSSPEN. 2011.
History of Kazakhstan. Vol.4. Almaty: Atamura. 2009. (In Russian)

Information about author

Albina S. Zhanbossinova – Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpaev Str., 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Автор туралы мәлімет

Альбина Советқызы Жанбосинова – тарих ғылымдарының докторы, профессоры Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Сведения об авторе

Альбина Советовна Жанбосинова – доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді***. Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 02.01.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.02.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.03.2026

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МҒТАР / IRSTI 03.91.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.58.75

The Role of Soviet Citizens Arriving from the PRC in the Development of Kazakhstan's Virgin Lands in the 1950s

Zh. Mazhitova✉
Astana Medical University, Astana, Kazakhstan
✉*zhanna013013@gmail.com*

Abstract. Drawing on archival documents, the authors examine the process of repatriation of Soviet citizens from the People's Republic of China to the virgin lands of Kazakhstan during the 1950s. The article explores issues related to the employment and housing conditions of the repatriates, as well as the measures undertaken by district authorities to implement the Resolution of the Secretariat of the Regional Committee of the Communist Party of Kazakhstan concerning the settlement of citizens arriving from the PRC. Some repatriates who arrived for permanent residence were provided with housing by local authorities and actively participated in agricultural and construction activities. At the same time, the authors emphasize that serious shortcomings existed in the material and living conditions of Soviet citizens arriving from the PRC. To address these and other problems, the Agricultural Department of the CPSU Central Committee for the Union Republics dispatched responsible party and state officials to the Kazakh SSR. Together with regional and district authorities, they visited the areas where repatriates had been settled and prepared reports and memoranda describing the actual material and living conditions of the newcomers. The recommendations proposed by the inspection bodies to resolve the problems faced by repatriates were extensive and often difficult to implement in practice. The authors conclude that issues related to the housing and employment of repatriates from the PRC were not fully resolved due to a combination of objective and subjective factors.

Keywords: history of Kazakhstan; development of virgin lands; repatriates; citizens arriving from the People's Republic of China; archive

For citation: Mazhitova Zh. The Role of Soviet Citizens Arriving from the PRC in the Development of Kazakhstan's Virgin Lands in the 1950s. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.58-75. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.58.75*

© Zh. Mazhitova, 2026

1950-жылдардағы Қазақстанның тың және тыңайған жерлерін игерудегі ҚХР-дан келген кеңес азаматтарының рөлі

Ж. Мажитова
Астана медицина университеті, Астана, Казахстан

Аңдатпа. Мақала авторы архивтік материалдар негізінде 1950-жылдары Қытай Халық Республикасынан Қазақстанның тың және тыңайған жерлеріне кеңес азаматтарының репатриациялану үдерісін қарастырады. Зерттеуде қоныс аударушыларды еңбекке орналастыру, тұрғын үймен және тұрмыстық жағдайлармен қамтамасыз ету мәселелері, сондай-ақ ҚХР-дан келген азаматтардың өмірін ұйымдастыруға бағытталған Қазақстан Коммунистік партиясы облыстық комитеті хатшылығының қаулысын іске асырудағы аудандық билік органдарының қызметі талданады. Тұрақты тұру үшін келген репатрианттардың бір бөлігі жергілікті билік тарапынан тұрғын үймен қамтамасыз етіліп, кейін ауыл шаруашылығы мен құрылыс жұмыстарына белсене араласты. Сонымен қатар автор ҚХР-дан келген кеңес азаматтарын материалдық-тұрмыстық жағынан қамтамасыз етуде елеулі қиындықтардың болғанын атап өтеді. Туындаған мәселелерді шешу мақсатында КОКП Орталық Комитетінің Одақтас республикалар жөніндегі ауыл шаруашылығы бөлімі Қазақ КСР-іне жауапты партия және мемлекеттік қызметкерлерді жіберді. Олар облыстық және аудандық билік органдарымен бірлесіп репатрианттар қоныстанған аудандарды аралап, соның нәтижесінде қоныс аударушылардың нақты материалдық-тұрмыстық жағдайын көрсететін есептер мен баяндамалар әзірледі. Тексеру жүргізген органдар ұсынған мәселелерді шешу жөніндегі ұсынымдар ауқымдылығымен ерекшеленгенімен, олардың көпшілігін іс жүзінде жүзеге асыру қиын болды. Соның нәтижесінде автор объективті және субъективті себептерге байланысты ҚХР-дан келген репатрианттарды еңбекке орналастыру және тұрғын үй-тұрмыстық жағдайларын қамтамасыз ету мәселелері толық көлемде шешілмеген деген қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы; тың игеру; репатрианттар; Қытай Халық Республикасынан келген азаматтар; архив

Роль советских граждан, прибывших из КНР, в освоении целинных земель Казахстана в 1950-х годах

Ж. Мажитова
НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Қазақстан

Аннотация. Автор статьи на основе архивных материалов рассматривает процесс репатриации советских граждан из Китайской Народной Республики на целинные земли Казахстана в 1950-е годы. В исследовании анализируются вопросы трудового и жилищно-бытового устройства переселенцев, а также деятельность районных органов власти по реализации постановления Секретариата обкома Коммунистической партии Казахстана, направленного на организацию жизни граждан, прибывших из КНР. Части репатриантов, прибывших на постоянное место жительства, местными властями было предоставлено жильё, после чего они активно включились в сельскохозяйственные и строительные работы. Вместе с тем автор отмечает наличие серьёзных проблем в материально-бытовом обеспечении советских граждан,

прибывших из КНР. Для урегулирования возникших трудностей Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по союзным республикам направил в Казахскую ССР ответственных партийных и государственных работников. Совместно с областными и районными органами власти они посетили районы расселения репатриантов, по итогам чего были подготовлены отчёты и докладные записки, отражающие реальное материально-бытовое положение переселенцев. Разработанные проверяющими органами рекомендации по решению проблем репатриантов отличались масштабностью и во многих случаях были трудноосуществимыми. В результате автор приходит к выводу, что вопросы трудового и жилищно-бытового устройства репатриантов из КНР вследствие объективных и субъективных причин не были решены в полном объёме.
Ключевые слова: история Казахстана; освоение целины; репатрианты; граждане, прибывшие из Китайской Народной Республики; архив

Для цитирования: Мажитова Ж. Роль советских граждан, прибывших из КНР, в освоении целинных земель Казахстана в 1950-х годах. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.58-75. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.58.75*

Введение

Уже длительное время земля Казахстана является местом активных миграционных потоков. Как правило, активизация миграционных процессов была следствием определенного государственного решения. Перемещение целых народов оказывало прямое воздействие на социально-экономическое развитие государства. «Результатом его стала изменившаяся национальная структура населения. Благодаря переселенцам, прибывшим в Казахстан, бурно развивалась экономика, в первую очередь промышленность. Казахстан в XX веке стал новой родиной для многих тысяч переселенцев» (Игнатьева 2006).

В первые же годы после окончания Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве СССР стали актуализироваться проблемы надвигавшегося кризиса продовольствия в стране. Теоретически решение этого вопроса могло быть в двух вариантах: во-первых, путём интенсификации всей экономики, что предполагало перевод её на рыночные механизмы функционирования. Во-вторых – экстенсивный, предполагавший решение продовольственного голода за счёт значительного увеличения площадей для засева зерновыми культурами. Для решения проблемы в краткосрочной перспективе наиболее приемлемым был второй вариант, кроме того, интенсивный путь развития экономики был достаточно долговременным, а значит результат от него виделся в перспективе. К тому же он, и это главное, противоречил фундаментальным принципам советской идеологии.

Поэтому не случайно одной из главных задач, решение которой было поставлено в повестку дня государством в 1950-е годы стало освоение целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири, Поволжье и Урале. Массовая распашка целинных земель после февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г. (предполагалось под целину выделить в Казахстане 25 млн гектаров земли) требовала мобилизации огромной массы как внутренней трудовой силы, так и внешней, в том числе и за счёт репатриации советских граждан. «Советский опыт мобилизации сил страны в годы целинной кампании во

многом интересен и многообразен. Он соединил в себе как достижения, так и неудачи советской системы» (Мажитова, Жалмурзина 2020: 66-67).

Материалы и методы

Мы же в своей статье оперируем архивными материалами Акмолинского областного архива и Российского государственного архива новейшей истории, которые в полной мере не были введены в научный оборот.

Методы сбора источников и литературы включали несколько этапов. На первом этапе, авторы занимались изучением теоретико-методологических аспектов проблемы посредством анализа гуманитарной научной литературы как отечественной, так и зарубежной, что позволило создать теоретическую базу статьи. На втором этапе происходил сбор и систематизация документального материала в архивах Казахстана и России. Следующий этап связан с анализом полученных исторических данных. При работе над статьёй применялись общепринятые научные методы исторической науки

Литературный обзор

Вопросы репатриации советских граждан из КНР на целинные земли Казахстана неоднократно становились предметом исследования учёных и исследователей (Кузнецова 2003; Аблажей 2008; Мендыкулова, Атантаева 2008; Алпыспаева, Саяхимова 2016; Аблажей 2014). В основном авторы, рассматривая вопросы бытового устройства и обеспечения трудовыми кадрами реэмигрантов, использовали материалы центральных и региональных архивов, в частности, фонды архива Кустанайской и Павлодарской областей.

Результаты

Проводя репатриацию советских граждан, государство руководствовалось разными целями. В первую очередь экономическими – в условиях экстенсивного развития экономики, Советский Союз нуждался в огромных трудовых ресурсах, и только после этого в повестку дня ставились остальные вопросы – политические, культурные и т.д.

Не случайно, миграционные потоки на территорию Казахстана в 1950-е годы связаны с активным освоением целинных и залежных земель. В этом вопросе советское руководство решало важную задачу – возврат в СССР трудоспособного населения, необходимого для аграрно-индустриального освоения республик. Это событие привело к значительному увеличению численности населения. Так, «всего на первом этапе массового освоения целины (1954-1956 гг.) в Казахстан прибыло более 640 тыс. человек, что составило 45,3% всего сельского населения, проживающего в целинном крае. И если за 1954-1958 гг. население Казахстана увеличилось на 24%, то в тех областях, где осваивались целинные земли, – на 40-50%» (Игнатьева 2006: 17).

Увеличение трудовых ресурсов шло в основном за счёт внутрисоюзных переселений, а также репатриированных граждан из КНР. Так, Совет Министров СССР в Постановлении от 13 апреля 1954 г. № 751-329 разрешил въезд в СССР из КНР в июне-августе 1954 г.

семей советских граждан из числа изъявивших желание выехать в СССР в районы освоения целинных и залежных земель, с направлением их для работы и на постоянное жительство в совхозы, машинотракторные станции (МТС) и колхозы.

По данным на 29 октября 1954 года в Советский Союз прибыло из Китайской Народной Республики 27216 человек (6005 семей) советских граждан, которые были размещены в районах освоения целинных и залежных земель. 4005 семей – 20486 человек направлены на работу в совхозы и 2000 семей – 6731 человек в машинно-тракторные станции. В совхозах и МТС Казахской ССР размещено 2269 семей – 10664 человека.[1] См. таблицу 1.

Таблица 1. Справка о размещении в Казахской ССР прибывших из КНР советских граждан

Table 1. Reference on the resettlement in the Kazakh SSR of Soviet citizens arriving from the People's Republic of China

	Всего прибыло семей	Размещено: в совхозах	В МТС
Кустанайская область	806	506	300
Павлодарская область	316	116	200
Карагандинская область	314	314	–
Актюбинская область	207	207	–
Акмолинская область	202	–	202
Кокчетавская область	201	–	201
Северо-Казахстанская область	92	–	92
Западно-Казахстанская область	131	131	–
Итого:	2269	1274	995

Прибывшие граждане размещены в 230 совхозах и 278 МТС[2].

Советское государство гарантировало репатриантам «бесплатный въезд в СССР, беспошлинный ввоз багажа и предоставление некоторых социальных льгот. Репатриантам было объявлено, что на них распространяются все права граждан СССР, включая избирательное. Вместе с тем им запрещалось покидать установленное государством место работы» (Литвинцев Г.М.).

Подавляющее большинство прибывших в Казахстан были уроженцами и гражданами Советского Союза, бежавшими за границу в течение 1918-1932 гг. Большинство реэмигрантов по национальности были русскими, среди них было несколько семей украинцев, немцев[3].

Если же говорить о прибывших из КНР в 1954 по 1961 годы, то всего на территорию Казахской ССР ежегодно в организованном порядке, с соблюдением всех необходимых правил прибывали граждане из Китайской Народной Республики в количестве репатриантов – 12 624 семьи, в том числе – 134 117 человек (Атантаева 2008).

Судя по архивным материалам, руководство республики держало на особом контроле вопрос бытового, жилищного и трудового устройства репатриантов. Переселенцы из КНР по прибытии должны были быть обеспечены жильём, домашним скотом, приусадебным

участком и продуктами питания. Для хозяйственного обустройства, как и другим целинникам, прибывшим по оргнабору, переселенцам должны были быть выданы ссуды в размере 10-15 тысяч рублей и кредиты на льготных условиях[4]. Кроме того, местное руководство должно было трудоустроить переселенцев по специальности, в случае невозможности – направить на обучение по востребованным на целине специальностям.

Реальная картина пребывания репатриантов в республике была противоречивой. С одной стороны, руководители большинства МТС и совхозов правильно организовали приём вновь прибывших, обеспечили их работой и жильём. С другой – были допущены серьёзные ошибки в работе местных руководителей, так как материально-бытовое устройство некоторых советских граждан, прибывших из КНР, оставляло желать лучшего. В ряде районов республики было плохо организовано снабжение их промышленными и продовольственными товарами, не принимались необходимые меры к обеспечению благоустроенным жильём, имелись случаи, когда прибывшим советским гражданам не предоставлялась работа по специальности. В целях решения вопросов политического характера, так как многие репатрианты «имеют переписку с Китаем и не исключено, что о подобных недостатках сообщают в Китай»[5], а также устранения недостатков в материально-бытовом устройстве советских граждан, прибывших из КНР, Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по союзным республикам счёл целесообразным командировать в Казахскую ССР группу ответственных работников Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и ЦК ВЛКСМ. Прибывшие в республику работники из советско-партийного актива совместно с местными руководящими работниками, собрав информацию о расселении и повседневном быте репатриантов, представили в ЦК КПСС докладные записки и справки об устройстве прибывших из КНР советских граждан.

Так, в справке «О трудовом и бытовом устройстве граждан, прибывших в Акмолинскую область из Китайской Народной Республики», подготовленной заведующим сельскохозяйственным отделом обкома Коммунистической партии Казахстана С. Комаровым отмечается, что с 6 по 15 ноября 22 ответственных партийных и советских работников области совместно с райкомами партии провели проверку каждой прибывшей из КНР семьи. Проверкой были охвачены вопросы: трудового устройства, бытового обеспечения квартирами, топливом, овощами, культурным обслуживанием. При проверке члены комиссии провели групповые и индивидуальные беседы с переселенцами. Итоги проведённой комиссией работы оказались следующими. Основная волна переселенцев прибывает на постоянное место жительство в Акмолинскую область в июле 1954 года.

Репатрианты были направлены на работу в 20 МТС Акмолинской области. С 18 июля 1954 г. произошло «некоторое разукрупнение прибывших семей (женились, вышли замуж). Некоторые семьи нашли своих родственников и с разрешением руководителей районов выехали в другие области, отдельные семьи устроились по своей специальности в г. Акмолинске и других местах внутри области»[6]. В итоге по состоянию на 15 ноября 1954 года граждан, прибывших из Китайской Народной Республики и направленных в МТС Акмолинской области, имелось 195 семей (вместо 202) с количеством членов семьи 585 человек, в том числе трудоспособных 346, из них было трудоустроено 271 человек. См. Таблицу 2.

Таблица 2. Справка о трудовом и бытовом устройстве семей, прибывших

из Китайской Народной республики в МТС области

Table 2. Reference on the employment and living arrangements of families arriving from the People's Republic of China in the region's collective farms

МТС	Всего прибыло семей	Из них			Имеется			Трудоустроены человек	Не трудоустроены
		Разукрупненные	Всего выбыло семей	В т.ч. выбыло за пределы области	Кол-во семей	Членов семей	Трудо спос. человек		
Семеновская	9		3	1	6	29	19	15	4
Атбасарская	20	–	11	3	9	29	20	15	5
Новосельск.	20	–	4	4	16	44	30	25	5
Ишимская	10	–	2	–	8	33	20	15	5
Красивинская	12	–	–	–	12	28	14	14	–
Запорожская	10	–	–	–	10	35	22	14	8
Эркеншиликс	10	–	3	2	7	32	21	16	5
Нецветаевск.	10	–	3	1	7	34	18	15	3
Новоколутон.	9	–	–	–	9	29	14	8	6
Журавлевская	10	–	–	–	10	28	12	12	–
Карашалгигск.	11	–	–	–	11	33	23	20	3
Сандыктавск.	12	–	–	–	12	50	25	19	6
Преображенс.	10	–	2	–	8	16	10	7	3
Балкашинская	10	–	–	–	10	24	15	12	5
Веселовская	9	–	1	1	8	29	17	11	6
Новочеркасс	10	2	–	–	12	55	29	29	–
Организатор	10	2	7	–	5	13	10	8	2
им. Тельмана	10	1	–	–	11	44	27	16	11
Итого	202	5	36	12	171	585	346	271	75

По официальной справке бытовое устройство прибывших граждан в целом было

удовлетворительным. Так, некоторые семьи приобрели дома, вступили в колхозы, часть получила государственные кредиты на строительство жилых домов, на приобретение коров. Более-менее благоприятные условия для проживания созданы были в радиусе Веселовской МТС: здесь проживало 9 семей с общим количеством 36 человек, из которых трудоспособных граждан 17, детей школьного возраста 4, детей дошкольного возраста 9 человек. Все дети школьного возраста охвачены были учёбой. Все трудоспособные граждане работали в этом колхозе. Однако, пожалуй, это единичный случай, исключение из общего правила.

В докладной записке заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПК И. Шендрик было указано, что в Нецветаевскую МТС совхоза Изобильный прибыло 10 семей, которым «в течении 20 дней не представляли никакой работы. После такого приёма 3 семьи сразу же уехали из МТС: 2 семьи в Рудник Тургайстрой, одна – в Молотовскую область. За исключением Василенко, Бронниковой (первый работает шофёром, вторая помощником повара) остальные не трудоустроены. Это вызывает недовольство и неуверенность (у репатриантов. – авторы) в завтрашнем дне»[8]. Проверкой обнаружено, что жилищные условия у прибывших граждан были крайне неприглядные. «Люди живут, если можно так выразиться, в жутких условиях. В одной комнате размером в 20-25 квадратных метров размещены 3 семьи (одна из 8 человек, вторая из 5 и 3 человек). Ни о каких санитарных требованиях здесь не приходится и говорить. В комнате стоит смрадный запах. Спят все на нарах – все семьи вместе, подряд. Топливом не обеспечены. В холодные дни многие из них заболели простудными заболеваниями, особенно дети»[9].

Особенно тяжело обстояло дело с обеспечением продуктами питания. «На протяжении истекших месяцев прибывшие семьи на месте не получают хлеб, т.е. вернее не могут покупать печёный хлеб. Для того, чтобы обеспечивать потребности в хлебе им приходится ездить на попутных машинах на рудники Джалымбет, Бестюбе через каждые 7-10 дней. 18 октября на момент моего приезда многие семьи уже по 2 дня не имели хлеба»[10].

Не всегда благоприятно складывались отношения у прибывших с местным населением, которое видело в них «изменников» Родины, покинувших её в переломные моменты советской истории. «Среди местного населения не проводится разъяснительная работа, не рассказывается каким должно быть его отношение к гражданам, прибывшим из Китая. Не случайно ведутся нездоровые разговоры такого содержания: "Вы проклятые китайцы, понаехали сюда нас обжирать и т.п."» [11].

К сожалению, местные власти не всегда обращали должного внимания на процессы социальной адаптации прибывших граждан. В этом направлении работа властей была на первых порах малоэффективной. Поскольку и в этом районном центре нередко в адрес репатриантов можно было услышать слова: «…граждане грубо обращаются с этими гражданами, называя "белобандитами, изменниками Родины, дармоедами и т.п."»[12].

Схожая ситуация сложилась и в Коктенкульском совхозе Жана-Аркинского района Карагандинской области. Коктенкульский совхоз организовался из бывшего лагеря заключённых, основной контингент которого составляли бывшие заключения. В этот совхоз из КНР прибыло 33 семей в составе 175 человек. Проживание репатриантов в этом совхозе осложнялось тем, что в нем «имеется более 500 рабочих и служащих, около половины которых бывшие осужденные несколько раз за хулиганство, воровство и по 58 статье»[13]. Прибывшие люди из КНР в первые дни нахождения среди осужденных,

слыша от них «бесконечные матершины, ругань, пьянки и угрозы, очень боялись местных людей, многие из прибывших хотели подать заявление на увольнение и уехать обратно»[14]. Морально-психологический климат прибывшего населения ухудшался нападками со стороны «несознательных слоёв населения». Так, «…осужденные женщины – Ольга Субачева, Сухарева, Муравчик, Брыкина и другие обзывают прибывших людей, китайцами, открыто говорят такие слова, что: "Вы тогда сбежали в Китай, зачем теперь сюда приехали, кто Вас сюда пригласил и т.д. и т.п."» [15].

Фрагменты жизни в этом совхозе ярко иллюстрируют страницы письма репатрианта Лукманова на имя вице-консула Генконсульства СССР г. Урумчи И.И. Иванова. Останавливаясь в этом письме на характеристике окружающей его среды, Лукманов отмечал: «…большинство (заключённых. – авторы) занимаются воровством и всяким жульничеством. Так, например, работающий со мной на одной фирме завзерноскладом, даёт уже намёки, чтобы воровать с ним вместе государственное зерно»[16]. Распространяемая противоречивая информация с целинных районов прибывшими репатриантами вызывала серьёзную озабоченность властей, поскольку «об этом может быть известно советским гражданам, проживающим в Синьцзяне и это нанесёт вред дальнейшей работе по репатриации. Тем более, что враждебные элементы уже распространяют среди местных советских граждан слухи, что репатриируемых советских граждан размещают в концлагерях» [17].

Действия местных властей по трудоустройству и обустройству прибывших переселенцев встречали неоднозначную оценку со стороны местного населения. Так, если одни целинники с пониманием относились к созданию условий для жизнедеятельности переселенцев, то другие видели в них конкурентов и обузу для хозяйства. Рабочий зерносовхоза «Черкасский» Советского района Северо-Казахстанской области в своём письме в редакцию газеты «Сельское хозяйство» отмечал: «Прошу разъяснить, почему так получилось, что люди, приехавшие на освоение целины в голые степи, оказались в худшем положении по сравнению с гражданами, которые приехали, как переселенцы в существующие колхозы. Мы очень недовольны действиями местных властей. Переселенцам, хотя и временно, но предоставляют жилье, чего мы, целинники, не имели»[18]. В документах немало материалов о прохладном отношении к переселенцам со стороны работников торговли. Так, продавец сельпо Дюсекеева отказалась продать жиры и муку переселенцам, мотивируя свой отказ тем, что «надо было сало привозить из Китая» [19].

Хотя стоит подчеркнуть, что острых конфликтов на национальной почве среди местного населения и вновь прибывшими не было. Во всяком случае, в архивных документах таких материалов нами обнаружено не было. Скорее всего, это было связано с тем, что целина в эти годы стала местом проживания и работы людей разных национальностей, вероисповедания, социального статуса [20]. Данное обстоятельство, с одной стороны, сплачивало людей, так как им приходилось в равной степени в сложных природно-климатических условиях осваивать целинные и залежные земли и создавать инфраструктуру края «непуганой птицы». С другой – восприятие репатриантов как «чужих», «белобандитов» вызывало чувство прохладного к ним отношения со стороны «настоящих» целинников, что в свою очередь, затрудняло социальную адаптацию переселенцев.

Особенно остро стоял вопрос с жилищно-бытовыми условиями проживания. Люди

были размещены в недостроенных помещениях, в которых не было печей отопления, пола, двора для скота. Создавшаяся ситуация в большинстве случаев по мнению проверяющих лиц связана с халатным отношением к исполнению своих обязанностей со стороны уполномоченных отделении сельхозбанком и дирекцией МТС, так как отпускаемые государством кредиты на строительство жилых домов и покупку домашнего скота не использовались, более того, многие об этих кредитах и не знали. Практически в каждом отчёте указывается на затруднения в обеспечении зимней одеждой, обувью: «Люди совершенно не обеспечены тёплой одеждой, овощами, хлебом, мясом, жирами и т.п. Все люди, работающие в колхозе, ходят полубосые»[21]. Или «всего требуется для граждан (Калининского района. – авторы) 52 пары валенок, один полушубок и тёплых платков до 20 штук. Кроме этого, в течение всего времени не было продано гражданам ни одного килограмма сахара и др. кондитерских изделий, крупы, отсюда просьба их обеспечить этими продуктами питания. Совершенно в продаже (во всех магазинах) нет ламп и стёкол, следовательно, с освещением дело обстоит крайне плохо, пользуются везде жировиками (примитивное приспособление)» [22]. Хотя, стоит отметить, что такая ситуация складывалась не везде, и есть немало примеров того, как местные власти пытались создать оптимальные условия для проживания и трудоустройства прибывших советских граждан.

Тяжело решался вопрос с трудоустройством прибывших граждан. Недостатки в трудовом устройстве состоят в том, что в ряде МТС и особенно в совхозах, большое число трудоспособных работали на низкооплачиваемых работах – сторожами, уборщиками, разнорабочими. Так, например, в 10 МТС Галкинского, Лебяжинского, Лозовского районов Павлодарской области работали 97 человек. В их числе 8 шофёров, трактористов, токарей, слесарей, 11 плотников, 14 работали штурвальными на комбайнах и учетчиками-заправщиками в тракторных бригадах, 3 медицинских работника, 3 лаборанта, 6 счетоводов и бухгалтеров, 3 повара, 3 конюха, 4 сторожа и уборщицы и 42 человека работают разнорабочими [23]. Ещё одна проблема – неправильный учёт и заниженная оплата труда. Приведём в таблице 3 данные о зарплате 10 рабочих, взятые из ведомости бухгалтера.

Таблица 3. Данные о зарплате 10 рабочих

Table 3. Salary details for 10 workers

№	Фамилия, имя и отчество	Количество отработанных дней в октябре	Сумма начисленного заработка	Заработок за I рабочий день	примечание
1	Зерцалов Иван Леонидович	8,5	28–45	3–25	
2	Коробейникова Елена В.	18,0	61–42	3–32	
3	Кобылин Абрам Осипович	20,0	78–45	3–90	плотник

4	Макарова Ксения Ивановна	16,0	60–86	3–80	
5	Спирина Клавдия Федоровна	18,0	59–13	3–30	
6	Самсонкин Григорий С.	16,0	65–01	4–05	плотник
7	Горовицкий Вадим Паулович	20,05	94–04	4–60	плотник
8	Третьяков Георгий Митрофанович	18,0	73–37	4–07	плотник
9	Сатурова Калерия Г.	8,5	55–01	6–50	
10	Машинский Иван Ал.	23,0	96–91	4–20	плотник

Приведённая таблица показывает, что рабочие в октябре 1954 года получили вдвое и втрое меньше самой низкой ставки повременщика и сдельщика, оплачиваемых по существующей тарифной сетке (таб. 4):

Таблица 4. Тарифная сетка оплаты труда

Table 4. Wage scale

	Дневной заработок повременщика	Дневной заработок сдельщика
III разряд	9–75	12–81
IV разряд	10–87	14–56
V разряд	12–83	16–50

Проверка показала, что причина низкого заработка заключалась, прежде всего, в неправильной организации учёта труда. Наряды выписывались без указания объёма работы и расценок за единицу работы и оформлялись, как правило, задним число, к тому же за несколько дней сразу. Вот копия подобного наряда:

«Бригада Зерцаловой.

4/XI-54 г. Кладка деталей в штабеля.

5/XI-54 г. Кладка деталей в штабеля.

6/XI-54 г. Кладка деталей в штабеля.

10/XI-54 г. Подноска пушонки, набивка стен, подача опилок на 2-й этаж»[24].

Этот наряд не отражал ни объёма выполненной работы, ни ее стоимости, из чего можно сделать вывод о том, что администрация конторы обманывала и обсчитывала переселенцев.

Бездушно относились отдельные руководители совхозов и МТС к созданию нормальных условий труда. Так, «учётчица в совхозе им. Чапаева Тамара Григулевич для того, чтобы производить обмер полевых работ ежедневно совершала пешком по 16 км в одном направлении и 10 км в другом. Помимо того, ей приходилось обходить огромные

поля в процессе обмера. Между тем в совхозе большое количество рабочих лошадей не используется»[25].

Не всегда прибывшие граждане были трудоустроены в соответствии со своими пожеланиями и специальностями. И здесь стоит отметить допущенные работниками Консульств Советского Союза в КНР ошибки при отборе советских граждан для отправления в СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 года Посольству СССР в КНР было поручено выдавать разрешение на въезд в СССР трудоспособным советским гражданам, которые могли быть использованы на работе в совхозах, колхозах и МТС, а также членам их семей. Однако, в числе прибывших граждан имелась значительная часть людей, которая не могла быть использована на работе в сельском хозяйстве – капитаны морских судов, инженеры горнорудной, пищевой, химической промышленности, профессоры, железнодорожники, лица других специальностей, которые не могли быть использованы в совхозах. Направление в совхозы высококвалифицированных и с большим стажем лиц не сельскохозяйственных специальностей привело к тому, что директоры совхозов не могли устроить их на работе по специальности. Факты показывают, что значительная часть интеллигенции не была устроена по своей специальности в совхозах и МТС. См. таблицу 5.

Таблица 5. Специальности граждан, прибывших из КНР (выборочно) [26]

Table 5. Specialties of citizens arriving from the People's Republic of China (selection)

№№	Наименование специальностей	Количество человек	Из них не могут быть использованы в МТС на работе по специальности
1	Инженеры путей сообщения	3	3
2	Педагоги	13	11
3	Медсестры	6	1
4	Экономисты	4	2
5	Товароведы	5	5
6	Фармацевты	5	5
7	Художники	2	2
8	Слесари-токари	33	–
9	портнихи	22	22
10	Колбасники	5	5
	и другие	…	…
	Всего лиц разных специальностей	192	59

Хотя, были и исключения. Так, в Новочеркасском районе из прибывших трудоспособных 29 человек, трудоустроены были[29]. Скорее всего, такая положительная ситуация была связана с тем, что прибывшие граждане имели сельскохозяйственные специальности.

«Шофёров – 4 чел., трактористов – 2 чел., мотористов – 1 чел. и плотников – 2 чел., из числа женщин – 3 чел., работают в поливочной мастерской. Остальные принимают участие в строительных работах»[27].

Конечно, стоит отметить, что местные власти прилагали усилия для трудоустройства и получения нужного для репатриантов образования. Материалы архивного дела показывают, что многие из них были трудоустроены по месту пребывания. Однако несмотря на то, что «все рабочие (прибывшие. – авторы) к работе относятся добросовестно, а отдельные неплохо участвуют в общественной работе»[28], не каждому удалось найти работу по специальности. Более того, репатриантам пришлось менять свой профиль специальности и устраиваться на работу, популярную на целине – разнорабочий, животновод, слесарь, монтажник и др. Так, телеграфист стал кладовщиком, а зубопротезный техник – печником[29]. См. таблица 6. (выборочные данные).

Таблица 6. О трудоустройстве прибывших граждан

Table 6. On the employment of arriving citizens

№	ФИО	Год рождения	Наименование МТС	Кол-во	специальность	Кем и где работает
1	Серебрянников А.И.	1896	Преображенская	2	телеграфист	кладовщик в МТС
2	Егоров Д.П.	1895	Балкашинская	2	зубопротезный техник	печником в МТС
3	Пукасова Т.А.	1923	Балкашинская	2	преподаватель китайского языка	учётчик в колхозе им. Калинина
4	Курицин И.В.	1933	Балкашинская	2	киномеханик	разнорабочий
5	Наставин А.С.	1903	Балкашинская	2	землемер	разнорабочий
6	Рудейкис Г.Н.	1917	Новосельская	3	музыкант, шофёр	колхозник колхоза им. Чапаева
7	Лой А.И.	1904	Новосельская	4	преподаватель русского языка	колхозник колхоза им. Чапаева
8	Дымова Р.Ф.	1905	Новосельская	2	портниха	сторож нефтебазы Спасс.МТС
9	Фомин О.И.	1901	Новосельская	2	лаборант-бактериолог	разнорабочий в МТС
10	Глухов	–	Новочеркасская		окончил Харбинский политехнический	разнорабочий

					институт по специальности инженер-электрик	

Во многих хозяйствах своевременно не решался вопрос со снабжением репатриантов продуктами питания и одеждой. В решении этого вопроса поражает безразличие, «безответственное, если не сказать больше преступное» и халатное отношение со стороны местных руководителей[30]. «Вновь прибывшие советские граждане картофелем и овощами не обеспечены, хотя такая возможность имела место быть в колхозах Новосельской МТС. Им мясо, продукты, мука не продавались ни по линии сельпо, ни по линии сельхозартели. Люди втридорога покупают у колхозников продукты питания»[31].

Отчёты официальных лиц изобилуют фактами «недовеса», «обмана», «спекуляции», «сокрытия товара», «ростовщичества» и т.д. в отношении репатриантов как со стороны руководства МТС, так и простых жителей. Понятно, что такое отношение со стороны местных жителей вызывали тревогу и разочарование у прибывших из Китая советских граждан. Не случайно в отчётах проверяющих лиц неоднократно высказывается озабоченность относительного этого: «Отношение к устройству, материальному обеспечению этих семей со стороны руководства МТС и местных партийных руководителей настолько преступно-безответственное, что, несмотря на незнание или вернее выражаясь слабое знание советских законов и порядков и боязнь открыто говорить, у многих приехавших иссякло всякое терпение и они в заключении беседы заявили: "Мы не можем никак понять зачем нас сюда привезли, затем, чтобы посмеяться или поиздеваться над нами?"»[32].

В записке Секретаря Обкома КП Казахстана Н. Журина в ЦК КПСС «О трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших в Акмолинскую область из Китайской Народной Республики» от 1 декабря 1954 года отмечалось: «…бюро обкома партии рассмотрело материалы проверки трудового и бытового устройства граждан, прибывших из КНР и обязало управление сельского хозяйства, управляющего областной конторой сельхозбанка, райисполкомы, райкомы партии и директоров МТС принять меры к устранению недостатков в этом деле и обеспечить надлежащее трудовое и бытовое устройство граждан, прибывших из Китая»[33].

Таким образом, из вышесказанного видно, что вопросы жилищно-бытового и трудового устройства репатриантов из КНР в полном объёме в силу объективных и субъективных причин решались несвоевременно. Партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные организации, администрация совхозов и МТС мало проявляли внимания к нуждам переселенцев. Необустроенность жизни на целине неизбежно приводила к внутренней и внешней миграции, когда репатрианты в поисках лучшей работы или ближайших родственников покидали пределы целинного района. Так, в Постановлении бюро Алма-Атинского областного Комитета КПК от 24 мая 1954 года отмечалось о недостаточности принимаемых мер по трудовому и хозяйственному устройству прибывших из КНР советских граждан, в результате чего «422 прибывших хозяйств вынуждены были выехать из первоначальных мест поселения в другие области Казахстана, Узбекской и Киргизской ССР»[34]. Аналогичная ситуация складывалась в других республиках СССР. Так, Прокуратура Ошской области Киргизской ССР сообщала: «Оказавшись в тяжёлых

условиях и не чувствуя заботы со стороны правления колхозов и местных органов власти, многие из прибывших стали покидать колхозы и выезжать в Казахскую ССР» [35]. Активно уезжала из районов целины молодёжь. Многие из них направлялись в города для обучения в советских учебных заведениях.

Зачастую директоры МТС сами способствовали перемещению приезжих граждан в другие районы, организации и учреждения с тем, чтобы избавиться от заботы об их устройстве, а направление в колхозы в ряде случаев носило административный характер. Так, директоры Лозовской, Турксибской и Надаровской МТС Лозовского района Павлодарской области, не желая проявить заботу о трудоустройстве и обеспечении жильём, перевели в колхозы 10 семей. Главы этих семей возражали против направления в колхозы, однако к их голосам не прислушивались. Более того, председатели колхозов предложили им подать заявления о приёме в колхоз, предупредив, что в противном случае не будут выдавать продукты питания. Главы семей Думских Н.А. и Ван Т.И., направленные из Лозовской МТС в колхоз имени Ворошилова, по их устному заявлению, неоднократно высказывали просьбы освободить их от работы в колхозе и всякий раз выслушивали оскорбления со стороны председателя колхоза т. Бут и бригадира т. Гулаева [8, л. 35].

Судьба репатриантов в Казахстане складывалась по-разному. Одни пустили глубокие корни в целинную землю, стали активными участниками освоения целинных и залежных земель, другие же предприняли попытку проложить путь в «новую» жизнь в других частях Советского Союза. И если первое время оставшиеся в Казахстане репатрианты держались друг за друга, соблюдали обычаи, праздновали свадьбы и т.д., то со временем эти связи ослабевали и приводили к постепенному растворению их в местной социокультурной среде.

Результаты проверок были обсуждены на республиканском уровне и доложены в ЦК КПСС. По ним были приняты соответствующие указания и меры по улучшению материально-бытового положения репатриантов. Стоит отметить, что проблемы репатриантов постепенно решались местными властями, и, скорее всего, положительно, так как со временем «прибывшие люди из КНР привыкли к местным условиям и жителям. Кроме 3-4 семей (бывшие жители города), все остальные семьи изъявляют желание постоянно работать и жить. Для этого сейчас созданы все условия: они начинают заводить скот, им выделены земельные участки под огород, у всех есть топливо и продукты питания на зиму. Многие из них… хотят получить разрешение на выезд их родственников из Китая… в этот совхоз» [8, л. 21].

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Автор благодарит за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 5
2. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 8
3. Государственный архив Акмолинской области (далее – ГАОО). ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 11-19
4. Предоставленная Правительством гражданам, прибывшим из КНР, помощь в виде ссуд на строительство домов, на момент государственной проверки материально-бытового положения репатриантов, была не использована. К примеру, «Секретари обкома партии (Павлодарской области. – авторы) тт. Афонов и Романов и руководители облисполкома до последнего времени о предоставляемых льготах не знали». РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 4. Л. 10.
5. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 2
6. Государственный архив Акмолинской области (далее – ГАОО). ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 3
7. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 9
8. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 115–116
9. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 116–117
10. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1915, л. 38
11. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 118
12. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 110
13. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 16
14. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 17
15. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 17–18
16. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 11
17. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 10
18. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1915, л. 106
19. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 38
20. В отчётах проверяющих лиц делается акцент на слабую идейно-воспитательную работу и научно-атеистическую пропаганду среди граждан, прибывших из КНР. В частности, отмечается, что «необходимо отметить, что граждане, прибывшие из Китая весьма религиозно настроены. В каждой квартире иконы и лампады, дети носят кресты». ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 78.
21. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 110
22. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 79–80
23. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 37
24. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 50
25. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 51
26. РГАНИ. ф. 5, оп. 45, д. 4, л. 56
27. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 68
28. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 92
29. ГАОО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 92
30. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 117
31. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 99
32. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 118

33. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л. 109
34. ГААО. ф. 1, оп. 1, д. 1982, л.110
35. РГАНИ. ф. 5, оп. 45. д. 127, л. 86
36. РГАНИ, ф. 5, оп. 45. д. 4, л. 35
37. РГАНИ, ф. 5, оп. 45. д. 4, л. 21

Список литературы

Аблажей Н.Н. Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных землях (1954-1962 гг.). *Гуманитарные науки в Сибири.* 2008. № 2, с. 104–106.

Аблажей Н.Н. *Казахский миграционный маятник «Казахстан-Синцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция.* Караганды: Болашак Баспа. 2014. 273 с.

Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Хозяйственно-бытовое и трудовое устройство граждан-репатриантов из КНР в Казахстан в годы целины. В: *Материалы VI международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества».* Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет. 2016. С. 117-123.

Атантаева Б.Ж. *Казахстанско-китайские межгосударственные миграции в середине XIX-начале XXI вв:* специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Алматы. 2008. 50 с.

Игнатьева Л.Н. *Роль миграции в формировании населения Казахстана: 1926-1959 гг.:* автореферат дис. ... канд. истор. наук. Барнаул. 2006. 24 с.

Кузнецова О.В. Архивные документы на реэмигрантов из Китая как исторический источник. В: *Археография Южного Урала:* материалы III Международной конференции. Уфа: Информреклама. 2003. С. 54-57.

Мажитова Ж.С., Жалмурзина А.Ж. Участие комсомола и молодёжи Татарской АССР в освоении целины в 1950-е годы (По материалам архива города Нур-Султан). *Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки».* Алматы, 2020. № 4(67). С. 66-70.

Мендыкулова Г.М., Атантаева Б.Ж. *История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860-1960-е гг.* Алматы: Изд-во «Са-Ға», 2008. 232 с.

Литвинцев Г.М. *Нас ещё долго звали китайцами… Сайт Координационного совета соотечественников в Китае.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.old.russianchina.org/articles/2011/03/25/3335

References

Ablazhey N.N. Repatrianty iz KNR v raionakh osvoeniia tselinnykh i zalezhnykh zemliakh (1954-1962 gg.). *Humanitarian sciences in Siberia.* 2008. No. 2, pp. 104-106. (In Russian)

Ablazhey N.N. *Kazakhskii migratsionnyi maiatnik «Kazakhstan-Sintszian». Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia.* Karaganda: Bolashak Press. 2014. 273 p. (In Russian)

Alpyspaeva G.A., Sayakhimova Sh.N. Khoziaistvenno-bytovoe i trudovoe ustroistvo grazhdan-repatriantov iz KNR v Kazakhstan v gody tseliny. In: *Materials of the VI International Scientific and Practical Conference "Russia and China: History and Perspectives of Cooperation".* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 2016. Pp. 117-123. (In Russian)

Atantaeva B.Zh. *Kazakhstansko-kitaiskie mezhgosudarstvennye migratsii v seredine XIX – nachale XXI vv.* Specialty 07.00.03 "General history (of the relevant period)": author's abstract of the dissertation for the competition of the academic degree of the doctor of historical sciences. Almaty. 2008. 50 p. (In Russian)

Ignatieva L.N. *Rol migratsii v formirovanii naseleniia Kazakhstana: 1926-1959 gg*. Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Barnaul. 2006. 24 p.

Kuznetsova O.V. *Arkhivnye dokumenty na reemigrantov iz Kitaia kak istoricheskii istochnik. In: Archeography of the Southern Urals: materials of the III International Conference*. Ufa: Informreklama. 2003. Pp. 54-57.

Mazhitova Zh.S., Zhalmurzina A.Zh. Uchastie komsomola i molodezhi Tatarskoi ASSR v osvoenii tseliny v 1950-e gody (Po materialam arkhiva goroda Nur-Sultan). *Bulletin of KazNPU. Series "Historical and socio-political sciences"*. Almaty. 2020. No. 4(67). Pp. 66–70.

Mendykulova G.M., Atantaeva B.Zh. *Istoriia migratsii mezhdu Kazakhstanom i Kitaem v 1860-1960-e gg.* Almaty: Publishing house "Sa-Ga", 2008. 232 p.

Litvintsev G.M. *Nas eshche dolgo zvali kitaitsami…* [Electronic resource]. Site of the Coordination Council of Compatriots in China. URL: http://www.old.russianchina.org/articles/2011/03/25/3335

Information about authors

Zhanna S. Mazhitova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Astana Medical University, 49a Beibitshilik St., 010000, Astana, Kazakhstan; https://orcid.org/0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Жанна Сабитбековна Мажитова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Астана медицина университеті, 010000, Бейбітшілік, 49а, Астана, Қазақстан. https://orcid.gg / 0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com

Сведения об авторах

Жанна Сабитбековна Мажитова – доктор исторических наук, профессор, Медицинский университет Астана, 010000, Бейбитшлик, 49а, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest ***/ Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2026
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 10.02.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.03.2026

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.76.91

To the proliferation of Protestant denominations in the territory of Northern Kazakhstan (the second half of the XIX century - the beginning of the XX century)

Zh. Nurbaev[a] ✉, **G. Sultangazy**[b]
[a]*Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan,*
[b]*Scientific Institute for the Study of the Ulus Jochi, Astana, Kazakhstan*
✉ *zhaslannurbayev@gmail.com*

Abstract. The article examines the spread and institutional consolidation of the Russian Orthodox Church in the Steppe Region in the late nineteenth and early twentieth centuries in the context of the colonial policy of the Russian Empire, the resettlement movement, and the transformation of the region's confessional structure. Particular attention is paid to Akmola and Semipalatinsk oblasts, where the growth of the Orthodox population was closely connected with peasant migration from the inner provinces of Russia, the formation of new settlements, military lines, Cossack stanitsas, and urban centres. Drawing on statistical materials, data from the First General Census of the Russian Empire of 1897, annual regional surveys, archival documents, and published ecclesiastical sources, the article analyses the size of the Orthodox population, its territorial distribution, and the correlation between Orthodox, Muslim, and other confessional groups. A central place in the study is occupied by the concept of "church construction," understood not only as the building of churches, prayer houses, and monasteries, but also as the establishment of a stable system of ecclesiastical administration, administrative-territorial division, parish networks, educational institutions, periodicals, and Orthodox public associations. In this regard, the article reconstructs the organizational formation of the Omsk Diocese, established in 1895, its role in governing Orthodox communities in Akmola and Semipalatinsk oblasts, and the activities of the Omsk Spiritual Consistory, the diocesan school council, missionary institutions, brotherhoods, and charitable societies. Through the prism of the institutionalization of the Orthodox Church, the article analyses one of the key dimensions of the Russian Empire's confessional policy: missionary activity among Kazakhs, Tatars, and other Turkic and non-Turkic ethnic groups of the Steppe Region. Special attention is given to the activities of the Kyrgyz Mission, its missionary stations, personnel structure, educational and enlightenment practices, and the limited results of proselytism among the local population. The article demonstrates that the Orthodox Church in the region performed not only religious, but also administrative, ideological, and integrative functions, serving as an important instrument of imperial spatial consolidation. The article demonstrates that the Orthodox Church in the region performed not only religious but also administrative, ideological, and integrative functions, serving as an important instrument of imperial spatial consolidation. The article concludes that the spread of Orthodoxy in the Steppe Region was determined by a combination of demographic, political, administrative, and missionary factors, while the institutional strengthening of the Omsk Diocese became one of the mechanisms for incorporating the region into the empire-wide confessional and administrative space. Thus, the study clarifies the nature of the interaction between religious policy, settler colonization, and administrative governance in the north-eastern areas of Kazakhstan. It shows that Orthodoxy spread not only as the faith of the resettled population, but also as an institutional pillar of imperial presence, associated with population control,

© G. Sultangazy, L. Mukataeva, Zh. Nurbaev, 2026

the regulation of civil-status acts, schooling, and the symbolic consolidation of new settlements. This gives the topic particular significance for historical and confessional studies of Kazakhstan and the wider region.

Keywords: Russian Orthodox Church; Steppe region; confessional policy; Kyrgyz mission; missionary settlements; diocese

For citation: Nurbaev Zh., Sultangazy G. To the proliferation of Protestant denominations in the territory of Northern Kazakhstan (the second half of the XIX century – the beginning of the XX century). *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.76-91 *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.76.91*

Дала аймағындағы Орыс Православие Шіркеуінің институционалдық құрылымының кейбір аспектілері

Нурбаев Ж.Е.[a], Султангазы Г.[b]

[a]*Maqsut Narikbayev University, Астана, Қазақстан*

[b]*Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан*

Андатпа. Мақалада XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы Дала өлкесі аумағында Орыс православие шіркеуінің таралуы мен институционалдық орнығу үдерісі Ресей империясының отарлық саясаты, қоныс аудару қозғалысы және өңірдің конфессиялық құрылымының өзгеруі контексінде қарастырылады. Зерттеуде православие дінін ұстанған халық санының өсуі ішкі Ресей губернияларынан келген шаруалардың қоныс аударуымен, жаңа елді мекендердің, әскери шептердің, казак станицалары мен қалалық орталықтардың қалыптасуымен тығыз байланысты болған Ақмола және Семей облыстарына ерекше назар аударылады. Статистикалық материалдар, 1897 жылғы Ресей империясының Бірінші жалпы халық санағының деректері, жыл сайынғы облыстық шолулар, архив құжаттары және жарияланған шіркеулік дереккөздер негізінде православие халқының саны, аумақтық орналасуы, сондай-ақ православиелік, мұсылмандық және өзге де конфессиялық топтардың арақатынасы талданады. Зерттеуде «шіркеу құрылысы» ұғымы маңызды орын алады. Бұл ұғым тек храмдар, ғибадат үйлері мен монастырьлар салуды ғана емес, сонымен қатар діни басқарудың тұрақты жүйесін, әкімшілік-аумақтық бөліністі, приходтар желісін, діни білім беру мекемелерін, мерзімді басылымдарды және православиелік қоғамдық бірлестіктерді қалыптастыруды да қамтитын кең мағынада қолданылады. Осы тұрғыдан алғанда, 1895 жылы құрылған Омбы епархиясының ұйымдастырушылық қалыптасуы, оның Ақмола және Семей облыстарындағы православиелік қауымдарды басқарудағы рөлі, сондай-ақ Омбы рухани консисториясының, епархиялық училищелік кеңестің, миссионерлік құрылымдардың, бауырластық ұйымдар мен қайырымдылық қоғамдарының қызметі ашып көрсетіледі. Православие шіркеуінің институционалдануы арқылы Ресей империясының конфессиялық саясатының маңызды бағыты – Дала өлкесіндегі қазақтар, татарлар және басқа да түркі, сондай-ақ түркі емес этностар арасындағы миссионерлік қызмет талданады. Бұл ретте «Қырғыз миссиясының» қызметіне, оның миссионерлік стандарына, кадрлық құрылымына, ағартушылық және білім беру тәжірибелеріне, сондай-ақ жергілікті халық арасындағы прозелитизмнің шектеулі нәтижелеріне арнайы көңіл бөлінеді. Мақалада православие шіркеуінің өңірде тек діни ғана емес, сонымен қатар әкімшілік, идеологиялық және интеграциялық қызметтер атқарғаны, империялық кеңістікті игерудің маңызды құралына айналғаны көрсетіледі. Зерттеу қорытындысында Дала өлкесінде православиенің таралуы демографиялық, саяси, әкім-

шілік және миссионерлік факторлардың жиынтығымен айқындалғаны, ал Омбы епархиясының институционалдық тұрғыдан нығаюы өңірді жалпыимпериялық конфессиялық және басқару кеңістігіне енгізудің маңызды тетіктерінің бірі болғаны тұжырымдалады. Осылайша, мақала Қазақстанның солтүстік-шығыс аймақтарындағы діни саясат, қоныстандыру отарлауы және әкімшілік басқару арасындағы өзара байланысты нақтылауға мүмкіндік береді. Зерттеу православиенің бұл өңірде тек қоныс аударушылардың діни сенімі ретінде ғана емес, сонымен бірге халықты бақылау, азаматтық хал актілерін реттеу, мектептік білім беру және жаңа елді мекендерді символдық тұрғыдан бекіту үдерістерімен байланысты империялық қатысудың институционалдық тірегі ретінде таралғанын көрсетеді. Бұл мәселе Қазақстан мен жалпы өңірдің тарихи-конфессиялық зерттеулері үшін маңызды ғылыми мәнге ие.

Түйін сөздер: орыс православиелік шіркеу; дала өлкесі; конфессионалдық саясат; Қырғыз миссиясы; миссионерлік стандар; епархия

Некоторые аспекты институционального структурирования русской православной церкви на территории Степного края

Ж. Нурбаев[a], Г. Султангазы[b]

[a]Maqsut Narikbayev University, Астана, Казахстан

[b]Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс распространения и институционального закрепления Русской православной церкви на территории Степного края в конце XIX – начале XX вв. в контексте колониальной политики Российской империи, переселенческого движения и трансформации конфессиональной структуры региона. Особое внимание уделяется Акмолинской и Семипалатинской областям, где рост православного населения был тесно связан с крестьянской миграцией из внутренних губерний России, формированием новых поселений, военных линий, станиц и городских центров. На основе статистических материалов, данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., ежегодных областных обзоров, архивных документов и опубликованных церковных источников анализируется численность православных жителей, их территориальное распределение, а также соотношение православного, мусульманского и иных конфессиональных компонентов населения. Важное место в исследовании занимает понятие «церковное строительство», понимаемое не только как возведение храмов, молитвенных домов и монастырей, но и как создание устойчивой системы духовного управления, административно-территориального деления, приходской сети, образовательных учреждений, печатных органов и православных общественных объединений. В этом контексте раскрывается история организационного оформления Омской епархии, учрежденной в 1895 г., ее роль в управлении православными общинами Акмолинской и Семипалатинской областей, а также деятельность Омской духов-ной консистории, епархиального училищного совета, миссионерских структур, братств и благотворительных обществ. Через призму институционализации православной церкви анализируется одна из ключевых сторон конфессиональной политики Российской империи – миссионерская деятельность среди казахов, татар и других тюркских и нетюркских этносов Степного края. Отдельно рассматривается деятельность Киргизской миссии, ее станы, кадровая структура, образовательные и просветительские практики, а также ограниченные результаты прозе-

литизма среди местного населения. Показано, что православная церковь в регионе выполняла не только религиозные, но и административные, идеологические и интеграционные функции, выступая важным инструментом имперского освоения пространства. В заключение делается вывод о том, что распространение православия в Степном крае было обусловлено комплексом демографических, политических, административных и миссионерских факторов, а институциональное укрепление Омской епархии стало одним из механизмов включения региона в общеимперское конфессиональное и управленческое пространство. Тем самым статья позволяет уточнить характер взаимодействия религиозной политики, переселенческой колонизации и административного управления в северо-восточных районах Казахстана. Исследование показывает, что православие здесь распространялось не только как вера переселенцев, но и как институциональная опора имперского присутствия, связанная с контролем населения, регулированием брачно-семейных актов, школьным обучением и символическим закреплением новых поселений, что придает теме значение для историко-конфессиональных исследований Казахстана и региона в целом.

Ключевые слова: русская православная церковь; Степной край; конфессиональная политика; Киргизская миссия; миссионерские станы; епархия

Для цитирования: Нурбаев Ж., Султангазы Г. Некоторые аспекты институционального структурирования русской православной церкви на территории Степного края. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no1, pp.76-91. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.76.91*

Введение

Началом распространения в Казахстане русской православной церкви (далее – РПЦ) можно считать первую половину XIX в. Однако в этот период российская администрация в своей религиозной политике использовала ислам в качестве идеологического средства в целях формирования непротивленчества местного населения. Казахское население подвергалось интенсивному распространению и укреплению ислама: государство взяло на себя решение вопросов о назначении мулл, занималось строительством мечетей. Подобные действия преследовали, прежде всего, закрепление России в казахских пространствах и влияние на внутреннее устройство казахского социума.

Данные обстоятельства ограничивали влияние православия. Церкви строились только в местах русских поселений и военных форпостов. Однако уже в этот период, во-первых, в завоеванные районы переселялись только люди, исповедующие православие, а, во-вторых, любая станица, любой город начинали свою жизнь от храма (Артемьев 1995: 42).

К 30-40-м гг. XIX в. укрепление институтов ислама приняло нежелательный характер для России. В казахскую степь под видом «бродячих мулл» стали проникать миссионеры из Центральной Азии, которых принимали за тайных агентов Британской и Османской империй. Это привело к кардинальной трансформации конфессиональной политики Российской империи.

Изменение отношения центральных и местных колониальных органов к исламу в сторону тотального контроля и ограничения, кроме того, массовое переселение крестьян стали основными причинами широкого распространения православия в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв., т.е. история ее проникновения теснейшим образом

связана с крестьянской колонизацией.

Обострение земельных отношений в центральных регионах России во второй половине XIX – начале XX вв. правительство стремилось разрешить путем государственного стимулирования переселения крестьян из перенаселенных центральных регионов на новые колонизированные территории империи. В результате этническая характеристика Степного края была кардинально изменена, происходит резкий скачок удельного веса славянского компонента, а отсюда изменения конфессиональной структуры в сторону увеличения представителей православного христианства.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составил комплекс архивных, статистических, церковно-административных и опубликованных материалов, позволяющих реконструировать процесс распространения православия и институционального оформления Русской православной церкви на территории Степного края в конце XIX – начале XX вв. Важное значение имели документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного архива Омской области (ГАОО). В частности, в работе использованы материалы ЦГА РК, в которых содержатся сведения о численности православного и мусульманского населения, состоянии религиозной жизни в Акмолинской и Семипалатинской областях, административной переписке, вопросах церковного управления, обеспечении переселенческих поселков духовенством и религиозной инфраструктурой.

Существенный пласт источников представлен материалами Государственного архива Омской области. Эти архивные дела позволяют проследить организационное становление Омской епархии, ее административное подчинение, деятельность духовной консистории, вопросы открытия приходов, миссионерских станов, подготовки духовных кадров, а также взаимодействие церковных структур с местной имперской администрацией. Особое значение имеют документы, связанные с деятельностью Киргизской миссии, поскольку они дают возможность оценить не только институциональные механизмы православной миссионерской политики, но и ее реальные результаты среди казахского, татарского и иного населения края.

Наряду с архивными материалами в статье использованы опубликованные статистические источники: материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Акмолинской и Семипалатинской областям, «Обзор Акмолинской области за 1911 г.», а также справочные и церковные издания, включая «Омские епархиальные ведомости», «Справочную книгу Омской епархии» И. Голошубина, труд К. Скальского «Омская епархия» и Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Эти материалы позволили сопоставить официальную статистику, церковную отчетность и административно-идеологический дискурс православного ведомства.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и критического анализа источников. Историко-генетический метод применялся для выявления этапов распространения православия и формирования церковной инфраструктуры в Степном крае. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить особенности развития православных институтов в Акмолинской и Семипалатинской

областях, а также выявить различия в динамике конфессионального состава населения. Статистический метод использовался при анализе численности православного населения, соотношения конфессиональных групп и результатов миссионерской деятельности. Институциональный подход позволил рассмотреть Омскую епархию как сложную систему церковного управления, включавшую епархиальное начальство, духовную консисторию, викариатства, миссионерские станы, учебные заведения, братства и благотворительные организации.

Кроме того, применялся метод источниковедческой критики, направленный на выявление происхождения, назначения, степени репрезентативности и возможной идеологической заданности использованных документов. Особое внимание уделялось сопоставлению архивных данных с опубликованными церковными и статистическими материалами, что позволило избежать односторонней интерпретации и показать православие в Степном крае не только как религиозное явление, но и как элемент имперской административной, переселенческой и конфессиональной политики.

Литературный обзор

Историография проблемы распространения православия и институционального оформления Русской православной церкви на территории Степного края в конце XIX – начале XX вв. представлена несколькими группами исследований и источников, различающихся по тематической направленности, характеру используемых материалов и исследовательским подходам. В целом имеющаяся литература позволяет рассматривать православие в регионе не только как религиозное явление, но и как важный элемент имперской конфессиональной, переселенческой и административной политики.

Одним из базовых исследований по истории православия в Казахстане является труд А.И. Артемьева «Русская православная церковь в Казахстане» (1995). Автор рассматривает основные этапы распространения православия на территории Казахстана, связывая этот процесс с продвижением Российской империи, строительством военных укреплений, формированием русских поселений и переселенческой политикой. Особую ценность представляет вывод исследователя о том, что православные храмы в крае выполняли не только религиозные функции, но и выступали важными символами закрепления имперского присутствия. Вместе с тем работа Артемьева носит преимущественно обобщающий характер, поэтому отдельные аспекты институционального развития Омской епархии и ее структур в Акмолинской и Семипалатинской областях требуют дальнейшего уточнения.

Более специальный характер имеют исследования, посвященные Омской епархии и ее взаимодействию с населением Степного края. В статье Б.К. Айтеновой анализируется процесс институционального структурирования Омской епархии и его связь с положением коренного населения. Автор показывает, что создание епархиальных структур, миссионерских станов, братств и иных церковных организаций было частью более широкой политики религиозного и административного освоения региона. В этом же направлении важны работы Л.Ю. Зайцевой, где православная церковь рассматривается в контексте взаимодействия русского и казахского населения, а также в связи с миссионерской деятельностью среди казахов и других этнических групп Степного края.

Особую группу составляют исследования, посвященные источниковой базе истории Омской епархии. З.Н. Берковская обращает внимание на значение «Омских епархиальных ведомостей» как базового источника по изучению внутренней жизни епархии, деятельности духовенства, приходской сети, миссионерских инициатив и церковно-общественных организаций. Данный источник важен не только как хроника событий, но и как отражение официального церковного дискурса, через который формировалось представление о миссии православия в полиэтничном и многоконфессиональном регионе.

К дореволюционной церковно-справочной литературе относятся труды К.Ф. Скальского и И. Голошубина, которые были описаны в разделе «Материалы и методы». Эти издания имеют высокую информативную ценность, однако требуют критического анализа, поскольку создавались в рамках церковно-административной традиции и отражали официальную позицию православного ведомства.

Значимыми для исследования являются также работы Н.И. Лебедевой и Л.И. Огородниковой. Лебедева рассматривает историю храмов и молитвенных домов Омского Прииртышья, что позволяет конкретизировать процесс «церковного строительства» на уровне локальной инфраструктуры. Огородникова, обращаясь к истории основания Омской епархии, раскрывает ее административное значение и роль в религиозной жизни Западной Сибири и северо-восточных районов Казахстана.

Наконец, важное место занимают опубликованные статистические и официальные материалы: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., «Обзор Акмолинской области за 1911 г.», а также Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Они позволяют сопоставить церковные сведения с демографической статистикой, определить численность православного населения, выявить масштабы прозелитизма и проследить изменения конфессиональной структуры края. Таким образом, анализ литературы показывает, что тема изучена фрагментарно: исследователи затрагивали историю православия, Омской епархии, миссионерства и церковной инфраструктуры, однако комплексное рассмотрение институционального структурирования Русской православной церкви в Акмолинской и Семипалатинской областях сохраняет научную актуальность.

Результаты и обсуждение

Наглядно изменение численности православного населения можно проследить по ежегодным статистическим отчетам. Источники подтверждают неуклонный рост православных христиан Степного края с 1900 по 1911 гг., особенно в Петропавловском уезде. В 1900 г. в Петропавловском уезде проживало 44516 православных, в 1911 г. стало 160728 человек 1 (Обзор Акмолинской области… 1912: 3).

Более подробно конфессиональный состав населения в отдельных областях рассмотрим на основе материалов Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Так, к примеру, перепись выявила, что Акмолинская область отличалась наиболее высоким удельным весом православных христиан, их удельный вес в общей численности населения составлял 33,37 % (Первая Всеобщая перепись... Акмолинская область 1897: V), а наибольший процент православных по уездам области наблюдался в Петропавловском уезде.

В Семипалатинской области православные христиане составляли по итогам переписи 1897 г. – 9,88 %, старообрядцы и раскольники – 0,2 % (Первая Всеобщая перепись...

Семипалатинская область 1897:V).

Отметим, что в переписи конфессиональная принадлежность определялась по языку. Так, кроме русских, украинцев и других славянских этносов православие исповедовали и небольшое количество казахов, татар, немцев, евреев. Наибольшее число крещенных казахов было в Семипалатинской и Акмолинской областях, соответственно, 286 (183 мужчин и 103 женщины) и 138 (94 мужчин и 44 женщины). Отсюда можно заключить, что больше всего казахов, принявших православие, проживало в областях Северного Казахстана, где наиболее активно шла колониальная политика. Всего, по Переписи 1897 г., казахов, которые приняли православие, насчитывалось 643 человек: 405 мужчин и 238 женщин. Из них в Акмолинской области 138 человека (94 мужчин, 44 женщин), Семипалатинской – 286 человек (183 мужчин, 103 женщин). Отсюда прозелитизм в среде кочевников можно охарактеризовать как малоуспешный, о чем свидетельствует весьма небольшое количество новообращенных казахов (Первая Всеобщая перепись … 1905).

Кроме казахов, православие принимали представители других этносов – татары, уйгуры, узбеки, евреи. Наибольшее количество новокрещенных татар проживало в Акмолинской области – 143 человека, среди них 93 мужчин и 50 женщин, в Семипалатинской – 18 человек, 10 мужчин и 8 женщин. Всего в крае насчитывалось 230 татар, которые приняли новую веру, из них 154 мужчин и 85 женщин. Локализация татарского населения, принявших православие, совпадала с картиной, сложившейся среди крещеных казахов. Основная часть крещеных татар располагалась в Северном Казахстане, прежде всего в Акмолинской области. Узбеков, принявших христианство, в целом по Казахстану насчитывалось всего 17 человек (10 мужчин и 7 женщин). Крещеные узбеки локализовались, в основном, на юге Казахстана – в местах своего традиционного проживания.

Таким образом, к началу XX в. кардинально трансформировалась религиозная картина Степного края, где прослеживалась тенденция увеличения числа православного населения. В отдельных уездах их численность уже в конце XIX – начале XX вв. составляла более трети от всего населения, в Петропавловске же православное население стало доминировать над мусульманским. Например, в 1900 г. в г. Петропавловске и Петропавловском уезде православных проживало 44516, мусульман – 41011 (из них казахов – 37551, татар – 3460)[2]; а в 1915 г. количество православного населения превысило мусульманское в 1,5 раза и их численность составило 196035 и 132050 человек, соответственно[3].

Так как этими огромными массами православного населения нужно было как-то управлять, создается целая система организационного управления. Во второй половине XIX в. началось массовое строительство православных церквей. В 1869 г. в Москве была учреждена специальная организация – Миссионерское общество, созданы миссионерские станы и посты, которые выполняли задачу «христианского просвещения туземного населения». Специальным правительственным постановлением предлагалось карать заключением в крепость лиц, уличенных в пропаганде иноверия среди православных. В то же время всемерно поощрялось принятие православия иноверцами. Правительство требовало от своих представителей на местах, чтобы они систематически информировали о состоянии веры в крае и мерах, предпринимаемых для усиления влияния православия.

Следует отметить важные особенности законодательных актов Российской империи в религиозной сфере: все граждане государства должны были быть представителями

той или иной конфессии, а «внеисповедное состояние» запрещалось; критическое отношение и осуждение религии каралось каторжными работами по статье богохульство; православная церковь являлась государственной религией Российской империи, поэтому была «первенствующей и господствующей».

Территория Степного края, а конкретнее территория Акмолинской и Семипалатинской областей, входила в юрисдикцию Омской епархии.

Сначала Акмолинская и Семипалатинская области были во введении Томской и Тобольской, а затем вошли в состав и структурно оформились в основном в рамках Омской епархии (1895 г.).

Важное значение в распространении и укреплении православия в это время в Павлодарском уезде отводилось Семипалатинскому духовному правлению. По архивным данным, в Павлодаре и Семипалатинске уже в начале XIX в. функционировали православные церкви, священнослужители которых были призваны участвовать в отправлении религиозных потребностей имевшегося на то время славянского населения во всей прилегающей округе[4].

Православие Семипалатинской области по своему церковному управлению, после образования в 1838 г. Томской епархии, была разделена между ней и Тобольской епархией. Ведению последней подлежали все церкви между ст. Семиярскою и п. Урлютюбинском, а также станицы Баян-Аульская и Каркаралинская, находящиеся в составе Атбасарского благочиния[5].

Вследствие крайнего неудобства такого разделения в церковном управлении писались ходатайства о подчинении всей Семипалатинской области безраздельно ведению Томского либо Тобольского епархиального начальства. Однако намерение властей об открытии отдельной епархии Степных областей в последующем было одной из основных причин создания Омской епархии[6].

Еще в 1885 г. Собор сибирских архипастырей рассматривал вопрос о создании самостоятельной Омской епархии. В конце 1887 г. в Омске была создана особая комиссия, результатом деятельности которой было представление предложений Тобольской духовной консистории об обособлении Омской епархии и выделении из Тобольской епархии. В 1895 г. Святейший Синод инициировал учреждение Омской епархии, а 2 марта 1895 г. он был утвержден Императором Николаем II. Так, в Западной Сибири и непосредственно в Северо-Восточном Казахстане возникла новая Омско-Семипалатинская епархия с площадью более 1 миллиона квадратных верст, но с количеством населения всего в 350 тысяч человек. В структуру епархии переходили все 57 церквей Акмолинской и Семипалатинской областей.

Первым епископом Омской епархии стал Григорий (Лев Полетаев), Управление епархией Григорий осуществлял до декабря 1900 г. (Скальский 1900: 15-34; Голошубин 1914: 900; Огородникова 2004: 41).

Главным органом управления епархией стала Омская духовная консистория. Административная система Омской епархии включала: архиерей, возглавляющий епархиальное управление, в структуру которой входили канцелярия и духовная консистория; епархиальный училищный совет; комитет Православного миссионерского общества; противосектантский миссионер, окружной противосектантский миссионер, начальник Киргизской миссии. Кроме того, существовали попечительство о бедных духовного

звания, Епархиальное братство ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения, во имя Божией Матери, именуемой "Утоли моя печали" (с 1898 г.), Общество хоругвеносцев. Затем были учреждены: комитет по удовлетворению религиозных нужд переселенцев Омской епархии и ревизионный комитет. В 1913 г. при Омском епархиальном братстве открыли Общество трезвости, а в 1915 г. комитет по оказанию помощи беженцам и дамский комитет.

Указом Синода от 30 ноября 1897 г. омскому епархиальному начальству было разрешено издавать с 1 января 1898 г. «Омские епархиальные ведомости» (внутренняя жизнь православной церкви освещалась до 1917 г.). Издание выходило два раза в месяц в составе двух частей (официальной и неофициальной)) под редакцией священника Омского кафедрального собора Климента Скальского (Берковская 2007: 143-144). В первом номере издаваемых епархией «Омских епархиальных ведомостей», вышедшем в свет 1 января 1898 г. так оценивалось значение новой епархии: «Прежде отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии, этот неоценимый дар небес, растут, множатся и благоухают среди векового невежества; растут и православные приходы – эти рассадники христианской, нравственной жизни, – они множатся и утверждаются, и во главе их ставятся правоспособные и достойные пастыри, решившиеся ради дела Христова покинуть свою далекую, присных и знаемых и по первому зову Владыки нашего посвятить себя апостольскому подвигу…» (Господи, благослови, 1898: 1-3). В этих словах была сформулирована главная идея процесса освоения края Омской православной епархией, её идеологическое обоснование.

В 1881 г. с разрешения Святейшего Синода была учреждена Киргизская противоисламская миссия как отделение Алтайской миссии Томской епархии для обращения в православие обитающих в пределах епархии казахов-кочевников (Всеподданнейший отчет… 1888: 115). До 1890 г. в имущественном и административном отношении Киргизской миссии не существовало вовсе: она состояла из одного только миссионерского причта, который занимался подготовительными работами к предполагавшейся в будущем деятельности. С 1890 г. Киргизская миссия постепенно начала приобретать самостоятельность и к тому времени, когда с образованием Омской епархии в 1895 г. она полностью отделилась от Алтайской миссии, у нее уже был свой собственный начальник в сане архимандрита, 4 стана и 11 служителей, за год присоединивших к Православной Церкви до семи – десяти инородцев[7].

Служители Киргизской миссии делились на три категории:

1. Управитель, или начальник миссии, имевший высшее духовное образование, в сане архимандрита, и его помощник в сане иеромонаха. Начальниками миссии за годы ее существования являлись выпускники Казанской духовной академии архимандриты Сергий (Стефан Петров) (1895-1899), Макарий (Михаил Павлов) (1899-1901), Владимир (Вячеслав Тихоницкий) (1901-1906) и Киприан (Константин Комаровский) (1906-1917).

2. Собственно миссионеры, почти все являвшиеся молодыми представителями белого духовенства, очень часто не имевшие специальной миссионерской подготовки и приобретавшие определенные навыки непосредственно в процессе своей деятельности.

3. «Будущее миссии»: псаломщики, учителя, переводчики. Практически все они были воспитанниками миссии – детьми новокрещённых и русских переселенцев.

С 1897 по 1917 гг. Киргизская миссия состояла в разное время из 7-10 станов: 6 в Семипалатинской области – Центральный стан, располагавшийся в Заречной слободке г. Семипалатинска, являлся духовным средоточием миссии и резиденцией ее начальника; здесь находился архив миссии, фундаментальная миссионерская библиотека, две церкви (Петропавловская и Благовещенская), две русско-киргизские школы, приют для новокрещённых и общежительный монастырь во имя Св. Апостола Андрея Первозванного; Преображенский (или Буконский) Усть-Каменогорского уезда Кулуджинской волости, в с. Преображенском; Мало-Владимирский Семипалатинского уезда в с. Мало-Владимирском; Шульбинский Усть-Каменогорского уезда в п. Шульба; Долонский – 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска станицы Долонской Семипалатинской области и уезда; Черноярский Павлодарского уезда, а также 4 стана в Акмолинской области - Татарский Омского уезда Черлаковской станицы; Атбасарский в г. Атбасаре; Александровский Акмолинского уезда Михайловской волости, находится в 25 верстах от г. Акмолинска, откуда перенесен 29 мая 1895 г.; Еленинский Акмолинского уезда Приречной волости в с. Нецветаевском.

Особенностью распространения православия на территории Степного края было формирование огромного числа служителей церкви. Священники выполняли государственные функции: им было поручено вести записи актов гражданского состояния – рождений, браков, смертей, передача этих функций церкви означало, по существу, насильственное привлечение всего населения к исполнению религиозных обрядов (Артемьев 1995: 7). Однако, в изучаемом периоде церковных служителей крайне не хватало для удовлетворения религиозных нужд православных жителей Степного края. В 1893 г. Степной генерал-губернатор просил Преосвященных Тобольского и Томского о назначении священников в 10 переселенческих поселков Акмолинской и 4 поселка Семипалатинской областей[8]. Так как данная проблема стояла остро и в Сибири, в 1903 г. Степным генерал-губернатором Н.Н. Сухотиным была направлена просьба митрополитам Санкт-Петербургскому, Московскому и Киевскому о командировании нескольких иеромонахов из подведомственных им монастырей, с кругом церковно-богослужебных книг, священных облачений и церковной утварью в поселения тех же областей[9]. В 1910 г. поднимался вопрос о нехватке духовных служителей. Вследствие обширности приходов, священники были лишены возможности посещать новые поселки, еще не вошедшие в состав этих приходов. Население проживало в таком отдалении от храмов и священников, что вовсе не в состоянии было обращаться к ним даже в самых необходимых случаях. Так что крещение детей откладывалось на месяцы и годы, а венчание заменялось гражданским сожительством[10].

16 августа 1898 г. было учреждено Омское епархиальное «братство ревнителей Православия, Самодержавия, Русской Народности и христианскаго благотворения». В п.1 Устава братства указывались его основная цель и задачи: «...насаждать, утверждать и охранять в жизни и деятельности меньшей во Христе братии любовь и преданность Церкви, Престолу и Отечеству, как залог их благосостояния, благоденствия и истиннаго счастия». Теория официальной народности провозглашалась практически реализуемой, доказывая верноподданническую позицию руководства епархии (Зайцева 2001: 141). Братство делилось на 7 уровней. Братья первого уровня вносили взнос 3 рубля, шестого – не менее 100 рублей. В 3-ей главе устава братства написано: «Священство и

церковнослужители Омской епархии, по долгу своей службы, состоят непременными ревнителями Братства» (Айтенова 2004: 21-26). Деятельность Братства всегда была значимой для Православной Церкви. Главное направление деятельности братства выражалось в охране православных жителей епархии от сектантства и раскольничества.

Важнейшим мероприятием развития епархии признавалось становление профессионализма священнослужителей, который зависел от местных условий и потребностей развития церкви. В 1909 г. обсуждался вопрос о создании в г. Омске образовательного учреждения для подготовки духовных лиц. Согласно отчету о состоянии епархии за 1908 г., подготовленный епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом Синоду, полный курс духовной семинарии окончило не более 43 % всех священников епархии. Остальные 57 % священников «по своему образовательному цензу» представляли «крайнее разнообразие: от не окончивших курса семинарии до окончивших сельскохозяйственную школу или получивших лишь домашнее образование». Ближайшие духовные семинарии – Тобольская и Томская – не удовлетворяли потребности Омской епархии. 6 апреля 1909 г. епископ Гавриил направил ходатайство в Синод об открытии духовной семинарии в Омске. Однако в условиях военного времени Синод счел начало новых строительных работ «неблаговременным» и указом от 27 июля 1916 г. предписал даже частичную постройку здания омской семинарии «отложить до наступления более благоприятного времени»[11]. Разрешения властей на создание своего училища, несмотря на настойчивые просьбы, казахская миссия так и не добилась. Подготовка миссионерских кадров производилась за пределами Степного края.

По причине увеличения и разрастания епархии в 1912 г. было учреждено первое викариатство – Семипалатинское, с пребыванием епископа в Семипалатинске. В 1913 г. с миссионерской целью открыли Акмолинское викариатство с кафедрой епископа в г. Омске (Лебедева 2003: 13-14). В последующем по указу Синода в ноябре 1914 г. кафедра второго викария (Акмолинского) переехала в г. Петропавловск, викарный же епископ стал именоваться Петропавловским.

Вторым викарием на территории Казахстана, также относившимся к Омской епархии, с назначением его места пребывания в г. Омске, стал Мефодий (бывший руководитель Уфимского духовного училища). Ему была поручена внутренняя “противосектантская” миссия и замена главы епархии по необходимости. После же открытия данного викариатства руководитель Омской епархии стал именоваться уже епископом Омским и Павлодарским.

Киргизская духовная миссия Омской епархии в 1912 г. имела при 8 станах 13 церквей и молитвенных домов и 18 школ.

В епархии было 6 монастырей: женские – Петропавловский Всехсвятский, Казанский в 6 верстах от станции Омск, Архистратиго-Михайловский в 7 верстах от п. Пресногорьковского Петропавловского уезда, Богородице-Михаило-Архангельский в Омском уезде; мужские – Николаевский на урочище Кара-Оба Петропавловского уезда и Покровский в 15 верстах от Омска. Основанная в 1902 г. женская община на “Святом Ключе” в Семипалатинской области в 1912 г. была преобразована в Знаменский миссионерский женский монастырь, при нем действовали церковно-приходская школа для девочек и приют для детей-сирот (Лебедева2003: 14)[12].

Таким мы увидели динамику роста православного населения Степного края и «церковное строительство», понятие, которое в широком смысле объединяет в себе следующее:

строительство молитвенных домов, духовное управление, административно-территориальное деление.

Заключение

Таким образом, можно подвести следующий итог:

Масштабная политика крестьянской колонизации на территории Казахстана, в особенности его степных регионов, а также изменение отношения Правительства к исламу, приведшей к разнообразным мерам его сдерживания, способствовали тому, что на рубеже XIX-XX вв. православие широко распространилось в Степном крае.

Отсюда изменяется конфессиональная палитра населения Степного края, в котором наблюдалась тенденция увеличения числа представителей православного христианства.

Отличительной чертой институционализации РПЦ в Степном крае является то, что православные христиане управлялись Омской епархией, которая по мере усиления процесса массовой крестьянской колонизации увеличивала систему епархиальных органов, приходов и церквей, что привело к дроблению, разветвлению епархии.

Первостепенной причиной появления епархии послужил также тот факт, что Степной край являлся полиэтничным и многоконфессиональным регионом, который превосходил в то время число православного населения, что негативно влияло на религиозные чувства последних. Хотя, именно это обстоятельство предопределило развитие в крае миссионерской деятельности.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф.393, оп.1, д.52, л.16;
2. ЦГА РК. Ф.393, оп.1, д.52, л.20.
3. ЦГА РК. Ф.393, оп.1, д.131, л.35.
4. ЦГА РК. Ф.387, оп.1, д.129, л.77.
5. Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф.3, оп.7, д.11259, л.1-1 об.
6. ГАОО. Ф.3, оп.7, д.11259, л.8-8 об.; ЦГА РК. Ф.64, оп.1, д.125, л.18.
7. ГАОО. Ф.16, оп.1, д.45, л.16.
8. ГАОО. Ф.16, оп.1, д.48, л.41-44.
9. ЦГА РК. Ф.64, оп.1, д.1062, л.1-2.
10. ГАОО. Ф.16, оп.1, д.122, л.1-5.

11. ГАОО. Ф.16, оп.1, д.146, л.11-15, 233, 242, 248.
12. ГАОО. Ф.16, оп.1, д.121, л.49; ЦГА РК. Ф.15, оп.1, д.2123, л.1-19.

Список литературы

Айтенова Б.К. Процесс институционального структурирования Омской епархии и коренное население Степного края (конец XIX – начало XX вв.). *Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых*: Сборник научных статей. Омск: ОмГПУ, 2004. С. 21-26.

Артемьев А.И. *Русская православная церковь в Казахстане.* Алматы. 1995. 242 с.

Берковская З.Н. Омские Епархиальные ведомости как базовый источник изучения истории Омской епархии конца XIX – начала XX вв. В: *Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность.* Тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции (Под ред. Р.М. Жумашева, А.П. Толочко). Омск: Издательство ОМГУ им. Ф.М. Достоевского. 2007. С. 143-144.

Голошубин И. *Справочная книга Омской епархии*. Омск: тип. «Иртыш». 1914. 1250 с.

Господи, благослови! Омские епархиальные ведомости. 1898. №1. С. 1-3.

Зайцева Л.Ю. Православная церковь и казахское население Степного края (конец XIX – начало XX вв.). В: *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.).* II Международная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. (Под ред. А.П. Толочко). Омск: ОМГУ. 2001. С. 141-142.

Лебедева Н.И. *Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья:* монография; науч. ред. А.В. Ремнев. Омск: Омский педагогический университет: Издатель-Полиграфист. 2003. 255 с.

Обзор Акмолинской области за 1911 г. Омск, 1912. Ведомость №3. 73 с.

Огородникова Л.И. Омская епархия – 110 лет со времени основания (2 марта 1895 г.). В: *Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья:* 2005. Омск. 2005. С. 41-43

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.; под ред. Н.А. Тройницкого; Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. Акмола: Вып. 81. Акмолинская область. 135 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. Санкт-Петербург. 1905. 147 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург: Слово. 1905. С.48-61.

Победоносцев К.П. *Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 г.* Санкт-Петербург: Синод. тип. 1888. 129 с.

Скальский К.Ф. *Омская епархия: Опыт геогр. и ист.-стат. описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии*. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1900. 422 с.

References

Aitenova B.K. Protsess institutsionalnogo strukturirovaniia Omskoi eparkhii i korennoe naselenie Stepnogo kraia (konets XIX – nachalo XX vv.). *Issues of Methodology and History in the Works of Young Scholars: A Collection of Academic Articles.* Omsk: Omsk State Pedagogical University. 2004. Pp. 21-26.

Artemyev A.I. *Russkaia pravoslavnaia tserkov v Kazakhstane.* Almaty. 1995. 242 p.

Berkovskaya Z.N. Omskie Eparkhialnye vedomosti kak bazovyi istochnik izucheniia istorii Omskoi

eparkhii kontsa XIX – nachala XX vv. In: *The Steppe Region of Eurasia: Historical and Cultural Interactions and the Present Day.* Abstracts of Papers and Presentations from the 5th International Academic Conference (Edited by R.M. Zhumashev, A.P. Tolochko). Omsk: F.M. Dostoevsky Omsk State University Press. 2007. Pp. 143-144.

Goloshubin I. *Spravochnaia kniga Omskoi eparkhii.* Omsk: "Irtys" Press. 1914. 1250 p.

Gospodi, blagoslovi! Omsk Diocesan Bulletin. 1898. No. 1. Pp. 1-3.

Zaitseva L.Yu. Pravoslavnaia tserkov i kazakhskoe naselenie Stepnogo kraia (konets XIX – nachalo XX vv.). In: The Steppe Region: A Zone of Interaction between the Russian and Kazakh Peoples (18th-20th centuries). 2nd International Academic Conference: Abstracts of Papers and Presentations. (Edited by A.P. Tolochko). Omsk: Omsk State University. 2001. Pp. 141-142.

Lebedeva N.I. *Khramy i molitvennye doma Omskogo Priirtyshia*: a monograph; scientific editor A.V. Remnev. Omsk: Omsk Pedagogical University: Izdatel-Poligrafist. 2003. 255 p.

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1911 g. Omsk. 1912. Bulletin No. 3. 73 p.

Ogorodnikova L.I. Omskaia eparkhiia – 110 let so vremeni osnovaniia (2 marta 1895 g.). In: *Significant and Commemorative Dates of the Omsk Priirtysh Region.* 2005. Omsk. 2004. pp. 41-43

Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi Imperii, 1897 g.; edited by N.A. Troynitsky; Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Akmola: Issue 81. Akmola Region. 135 p.

Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g. Vol. LXXXIV. Semipalatinsk Region. St Petersburg. 1905. 147 p.

Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. St Petersburg: Slovo. 1905. Pp. 48-61.

Pobedonostsev K.P. *Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sviateishego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia za 1886 g*. St Petersburg: Synod Press. 1888. 129 p.

Skalsky K.F. *Omskaia eparkhiia: Opyt geogr. i ist.-stat. opisaniia gorodov, sel, stanits i poselkov, vkhodiashchikh v sostav Omskoi eparkhii.* Omsk: A.K. Demidov Press. 1900. 422 p.

Information about the authors

Zhaslan Ye. Nurbayev – Candidate of Historical Sciences, Teaching professor, Maqsut Narikbayev University, 8 Korgalzhyn Highway, 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-4862-6152, zhasulannurbayev@gmail.com

Gulmira Zh. Sultangazy – Candidate of Historical Sciences, Teaching professor at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Aleksandr Pushkin Street, 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-8998-5875, sulg096@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Жаслан Есейұлы Нұрбаев – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор. Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы 8, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-4862-6152, zhasulannurbayev@gmail.com

Гүлмира Жолмағамбетқызы Сұлтанғазы – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор. Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым

комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК, А. Пушкин көшесі, 15Б, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-8998-5875, sulg096@gmail.com

Сведения об авторах

Жаслан Есеевич Нурбаев – кандидат исторических наук, Teaching Professor Maqsut Narikbayev University, Коргалжинское шоссе, 8, 010000, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-4862-6152, zhasulannurbayev@gmail.com.
Гулмира Султангазы – главный научный сотрудник РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, Александра Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Казахстан, Научный институт изучения Улуса Джучи, ул. Туркестан, 2, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-8998-5875, sulg096@gmail.com

Authors' Contributions

Zh. Nurbayev – writing the text and critically revising its content.
G. Sultangazy – contribution to the concept and design of the work; collection, analysis and interpretation of the results of the work.

Авторлардың қосқан үлесі

Ж. Нұрбаев – мәтін жазу және оның мазмұнын сыни тұрғыдан қайта қарау.
Г. Султангазы – жұмыстың тұжырымдамасы мен дизайнына үлес; жұмыс нәтижелерін жинау, талдау және түсіндіру.

Вклад авторов

Ж.Е. Нурбаев – написание текста и критический пересмотр его содержания.
Г. Султангазы – вклад в концепцию и оформление работы; сбор, анализ и интерпретация результатов работы.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу***. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.01.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 01.02.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.03.2026

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: https://kazhistorians.kz

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!
Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: https://kazhistorians.kz

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!
These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: https://kazhistorians.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
Қ. Байтанасова – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М. Амалбекова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – K. Baitanasova
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – M. Amalbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редактура текстов – К. Байтанасова
Перевод и редактура текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редактура текстов на русском языке – М. Амалбекова

Түпнұсқа макет "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі дайындалды
Жариялану күні 30.03.2026 жылы. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 5,8. Cambria гарнитурасы

Original layout prepared at the National Congress of Historians Public Association
Publication date 30.03.2026. Format 84×108 1/16
Printed sheet 5,8. Cambria headset

Оригинал-макет подготовлен в Общественном объединении
"Национальный Конгресс историков"
Дата выхода в свет 30.03.2026 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 5,8. Гарнитура Cambria

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008,
Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі,13/1.
Editorial office, publishing house, address of the founder: 010008,
Kazakhstan, Astana, Kazhimukhan str. 13/1.
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Кажимукана 13/1